САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

БИАНКИ Валентин Александрович

ПСИХОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Специальность 19.00.12 – «Политическая психология»

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель –
доктор психологических наук,
профессор А.И.Юрьев

Санкт-Петербург – 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
Глава 1. ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА . 17
1.1. Методологические основания исследования 17
1.2. Понятия социального и политического пространства в философии и социологии 20
1.3. Психологические пространственные исследования 25
1.4. Переход от индивидуальных пространств к коллективным 33
Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА 37
2.1. Пространство политического поведения 37
2.2. Пространство политического взаимодействия 51
2.2.1. Сетевое понимание политического взаимодействия 51
2.2.2. Политические партии как форма политического взаимодействия 56
2.3. Пространство политического сознания 58
2.4. Теоретическая модель психологии политического пространства 61
2.4.1. Политическая установка как интегративный феномен 61
2.4.2. Теоретическая модель политического пространства 65
Выводы теоретической части работы 69
Глава 3. ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА 72
3.1. Обоснование выбора методов 72
3.2. Процедура формирования анкетного опросника 75
3.3. Процедура формирования бланка и отбора шкал для семантического дифференциала 78
3.4. Процедура подготовка данных к обработке 85
Глава 4. АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 87

4.1. Результаты изучения уровня политического участия и потенциала политического взаимодействия ... 87
4.1.1. Анализ результатов исследования политической активности ... 87
4.1.2. Анализ результатов исследования политического взаимодействия ... 94
4.2. Результаты моделирования политического пространства ... 99
4.2.1. Генерация факторной структуры ... 99
4.2.2. Интерпретация факторов ... 105
4.2.3. Оценка роли групп шкал в факторном пространстве ... 108
4.3. Оценка независимости структуры факторного пространства ... 112
4.4. Анализ интерпретационной силы факторной модели ... 116
4.4.1. Предсказание электоральных предпочтений (категориальная регрессия) ... 116
4.4.2. Предсказание электоральных предпочтений (дискриминантный анализ) ... 117
4.4.3. Взаиморасположение электоральных групп ... 121
Выводы эмпирической части работы ... 125
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ РАБОТЫ ... 128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 130
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 132
ГЛОССАРИЙ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ ... 143
ПРИЛОЖЕНИЯ ... 146
Приложение 1. Бланк анкетного опросника ... 146
Приложение 2. Квотные задания интервьюерам ... 149
Приложение 3. Варианты расположения шкал ... 150
Приложение 4. Характеристика уникальных бланков ... 151
Приложение 5. Общности переменных в факторном анализе ... 152
Приложение 6. Центроиды электоральных групп в пространстве канонических функций ... 153

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данной работы обусловлена, прежде всего, политическими процессами, происходящими в России в середине 2000-х годов, которые берут начало в политической ситуации 1990-х годов и будут определять перспективы развития нации и российского государства как минимум в ближайшие 5-10 лет.

С середины 1990-х годов в политическом и экспертном дискурсе темы национальной идеи и гражданского общества занимают доминирующее положение. С нашей точки зрения, практическое содержание обоих этих понятий подразумевает преимущественно поиск системообразующих компонент структуризации нации. В эпоху СССР в большинстве национальных республик в значительной степени, несмотря на форсируемую высокую миграцию населения и пересмотр границ, существовала политическая самоидентификация на уровне республики, порой даже конкурировавшая с политической самоидентификацией на уровне СССР. В РСФСР же, в границах которой теперь существует Российская Федерация, политическая самоидентификация происходила, прежде всего, на уровне, ныне являющемся уровнем субъектов федерации. То есть житель Армянской ССР считал себя гражданином Армении и гражданином СССР, а житель Башкирской ССР – жителем Башкирии и гражданином СССР. С распадом СССР у жителя Армении исчезла идентификация с СССР, но осталась идентификация с новым государственным образованием – Арменией, а у жителей РСФСР идентификация с новым государством – Россией сформирована не была. В общем виде можно сформулировать это как отсутствие психологических факторов, обеспечивающих самоидентичность российской нации. Национальная идея в данном контексте может пониматься как идеологический компонент формирования нации, а гражданское общество – как структурно-политический компонент.

В середине 2000-х годов вступил в новую фазу законодательно форсируемый государственной властью процесс структуризации политического

пространства, прежде всего, ориентированный на увеличение роли политических партий. Юридическая регламентация данных действий была проведена в марте-июле 2005 года и включила в себя принятие следующих нормативных актов: Федеральный закон № 51 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 18.05.2005, Федеральный закон № 85 «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации» от 06.07.2005, Федеральный закон № 93 «О политических партиях» от 21.07.05.

Специфика российской ситуации состоит в следующем: принципиально сжат временной период, в ходе которого происходит формирование политического пространства; формирование партийной системы носит форсируемый со стороны руководства государства характер; в политической практике и теории отсутствует четкое представление о том, каковы адекватные для России психологические и политические параметры политического пространства.

Выбор Санкт-Петербурга в качестве места проведения исследования обусловлен тем, что этот город в политике России всегда играл особую роль, часто являлся своеобразным экспериментальным полигоном для апробации политических проектов. С одной стороны, большинство специалистов в разных областях говорит о специфике Санкт-Петербурга, обусловленной его историей, а с другой стороны, результаты последних федеральных выборов 2003-2004 годов показывают незначительность отличий в системе политических предпочтений жителей города от среднероссийских. Очевидно, что без масштабных сравнительных исследований невозможно сделать достоверные выводы о специфических психологических характеристиках политического пространства Санкт-Петербурга, определяющих его отличие от других регионов. Однако, как минимум, изучение психологических коррелят политического пространства Санкт-Петербурга позволит сделать прогностические выводы о развитии политической системы города, что

особенно важно в связи с предстоящими выборами в Законодательное собрание Санкт-Петербурга, которые, предположительно, пройдут в марте 2007 года по принципиально новой схеме, пропорциональной в своей основе, но включающей значимые элементы мажоритарной системы.

С точки зрения теоретического изучения психологических основ политики, принципиальным является решения вопроса о реконструкции, моделировании взаимосвязей тех психологических процессов, свойств и состояний, которые определяют политическое поведение населения. Большинство исследований в области политической психологии ограничиваются изучением взаимосвязей частных психологических феноменов, влияющих на политические явления: например, исследуется только категориальная структура сознания, но игнорируются поведенческие аспекты; или исследуется мотивация, не включающая анализ других факторов, прямо или косвенно определяющих поведение. С другой стороны, прямое изучение вовлеченности людей в политику, практикуемое в бихевиоральном подходе, предполагает лишь формализованный анализ роли политического человека в политическом явлении, таким образом, исключая даже претензию на определение причинности этого поведения.

Целью работы является создание психологической модели политического пространства на примере Санкт-Петербурга.

К основным **задачам** работы относятся:

- изучение междисциплинарного понимания термина «политическое пространство»;
- определение психологических составляющих политического пространства;
- определение методологических требований к изучению политического пространства;

- разработка методического комплекса, сочетающего методы изучения психологии политического сознания и поведения, позволяющего смоделировать политическое пространство;
- оценка валидности предложенного методического комплекса путем определения его прогностической силы;
- апробация предложенного методического комплекса для моделирования политического пространства Санкт-Петербурга и среднесрочного прогнозирования перспектив его развития.

Предметом исследования является психология политического пространства, формируемая политическими сознанием, поведением, взаимодействием, эмоциями и установками и психическими состояниями.

Объектом исследования стали жители Санкт-Петербурга старше 18 лет, размер выборки составил 678 человек. Выборка была построена по квотному принципу, с квотированием в соответствии с распределением населения города по половозрастным стратам согласно данным Государственного статистического комитета.

Теоретико-методологическую основу исследования составили следующие концепции:

- концепция социального пространства и политического поля Пьера Бурдье [14; 12];
- работы по политическим партиям Мориса Дюверже [32];
- принцип единства личности, сознания и деятельности (А.Н.Леонтьев [49], С.Л.Рубинштейн [64]);
- разработки в области семантического подхода к изучению содержания и категориальной структуры политического сознания В.Ф.Петренко [59; 60];

- концепция политического общества, системный подход к политической психологии, концепции психических состояний и жизненных пространств А.И.Юрьева [83; 84].

Гипотезы исследования:

1. Политическое пространство есть феномен, определяемый психологическими характеристиками населения.
2. Реализуемое политическое поведение как политический феномен определяется сочетанием различных психологических характеристик политического пространства.
3. Политическое поведение, политическое сознание, политические эмоции и политическое взаимодействие являются доминирующими компонентами, обуславливающими параметры политического пространства.
4. Характеристики индивидуальной позиции человека в политическом пространстве определяют его электоральный выбор.
5. Существующая система политической организации общества не соответствует психологическим параметрам политического пространства.
6. Исследование политического пространства позволяет прогнозировать возможность изменения системы политической организации общества.

Методы, использованные в работе:

- метод семантического дифференциала Ч.Осгуда в авторском варианте;
- метод анкетирования (авторский опросник);
- методы математико-статистической обработки данных (первичные статистики, меры проверки достоверности различий, факторный анализ, дискриминантный анализ, дисперсионный анализ, множественный регрессионный анализ, категориальный регрессионный анализ).

Научная новизна и теоретическая значимость данного исследования определяется тем, что, в отличие от работ, лежащих в рамках политологии и

социологии (П.Бурдье, Г.Зиммель, Ф.Бродель, И.Гофман, А.Гидденс), в данной работе политическое пространство интерпретируется как психологически обусловленный феномен, что означает обретение этим термином несколько большей объективности в силу указания его субстрата.

С другой стороны, новизна работы может быть показана путем сравнения с традиционными для психологии концепциями психологических пространств. В отличие от исключительно семантических концепций, с которыми работа имеет схожий метод (Ч.Осгуд, Дж.Келли, В.Ф.Петренко), в данной работе предпринимается попытка описать всю совокупность психологических процессов и состояний, пусть и определяющих ограниченный пласт социальной реальности – политические явления. Именно требование комплексности привело к необходимости учесть такие разнородные психологические феномены как эмоции, взаимодействие, поведение и сознание, которые в данной работы оказываются рядоположенными – в качестве компонентов политического пространства. Переход к психологической интерпретации также привел к выделению динамических и структурных компонентов политического пространства.

Результаты работы позволяют соотнести определенные политологические концепты – как классические (политическое участие), так и относительно новые (сетевое политическое взаимодействие) – с психологическими категориями не только на теоретическом, но и на эмпирическом уровне.

Применение методов дисперсионного и дискриминантного анализа для обработки результатов применения методики семантического дифференциала позволило повысить интерпретационные возможности метода семантического дифференциала.

Представляется, что значимость работы для политической психологии заключается во включении в его предметную область такого феномена как политическое пространство. В отличие от концепции жизненных пространств А.И.Юрьева, основанной на теории поля Курта Левина, в данной работе предпринимается попытка отталкиваться в построении модели не от

психологических феноменов, а от политических явлений. Соответственно, акцент в работе делается не на изучении причинности (потребностей и мотивов), а на описании совокупности психологических феноменов, влияющих на структуру политического пространства. При этом, общая структура модели и взаимное соотношение компонентов являются не априорными, а определяются в процессе эмпирического исследования.

Также новизна работы заключается в том, что она соотнесена с конкретным временным периодом и территорией: в работе разработана актуальная психологическая модель политического пространства в условиях изменения юридических и политических характеристик политической системы России.

Положения, выносимые на защиту

1. Политическое пространство является психологически обусловленным феноменом, определяемым рядом взаимосвязанных компонентов структурного (политические эмоции, политическое поведение, политическое взаимодействие, политическое сознание) и динамического характера (психические состояния). Компонентом психики, интегрирующим частные структурные компоненты политического пространства, являются политические установки.
2. Политическое пространство может быть смоделировано на основе изучения составляющих компонент, операционализированных соответственно как политическое участие, политическое взаимодействие, политическое отношение и категориальная структура политического сознания. Динамические характеристики позиции человека в политическом пространстве определяются его психическими состояниями.
3. При изучении психологических оснований политического пространства и моделировании его структуры, возможно использование метода семантического дифференциала с содержательным наполнением шкал,

отражающим элементы установок, соответствующие компонентам политического пространства.

4. Психологическая модель политического пространства, включающая структурные и динамические компоненты, позволяет прогнозировать общие характеристики политического и электорального поведения населения.
5. Психологические характеристики населения позволяют предположить возможность массового роста реальной численности политических партий, основным ограничением которой является неудовлетворенность существующей партийной системой.
6. Психологический профиль сторонников основных партий более гомогенен, чем социально-демографический.

Методическая и практическая значимость результатов исследования. Метод семантического дифференциала, выбранный в качестве ключевого метода исследования, обладает существенной прогностической силой в предсказании электоральных предпочтений, что является важным свидетельством валидности моделирования на его основе политического пространства. Исследование подтверждает многие из известных характеристик политической сферы в современном российском обществе – и низкий уровень политического участия, и неудовлетворенность существующей партийной системой. При этом, данное исследование, во-первых, показывает психологическую обусловленность этих явлений, а во-вторых, намечает пути возможного преодоления имеющихся негативных явлений. Использованный в диссертации методический подход позволяет подробно проинтерпретировать психологические отличия сторонников партий.

Результаты использования нетрадиционных методов обработки анкетного опросника (анализа шкал с помощью факторного анализа) и использование методов дисперсионного и дискриминантного анализа для данных, полученных методом семантического дифференциала, обладая высокой степенью

методической корректности, позволяют получить более валидные и подробные результаты, чем в случаях применения классических методов обработки данных (например, описать содержательные отличия электоратов партий в полученном факторном пространстве).

Апробация работы

Основные положения диссертационного исследования обсуждены на заседаниях кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета, изложены в 6 публикациях общим объемом 6,6 / 10,9 п.л., а также отражены в выступлениях автора на следующих научно-практических конференциях:

1. V Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Психология XXI века», факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2005 год
2. Международная научно-практическая конференция «Психология власти», Санкт-Петербургский государственный университет, 2005 год
3. Международная студенческая научная конференция «Реальный и виртуальный мир нового тысячелетия», Санкт-Петербургский государственный университет, 2002 год
4. II Всероссийская научно-практическая конференция «Выборы в Российской Федерации», Санкт-Петербург, 2002
5. II Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Психология XXI века», факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета, 2002 год
6. Международная студенческая конференция «Психология: грань между целым», Самарский государственный университет, 2001 год.

Также материалы, послужившие основой диссертационного исследования, были презентованы на круглом столе в Информационном агентстве «Росбалт» - «Выборы в Законодательное Собрание Петербурга 2007 года: прогноз ученых» 04.04.2006. Данная презентация прошла с участием депутатов

Законодательного собрания Санкт-Петербурга, ряда экспертов и представителей СМИ и повлекла за собой освещение во многих ведущих петербургских СМИ.

Также результаты исследования прошли апробацию в ходе консультаций по проведению избирательных кампаний в ряде регионов России.

Основные результаты исследования, после апробации работы, были использованы в курсах лекций как академического характера (семинары по курсу «Экспериментальный дизайн психологического исследования» на факультете психологии СПбГУ), так и прикладного (лекции членам молодежных движений «Наши» и «Молодая Гвардия», членам региональных отделений ряда политических партий по политической активности, партийному строительству и партийным избирательным кампаниям).

Можно предположить, что данные, полученные в ходе диссертационного исследования, будут полезны как для специалистов, заинтересованных в изучении политической структуры общества и политической системы в целом, так и для политических деятелей – в качестве источника рекомендаций по адаптации своей политической позиции к существующему политическому пространству.

Основное содержание диссертационной работы опубликовано в следующих работах:

1. Политическое пространство как психологический феномен // Вестник Петербургского университета, сер.6. 2006, вып.3, С.151-157, 0,25 п.л.
2. Психология партстроительства: перспективы партий в России // Стратегическая психология глобализации (Психология человеческого капитала) / под ред. А.И.Юрьева, СПб, 2006, С.228-247, 0,45/0,9 п.л. (совместно с А.И.Серавиным)
3. Исследования в партийных избирательных кампаниях и партстроительстве // Стратегическая психология глобализации

(Психология человеческого капитала) / под ред. А.И.Юрьева. – СПб, 2006, С.211-227, 0,35/0,7 п.л. (совместно с А.И.Серавиным)

4. Практика и психология регионального партстроительства. – СПб, 2006, 2,35/4,7 п.л. (совместно с А.И.Серавиным)
5. Прогностические очерки практики выборов на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области. – СПб, 2005, 1,8/3,6 п.л. (совместно с А.И.Серавиным)
6. Бианки В.А. Психологические аспекты функционирования власти в сетевых структурах // Психология власти. Тезисы международной научно-практической конференции / Под ред. А.И. Юрьева. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2005, С.85-94, 0,45 п.л.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, глоссария, списка литературы и приложений. Общий объём диссертации составляет 153 страницы. Работа включает 50 таблиц, 15 иллюстраций, 6 приложений на 13 страницах. Список литературы насчитывает 145 источников, 59 из них на иностранном языке.

Первая глава состоит из 4 разделов и посвящена терминологическому определению понятия «политическое пространство» и определению методологических подходов к его исследованию. Глава рассматривает понимание политического пространства в трудах отечественных и зарубежных социологов и политологов, что приводит к выделению четырех различных пониманий этого термина. Затем проводится анализ пространственных исследований в психологической науке, с акцентом на рассмотрение концепции семантического дифференциала Ч.Осгуда и концепции психосемантики В.Ф.Петренко, с одной стороны, а с другой – концепции Курта Левина. Также в первой главе дается обоснование корректности рассмотрения термина «пространство» применительно к психологии социальных групп, то есть переход от индивидуальных психологических пространств к коллективным.

Вторая глава диссертации состоит из 4 разделов и посвящена рассмотрению составных психологических подструктур политического пространства, а также конструированию его единой теоретической модели. В ней последовательно определяется и рассматривается пространство политического поведения, пространство политического взаимодействия, пространство политического сознания.

Затем в теоретическую модель вводится понятие политической установки как интегративного компонента, описывается понятие пространства политических эмоций.

В заключительном разделе четвертой главы приводится систематизация психологических компонентов политического пространства методом пентабазисов., а также обосновывается необходимость дополнения изучения структуры политического пространства исследованием динамических компонент, в качестве которой выбрана система психических состояний.

В третьей главе, состоящей из 4 разделов, изложена программа эмпирического исследования психологических составляющих жизненного пространства. В первом разделе главы обосновываются критерии выбора методов исследования. Далее рассматривается процедура формирования первой части исследовательской методики – анкетного вопросника. В третьем разделе описывается процедура отбора шкал и формирования вариантов бланка для методики семантического дифференциала. В заключительно разделе главы описана процедура преобразования данных, проведенная перед их обработкой.

В четвертой главе, состоящей из 4 разделов, представлены анализ и обсуждение результатов исследования политического пространства Санкт-Петербурга. В первом разделе приведены частные результаты исследования уровня политического участия и потенциала политического взаимодействия, а во втором – результаты психологического моделирования политического пространства. В третьем разделе полученные результаты анализируются на предмет оценки независимости структуры факторного пространства. В четвертом разделе главы полученные результаты анализируются как с точки

зрения их прогностической ценности (для определения системы электоральных предпочтений), так и исходя из диспозиции социальных и электоральных групп в политическом пространстве. Четвертый раздел служит для валидизации всего исследования.

В заключении диссертации сформулированы основные выводы и обсуждаются перспективы дальнейших исследований этой темы.

В глоссарии приведены определения основных терминов, используемых в работе.

Глава 1. ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

1.1. Методологические основания исследования

В своем исследовании (как в теоретической, так и в практической части) мы будем основываться на методологическом подходе, который условно можно назвать прагматическим, в силу его ориентированности на целесообразность как ключевой критерий использования в исследовании теоретических и методических компонентов (см., например мнение В.В.Ильина [39]). Такой подход предполагает создание моделей условно объективно наблюдаемых феноменов. Эти модели, возможно, в меньшей степени будут ориентированы на вскрытие конечно-истинной структуры и содержания явления, а будут являться, скорее инструментом эффективного прогнозирования явлений и процессов.

Такой подход может быть продемонстрирован примерами из геометрии и физики: на сегодняшний день не идет речь об истинности геометрии Евклида, так как есть геометрия Лобачевского (и много других), не идет речь об истинности законов Ньютона, так как есть теория относительности. Но наличие «опровергающих теорий» не означает целесообразности отказа от постулата о непересекаемости параллельных прямых: дома все равно можно строить, выверяя прямые углы, и при условии точности инструментов и аккуратности строителей параллельные стены не сойдутся. Тем более такой подход нам представляется адекватным для прикладных научных дисциплин, к которым можно отнести и политическую психологию.

Политика и психология человека – то, о чем чувствует себя вправе судить любой человек. Гипотетически, к любому политическому психологу должны быть предъявлены крайне высокие требования по объективности интроспекции, что мало реально (даже эксплицировать все свои внутренние политические убеждения мало кому удается). Отражение личности исследователя в его

теоретических и методологических взглядах носит крайне существенный характер (причем отражения всех характеристик психики – начиная от свойств темперамента и характера, и заканчивая его убеждениями, картиной мира и смысложизненными ориентациями). Ситуацию декларирования всего того, что может повлиять на научные воззрения автора, можно рассматривать только теоретически – сложно даже представить научную статью, начинающуюся с комплексного психологического портрета автора, включая психобиографию и профиль личности по всем известным методикам. Декларирование личности как инструмента исследования является определенным следствием борьбы с гносеологической проблемой. В некотором смысле, данная установка автора основывается на идее А.Н.Леонтьева о пристрастном характере психического отражения и индивидуального сознания. Понятие ментального пространства [18], вытекающее из одного из ключевых положений концепции Курта Левина [47] также является основанием понимать личность исследователя как инструмент исследования в широком смысле. С нашей точки зрения, принципиальное разведение научного и житейского сознания – а именно этот тезис может служить ключевым возражением против идеи перенесения общепсихологических законов на психологию научной деятельности, не совсем корректно, так как научное сознание в такой же степени является личностно объективированным, как и житейское.

В прикладной науке важным критерием условной истинности полученных результатов служит возможность повторения измерений [1, с.182], в узком смысле понимаемая как надежность измерительной методики [30, с.141]. Другим более сложным в применении, но более важным является критерий прогностической ценности теоретико-методического комплекса, понимаемого как модель объекта исследования. Наше представление о взаимосвязанности процессов прогнозирования и моделирования было подробно обосновано в дипломной работе 2003 года, и принципиально основывается на работах философа Маркса Вартофского, считавшего, что «модели занимают промежуточное положение между миром физических объектов и миром

когнитивных конструкций – они рассматриваются преимущественно как механизм познания» [16, с.167].

Нам представляется, что только подобный подход позволяет хотя бы относительно развиваться процессу накопления фактов в психологической науке, так как, в принципе, иначе невозможно обосновать аппеляцию к результатам исследований различных научных школ, и, тем более, использование в одном исследовании методик, лежащих в рамках различных теоретических концепций.

Сходные доводы в пользу прагматичной эклектики теоретических подходов приводит в своей работе по социологии пространства Филлипов: «… среди всех существующих теорий нет такой, которая бы удовлетворяла нашей потребности в объяснении множества аспектов социальной жизни, известных нам в нашем обыденном опыте, а любые новые попытки систематизации теоретического знания неизбежно приводят к исключению определенных возможностей описания и объяснения. Даже если некогда некое интегральное социальное знание будет достигнуто, то сегодня говорить об этом всерьез не приходится. Если же мы заинтересованы в использовании как можно более богатых возможностей описания и объяснения социального, то как совместить несовместимые, прямо противоположные подходы, ибо простое рядоположение их есть нетерпимая для теории эклектика?» [72].

Итак, в качестве методологических оснований нашей работы мы постулируем следующие тезисы:

- инструментом исследования в психологии является личность исследователя;

- ход любого исследования, и, во многом, его результаты, предопределяются теоретико-методологическим комплексом, понимаемым как модель исследуемого объекта;

- прогнозирование является основным способом верификации теоретико-методического комплекса.

1.2. Понятия социального и политического пространства в философии и социологии

Хайдеггер, рассматривая категорию пространства, задается вопросом о его отнесении «к тем первофеноменам, при восприятии которых человека охватывает род испуга, чуть ли не ужаса»? [74]. Тем не менее, в научной литературе немало материалов, имеющих основной целью рассмотрение проблематики определения понятия «политическое пространство» и смежных с ним (см., например, [35, с.24]). Однако, представляется целесообразным предпринять собственное рассмотрение данной проблематики в контексте общих целей нашего исследования, тем более что однозначного мнения о содержании этого понятия с его естественно-научным генезисом в науке нет. Например, исследователь Бибков в статье «Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки, пишет: «Объяснение социальных фактов через социальное пространство требует больших усилий и навыков, чем сведение сложного социального разнообразия к простым физическим констатациям» [10].

Отметим, что ниже, в пределах данного параграфа, будет часто употребляться термин «социальное пространство», а не «политическое пространство». Нам представляется это корректным, во-первых, потому, что социальное в широком смысле можно считать включающим политическое (и это соответствует воззрениям авторов, чьи мнения о социальном пространстве мы приводим), а во-вторых, по причине схожести механизма обоснования корректности перенесения физических категорий как в социальные науки в целом, так и в политические в частности. В работах некоторых исследователей, (например, Королев [46]) понятия «пространство власти», «политическое пространство» и «социальное пространство» практически отождествлены.

Отдельное направление понимания политического пространства представляют собой работы предвозвестников современной теории геополитики, авторов, работавших в русле концепции географического

детерминизма: Ш.Монтескье, А.Р.Ж.Тюрго, К.Риттер, Г.Т.Бокль и другие. Классиками рассмотрения политического пространства с точки зрения политической географии и геополитики можно назвать Зиммеля с его концепцией социологии пространства ([36, с.16], см. изложение в работе Филиппова [71]) и Броделя [11], с его работами по социологии геополитического пространства Франции.

При этом, Зиммель понимает социальное пространство более чем широко, считая, что собственно предмет социологии – это «форма совершения общества», то есть пространственная категория. «Взаимодействие между людьми воспринимается — помимо всего прочего, чем оно еще является, — также и как наполнение пространства» [140]. Отечественный исследователь Филлипов, развивая идеи Зиммеля, основывает свое утверждение об объективности существования политического пространства как категории социальных наук (уже – социологии), на следующем тезисе: «Еще не будучи определена в понятиях, социальность уже созерцается наблюдателем» [72].

Наиболее авторитетным представителем группы носителей другой точки зрения на социальное пространство является Э.Дюркгейм. Он считает, что и физическое, и социальное пространство в целом не имеет собственных характеристик, человек лишь категоризирует его в соответствии с представлениями социальной группы, причем пространственная структура группы проектируется, определяя ее представления о пространстве.

Еще одна группа авторов исходит из понимания социального пространства как пространства взаимодействия. Наиболее авторитетными представителями этой группы являются такие ученые как И.Гофман с его концепцией социального пространства как социально организованного пространства интеракций [29] и А.Гидденс, понимающий собственно социум как взаимодействие людей в пространстве и времени [105].

Мнение коллектива российских философов: «Исходя из понимания социального пространства как формы социальных образований, определяемую со стороны протяженности, соединения и разделения человеческой

деятельности и общественных отношений и опираясь на структурно-функциональный анализ современного мира, можно выделить множество пространственных образований.» [58]

Исследователь Королев считает, что «Естественное географическое пространство, стратифицированное властью, — это один тип пространства. Не-природное, «искусственное», «социальное» пространство, стратифицированное властью и превращенное в пространство власти, — это иной тип. Если макропространство власти создается преобразованием, стратификацией географического, естественного, природного пространства, то микрокосмы власти создаются посредством стратификации пространств социальной жизни». [46, с.8]

Отечественный исследователь Земляной приводит в свой статье следующее определение: «Политическое пространство – это пространство власти» [35]. Данная статья достаточно подробно описывает генезис популярной категории структуризации политического пространства «лево-право» и обосновывает невозможность ее применения к российской политической практике – как актуальной , так и в исторической ретроспективе.

Исследователь Венгеров выделяет три измерения политического пространства: «как предпосылки политической организации, во-вторых, как цели политических процессов (геополитика) и, наконец, в-третьих, как условия формирования и осуществления политических решений или, что то же самое, как среды протекания политических процессов (*то есть как политическое поле – В.Б.*)» [19, с. 51].

Мы в своей работе, прежде всего, основывались на понимании социального пространства Пьера Бурдье [12; 13; 14; 15]. С точки зрения Бурдье, общество собой представляет совокупность социальных агентов, которые существуют в рамках социального пространства. В свою очередь механизм действия социального пространства определяется рядом полей (в целом их может быть заметно больше, чем приведено в списке): социальное поле политики,

социальное поле экономики, социальное поле культуры и социальное поле религии.

Представления Бурдье о социальном пространстве достаточно сложно, поэтому мы позволим себе привести целый ряд цитат из его работ.

Бурдье [13] вводит понятие пространство в рассмотрение социальных наук следующим образом: «термин “пространство” имеет общефилософское толкование и вводится в правоведение в качестве тщательно разработанной философской категории. В своих различных ипостасях термин пространство выполняет конкретно-научные, оценочные и познавательные функции в различных областях знания, где исследуются такие явления, как физическое пространство, географическое пространство, государственное пространство (государственная территория), правовое пространство и т.д.» [14, с.18]. Бурдье отчетливо дифференцирует понимание социального пространства и физического, указывая на их взаимопроникновение: «Социальное пространство — не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно. Это объясняет то, что нам так трудно осмысливать его именно как физическое. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным. Физическое пространство не может мыслиться в таком своем качестве иначе, как через абстракцию (физическая география), т. е. игнорируя решительным образом все, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии…, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений.» [14,с.36].

Далее, касаясь вопроса структуры социального пространства, Бурдье пишет, что оно есть «абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов

капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала…». [14, с.37]

В конечном итоге, Бурдье приходит к констатации того, что «Прежде всего, социология представляет собой социальную топологию. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме, т. е. свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов определяются, таким образом, по их относительным позициям в этом пространстве.» [14, с.53]

По результатам рассмотрения философской и социологической литературы можно сделать вывод о наличии ряда подходов к пониманию значения термина «социальное пространство» и его соотнесении с понятием социума в целом:

1) Рассмотрение отражения социального пространства в географическом;
2) Рассмотрение отражения географического пространства в социальном;
3) Общество как пространство интеракций;
4) Общество как пространство групп, структур и институтов;
5) Общество как пространство действий;
6) Общество как пространство идей.

Хотя обоснование правомерности рассмотрения понятия «психологическое пространство» мы приведем в следующих разделах, общие рамки нашей работы интуитивно предполагают концентрацию на рассмотрении и обосновании психологического генезиса политического пространства, поэтому мы исключим из дальнейшего рассмотрения территориальный аспект. Это не означает наше сомнение в возможности и перспективности подобных исследований (например, сравнительной психологии населения территорий), но они выходят за рамки настоящей работы.

Исключив из дальнейшего рассмотрения в этой работе понимание социального пространства как связанного непосредственно с физической территорией, далее мы рассмотрим психологические корреляты остальных подходов к пониманию социального пространства. Заранее сделаем лишь оговорку, что мы признаем условность деления континуума степени институанализированности социального взаимодействия людей на такие части как интеракции, группы и институты.

Таким образом, в дальнейшем в данной работе мы будем рассматривать следующие подходы к пониманию политического пространства:

- пространство политических актов, понимаемое нами как пространство политического поведения;

- пространство политических идей, понимаемое нами как пространство политического сознания;

- пространство политического взаимодействия и политических институтов, понимаемое нами как пространство политического общества.

1.3. Психологические пространственные исследования

Ключевым вопросом в определении понятия политического пространства, как и любого другого понятия естественно-научного генезиса применительно к явлениям, рассматриваемым социальными науками, является дилемма выбора между метафорическим, аллегорическим употреблением данного понятия и утверждением собственно факта объективного существования феномена. Приведем мнение исследователя Бибкова [35]: «Чем обширнее объект, захватывающий обыденное восприятие и воображение, тем сильнее соблазн мыслить его естественно — как органическое или физическое единство».

Приведем мнение Зиммеля, обосновывающего доминирующую роль психологии нации «Не географический охват в столько-то квадратных миль образует великое царство, это совершают те психологические силы, которые из

некоторого срединного пункта политически удерживают вместе жителей такой <географической> области» [139].

Привнесение физических параметров в социальную, и, тем более, психологическую реальность, можно обосновывать использованием методологического базиса в духе «черного ящика», изначально кибернетического (то есть как раз модельного). Основанием использования аналогии при таком подходе служит следующая последовательность рассуждений: если внешние признаки объектов (или объекта и модели) схожи, то можно выдвинуть гипотезу и о сходстве внутренней структуры объектов. Хотя, в конечном итоге, сторонники кибернетического подхода также во многом стали довольствоваться подтверждаемостью результатов работы модели (то есть прогнозов) взамен постулирования открытия внутренних свойств предметов, проявляя таки образом, своеобразный агностицизм. Однако позиция исследователя по данному вопросу была в достаточной мере описана в параграфе 1.1.

Современные исследования в психологии, как теоретические, так и практические, преимущественно ориентированы или на изучение состояния некого психического явления, свойства, процесса, а еще чаще – на сравнение уровня/состояния предмета изучения в разных группах и изучение взаимосвязи 1-2-3 (зачастую до полутора-двух десятков) психологических переменных. При этом, как правило, авторы не озадачивают себя поиском или выработкой целостного представления об изучаемом предмете, ограничиваясь синтезом фрагментов различных, регулярно взаимно противоречащих концепций (или используют в одном исследовании две методики, авторы которых исходили из принципиально противоположных взглядов на природу психики человека).

Анализ тем докладов, опубликованных в сборниках конференций «Ананьевские чтения» и «Психология XXI века» за 1999-2004 годы, показал, что указанные проблемы в целом верны для разных поколений психологов – и студентов, и их преподавателей.

Истоки подхода к выделению временного и пространственного аспектов в психологических исследованиях лежат преимущественно в двух убеждениях: во-первых, в понимании цели научного исследования как создания модели, способной служить основой для выработки прогноза (Вартофский М. [16], Уемов А.И. [68]), а во-вторых, в системном подходе – как общенаучном, так и психологическом (Ганзен В.А. [25]), который, в самом широком смысле, предполагает понимание психики человека как системы, соответственно имеющей внутреннюю пространственную структуру и внешний пространственный аспект взаимодействия с окружающим миром.

Хотя существуют предложения по созданию теории психологических пространств (см., например, [54]), однако пока эти разработки не получили даже относительно широкого распространения.

Практически отсутствуют исследования, ориентированные на изучение временного аспекта. Доля исследований, содержащих анализ временного компонента в среднем не превышает 10% - да и то только за счет включения в эту категорию исследований, содержащих сравнение различных возрастных групп.

Пространственный аспект остается еще менее изученным. Под пространственным аспектом мы склонны понимать широкую область приложения усилий психологов-исследователей, состоящую из двух различных сегментов: изучение пространственной структуры психики и изучение пространственной структуры группы, коллектива, общества. То есть, пространственный аспект в исследованиях в рамках общей психологии и социальной, в широком смысле слова.

В первом случае можно интерпретировать как пространственные те психологические исследования, которые предполагают изучение взаимосвязей между рядом измеренных признаков/свойств – то есть некоторое их пространственное соотношение. Однако следует учесть, что даже среди таких исследований доля подлинно пространственных невелика – как правило, выявленные взаимосвязи интерпретируются как зависимости, а не как

механизм взаимодействия компонентов некоторой структуры. То есть выводом подобных исследований не является модель, по определению имеющая пространственное измерение.

Еще один тип исследований, по самой методике определенно подразумевающий пространственную составляющую – это исследования с применением психосемантических методов, прежде всего, семантического дифференциала Ч.Осгуда [133]. Но существенная часть исследователей применяет этот метод в не фундаментальном варианте – не исследует каждый раз категориальную структуру восприятия какой-то группы объектов, а использует классические факторы, выделенные Осгудом, и аналитическим, а не эмпирическим путем вычисляет оценки по ним (во многом игнорируя, таким образом, потенциал метода и известные факты о специфике базовых факторов при оценке объектов из разных сфер – например, слияния факторов «сила» и «активность» при оценке объектов из сферы политики). В России наиболее авторитетным исследователем, работающим в рамках психосемантического подхода, является В.Ф.Петренко [59; 60].

Следующая категория пространственных исследований – исследования структуры группы. Однако, изучение сборников тезисов крупнейших регулярных психологических конференций Петербурга 1999-2004 годов, показало, что преимущественно такие исследования касаются взаимоотношений внутри организации, и не выходят за рамки использования ряда ставших классическими методов (прежде всего, социометрия).

В современной ситуации высоко востребованными являются услуги психологов в области проведения маркетинговых исследований – как в бизнесе, так и в политике. Однако, именно в части изучения пространственного аспекта, классических психологических знаний не достаточно. В связи с этим мы предлагаем введение ряда новых понятий, предполагающих разработку новой методологии и методик исследований.

Топологический маркетинг – достаточно новое понятие даже для практики, и, тем более, для психологической науки. Смысл данного понятия заключается

в том, что важна не только специфика отношения к политику/товару/марке в конкретном регионе (см. описание в начале текста сравнительных исследований), а возможно создание пространственной модели, подразумевающей изменение формы (говоря о пространстве уместно пользоваться геометрическими понятиями) в зависимости от условий (i.e. места, например, региона страны), куда она помещена.

Приведем еще один пример, который может стать основой серии исследований, направленных на разработку методологии исследований в сфере психологии топологического маркетинга. Сетевая организация (Кастельс М. [43], Сморгунов Л.В. [65]) – также новое понятие, пришедшее в психологию из политологии, и изначально являвшееся метафорой сложности структуры взаимосвязей политических акторов (политиков, партий, общественных, государственных и коммерческих организаций и т.п.). В последнее время заметно усилился интерес к этой теме со стороны как политиков, так и бизнесменов. Политики больше всего интересуются темой партии как сетевой структуры и сетевой организацией общественного движения, а бизнесменов интересует не сетевой маркетинг в классическом варианте, а именно те аспекты сетевой организации, которые можно отнести к компетенции топологического маркетинга (например, адаптация бренда к локальным условиям при сохранении его глобальной идентичности и т.п.).

Во многом можно сказать маркетинговая парадигма пережила две эпохи. Первая ограничивалась восприятием маркетинга как выявления запросов людей и сегментации рынка на основе объективных показателей – пол, возраст, доход и т.д. Вторая эпоха (в российском маркетинге она еще только начинается) сконцентрировала внимание на психологической сегментации – выделение целевых групп на основе не демографических, а психографических критериев.

Третьей же эпохой может стать соединение исследования психологии личности потребителя и системы его социальных связей в рамках подхода, который мы именуем топологическим маркетингом. Этот подход требует фундаментальных исследовательских разработок, однако, именно изучение

пространственного аспекта, дополненное сочетанием изучения частного (личности) и общего (общества) может послужить основой для открытий в современной теоретический и прикладной психологии.

Не случайно мы сделали данное отступление, посвятив его именно теме маркетинга. Представляется очевидным, что данный подход может быть распространен на исследования значительно более широкого круга вопросов, чем психология поведения потребителей.

Самая же, наверное, известная пространственная психологическая концепция – теория социального поля Курта Левина [47]. Ключевая его работа называется «Принципы топологической психологии», что перекликается с озвученными выше идеями. Можно выделить следующие ключевые теоретические положения теории поля Левина.

1. Конструктивный метод в отличие от классификационного: «Сущность конструктивного метода состоит в представлении индивидуального случая с помощью небольшого количества конструктивных элементов. В психологии такими элементами могут стать психологическая «позиция», психологические «силы» и подобные понятия. Общие законы психологии суть утверждения об эмпирических взаимоотношениях этих конструктивных элементов или об их свойствах. В соответствии с этими законами можно образовывать бесчисленное множество сочетаний конструктивных элементов, и каждое такое сочетание будет соответствовать тому или иному конкретному случаю в определенный момент времени. Таким образом, можно построить мост между общим и конкретным, между законами и индивидуальными особенностями» [47, С.252].

2. Ориентация на изучение целостности, а не элементов: «Вместо того, чтобы вычленять из ситуации тот или иной изолированный элемент, значимость которого невозможно оценить без рассмотрения ситуации в целом, теория поля, как правило, предпочитает начинать с характеристики ситуации в целом. А уже после такого «анализа в первом приближении» различные аспекты и части ситуации подвергаются все более и более конкретному и детальному анализу» [47, С.253].

3. Ориентация на исследование не объективной ситуации, а представления о ней субъекта, то есть его субъективной реальности (в противовес бихевиористскому стремлению изучать только объективно данные факты).

4. Проведение исследований с учетом актуальных обстоятельств (в противовес принципу психоанализа исследовать прошлый опыт для объяснения текущего поведения и принципу гуманистической психологии объяснять поведение ожиданием от будущего).

5. Использование математических и физических моделей и подходов для описания психологических явлений (изучение поведения с динамической точки зрения, то есть с точки зрения сил и напряжения психологического поля и использование топологии и векторного анализа).

Понятие поля определялось Левиным как «тотальность сосуществующих фактов, которые мыслятся как взаимозависимые». Ключевой характеристикой поля является его напряжение, которое возникает в ситуации нарушения равновесия между личностью и средой. Напряжение порождает стремление к разрядке. Объекты среды, по отношению к которым человек испытывает потребность, имеют побудительную силу.

Жизненное пространство, еще одно ключевое понятие теории Левина, представляет собой психологическую реальность, в которой осуществляется поведение.

Левин отделял от «структурной психологии» динамическую составляющую, которую он назвал «векторной психологией». Эта часть психологии связана с динамическими процессами (регионы личности, связи и границы между ними) и психической энергией.

Возрастание напряжения и высвобождение энергии обусловлены возникновением потребности. Левин выделял потребности, связанные с внутренним состоянием (чувство голода) и квазипотребности, которые являются специфическими намерениями. Мотивация в теории Левина проистекает из неразрывной связи субъекта и объекта, что в его концепции снимает контрпозицию внутреннего и внешнего, так как они понимаются как

полюса единого поля. Поле является тем пространством, в котором осуществляется поведение. Таким образом, поведение является фактом взаимодействия личности и среды. Для понимая процесса мотивации действий следует также упомянуть понятие валентности, которая является важнейшим свойством региона психологической среды и объясняет связь мотивации и поведения.

Вторым пространственным психологическим подходом, который следует рассмотреть подробнее, являются теории психосемантического направления, например, концепции классиков этого направления, Чарльза Осгуда [133] и Джорджа Келли [44]. Однако эти концепции будут подробно рассмотрены в разделе 2.2., поэтому, нарушая несколько последовательность рассмотрения проблематики, здесь мы ограничимся лишь общим комментарием. Семантический дифференциал Осгуда и теория конструктов Келли предполагают, что ключевым когнитивным процессом, определяющим восприятие, представления и поведение в отношении реальности, является структуризация, категоризация образов восприятия и памяти. То есть ключевая идея данных подходов состоит в том, что человек выносит свои суждения о мире (в том числе внутренние суждения, определяющие поведение) на основании того, как он этот мир воспринимает. Категориальная структура сознания у Осгуда или система конструктов у Келли – это собственно некие оси личного психологического пространства. Все объекты, воспринимаемые человеком, характеризуются в соответствии с этими категориями, конструктами, и если система категоризации явлений действительности не позволяет оценить какие-то свойства объекта или отличить один объект от другого, то в субъективной психологической реальности человека эти свойства или различия отсутствуют.

1.4. Переход от индивидуальных пространств к коллективным

Ключевым вопросом обоснования наличия объективного содержания понятия «пространство» в качестве психологической категории является переход от индивидуального психологического пространства к коллективному.

Проблема субстрата психики в целом является пока окончательно не разрешенной методологической проблемой, без которой невозможно обоснование объективного существования предметной области собственно психологии. При переходе же на коллективный уровень вопрос субстрата становится тем более принципиальным, и этот вопрос актуален для всех социальных дисциплин и социальной и политической психологии в том числе. Любые дисциплины, изучающие сообщества любого размера все время находятся в колебаниях между двумя крайними точками зрения. Одна из них предполагает понимание характеристик группы изначально как некоего симулякра, в реальности не существующего, то есть абстракции, позволяющей упорядочивать суждения о группе – эту позицию можно назвать «прагматичным рационализмом». Противоположная точка зрения иногда даже носит оттенок мистического характера, и может быть охарактеризована как «метафизическим иррационализмом» (ее представители склонны использовать, например, такие понятия, как «самосознание народа»). Пожалуй, наиболее известной концепцией второго рода является теория коллективных архетипов Карла Густава Юнга. Мы являемся приверженцами условного «срединного» подхода, предполагающего следующее: любая социальная общность имеет свои объективные характеристики, их субстрат носит распределенный характер, причем каждый индивидуальный носитель характеристики общности неким образом преломляет ее через свою индивидуальную позицию, а важнейшим критерием, собственно определяющим наличие общности, является отражение им этой общности (в виде представления, например). Такая позиция достаточно близка к концепции рефлексологии, развиваемой Владимиром Лефевром [50].

Таким образом, мы приходим к пониманию значения для определения коллективных психологических пространств взаимодействия, хотя бы и носящего опосредованный коммуникативный характер и такого понятия как конвенциональность значений [79].

В.Ф.Петренко, излагая свои представления о коллективном понимании семантических пространств значений, ссылается на А.Н.Леонтьева, и формулирует двойственность индивидуально-коллективной природы значения следующим образом: «С одной стороны, значение выступает как единица общественного сознания, а с другой – как образующая индивидуального сознания. Представление о значении как единице общественного сознания, кристаллизующей совокупный общественный опыт, относится, в первую очередь, к его развитым понятийным формам, формам фиксации общечеловеческих знаний.» [59, С.48]

Учитывая критическую важность вопроса коллективных психологических пространств и параметров для обоснования существования предмета данного исследования, рассмотрим конкретный пример, раскрывающий содержание понятия «пространство» в его психологическом аспекте применительно к социальным общностям.

В качестве примера мы выбрали понятие «общественное мнение». С одной стороны, этот феномен является классическим предметом изучения социологии уже несколько десятков лет [118], с другой стороны, с того же времени ведутся научные дискуссии о его содержании, вплоть до сомнений в объективном его существовании (см. примеры в работах российских исследователей – например, современные работы Д.П.Гавры [23; 24] и работы зарубежных классиков – например, П.Бурдье [14]).

Рассмотрим точку зрения одного из наиболее обстоятельных критиков понятия «общественного мнения» Пьера Бурдье: один из разделов его основной обобщающей работы «Социология политики» называется «Общественного мнения не существует» [14, С.159-177]. Он приводит следующие аргументы в пользу того, что общественное мнение в том виде, в котором его измеряют в

опросах, не существует («когда людей просят выбрать позицию среди сформулированных мнений и когда путем простого статистического агрегирования произведенных таким образом мнений производят артефакт, каковым является общественное мнение» [14, С.177]):

- дифференциация респондентов, выносящих суждения, по уровню компетентности;

- формулирование вопросов с точки зрения одного класса, в то время как задается он представителям разных классов;

- постановка вариантов ответов, ставящих респондентов в искусственную ситуацию выбора;

- игнорирование доли не ответивших на вопрос.

Таким образом, Бурдье утверждает, что невозможно агрегировать в статистические показатели индивидуальные мнения, так как они имеют специфический характер и объединение их некорректно.

Оговоримся, что в данной работе не уместно рассматривать весь спектр проблем, связанных с определением понятия «общественное мнение», а целесообразно рассмотреть только условно индуктивный переход, базой которого является утверждение о существовании личного мнения.

Заметим, что с нашей точки зрения, мнение представляет собой установку, предполагающую определенное реагирование на предъявляемые стимулы – таковыми стимулами являются как реальные ситуации, требующие принятия решений, так и моделирование этих реакций в ходе опросов общественного мнения. В таком случае снимается вопрос о наличии межперсонального субстрата. Общественное мнение понимается, во-первых, как некий институт, прежде всего, представленный в средствах массовой информации путем публикации результатов опросов, собственно же общественное мнение, отдельно от его измерения, существует в виде индивидуальных установок, определяющих склонность реагировать тем или иным образом. Отметим, что эти системы установок предполагают возможность проявления типовой реакции даже на тот круг вопросов, который не входит в компетенцию

человека. Именно возможность типологизировать подобные реакции, позволяет говорить об общественном мнении как отраженном распределении индивидуальных установок.

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

2.1. Пространство политического поведения

Определение понятия «политическое поведение»

Приведем определение политического поведения российского политолога Е.Ю.Мелешкиной: «Политическое поведение … можно определить как субъективно мотивированный процесс, в котором воплощается тот или иной вид политической деятельности. При этом под политической деятельностью понимается вся совокупность форм действий политических акторов, обусловленных занятием определенной политической позиции, связанной с целедостижением, реализацией властных интересов». [61, С.153]. С точки зрения системного подхода представляется нецелесообразным подобное «круговое» определение, предполагающие определение поведения через деятельность, по деятельности через действия. В дальнейшем мы будем исходить из понимания соотнесенности данных понятий А.И.Юрьева [83; 84], основанного на психологической теории деятельности Г.В.Суходольского [66].

Разделение и описание взаимного соотношения таких понятий как активность, работа, труд, поведение и деятельность, дает нам широкие возможности по обобщению классических политологических концепций политического поведения и политической активности.

Для более полного описания политического поведения укажем место понятия «поведение» применительно к данной предметной сфере (политике) в ряду смежных понятий: активность, действие и деятельность.

Под *политической активностью* часто подразумевают электоральную активность, а содержание этого понятия, в свою очередь, сужается до такого явления как явка избирателей на избирательные участки. С психологической точки зрения это не совсем корректно, так как понятие политической активности в психологии имеет более широкое значение и предполагает

нецеленаправленную готовность человека совершать определенные действия политического характера.

Политическим действием можно назвать любой конкретный поведенческий акт, направленный на включение или избегание политического процесса (от прочтения политической статьи до выставления отметки в избирательном бюллетене, от совета другу пойти проголосовать до отказа / согласия дать подпись за выдвижение кандидата или петицию к властям и т.д.). Таким образом, акт прихода на избирательный участок (та самая «явка»), также относится к политическим действиям. С точки зрения А.И.Юрьева, политическое действие – всякое поддающееся наблюдению, открытое поведение, демонстрируемое в рамках политической системы индивидом или социальной группой. Политическое действие может представлять собой незапланированное, спонтанное поведение или же оно может быть частью последовательного процесса принятия и осуществления решений.

Политическая деятельность. Постараемся определить его, исходя из общепсихологической теории деятельности [66]. Под деятельностью системный подход в психологии понимает систему действий и стратегию поведения, направленную на достижение определенной цели. Таким образом, ключевой характеристикой деятельности, в том числе и политической, является целенаправленность. Например, в рамках избирательного процесса, это означает, что электоральной деятельностью занимаются все активные участники избирательного процесса – журналисты, члены избирательных комиссий, штабы кандидатов и сами кандидаты. Хотя, например, степень целенаправленности действий рядовых агитаторов, скорее всего, в среднем, является весьма низкой. Ведь под целенаправленностью действий в данном случае имеется в виду не наличие какой-то цели у агитатора – например, заработать денег, а совпадение его личных целей с целью его деятельности – обеспечение избрания кандидата или партии.

Исходя из приведенных описаний смежных понятий, уместно привести определение понятия «*политическое поведение*» А.И.Юрьева, ограничивающее его содержание: политическое поведение – это человеческие мысли и действия, относящиеся к процессу управления. Политическое поведение включает и внутренние реакции (мысли, восприятие, суждение, установки, убеждения) и наблюдаемые действия (участие в выборах, выражение протеста, лоббирование, проведение собраний, кампаний). В самом широком смысле поведение, являющееся «политическим», может обнаруживать себя в любой институциональной обстановке (семья, бизнес, церковь и т.п.), однако термин обычно употребляется применительно к деятельности, развертываемой в рамках или через посредство институциональной обстановки государства.

Принципиальным для психологии политического поведения в целом и психологии политического участия является изучение мотивации политического поведения. В наших предыдущих работах были сделаны определенные наработки, посвященные мотивации электорального поведения, однако в задачи настоящей работы детальное изучение причинности политического участия не входит – наше исследование в большей степени ориентировано на выявление взаимосвязи между обобщенными психологическими основаниями политического пространства.

Политическое участие как операционализация политического поведения

Во многих политологических концепциях все политическое поведение сводится к политическому участие. В таком случае, очевидно, что авторы исходят из понимания политического участия как вовлеченности человека в сферу политики, разных степеней и форм. Классическим пониманием политического участия можно назвать понимание, содержащееся в работах С.Вербы и Г.Алмонда [2; 87]. Эти авторы определяют политическое участие как процесс влияния граждан на функционирование политической системы государства. Хотя в их работах участие определяется как некая активность,

набор действий, их понимание предполагает осознанность и целенаправленность таких действий.

Сегодня тема политического участия является крайне актуальной, как в России [26; 37], так и в США и Европе, так как именно политическое участие граждан является ключевым условием существования и развития демократического общества.

Традиция изучения политического участия предполагает разделение его, по критерию соответствия нормам права и традициям, на конвенциональное и неконвенциональное. Неконвенциональное подразделяется на политический протест и политическое насилие, а конценциональное – на голосование на выборах, участие в избирательных кампаниях, политическая активность на местном уровне и личное обращение к политикам.

Некоторые политологи бихевиористского направления сводят политическое участие к реакциям на политические события и явления. С нашей точки зрения представляется некорректным изъятие в подобных схемах рационального, осознанного, целенаправленного компонента политического поведения, и, особенно, политической деятельности.

Концепция политического участия является важной не только с точки зрения изучения политического поведения [28; 38; 45; 51], но и является определенной основой концепции демократического государства, основанного на участии граждан в управлении им. Отметим, что термин «политическое участие» является принципиально более широким, чем участие в выборах. Также очень важно сказать, что мы исходим из более широкого понимания политического участия, чем классики (Алмонд и Верба): мы считаем политическое участие обобщающим понятием, которое означает степень и форму (а также процессы и процедуры) вовлечения граждан в политические явления.

Одно из наиболее интересных исследований психологических оснований политической активности в истории политической психологии было проведено американским исследователем С.Реншоном [134]. Он выявил наличие связи

между уровнем локуса контроля и активностью политического поведения. Также он предположил, что существует прямая взаимосвязь между высоким локусом контроля и склонностью позитивно оценивать политических акторов, особенно находящихся у власти.

Представители мичиганской школы исследования электорального поведения А.Кэмпбелл и В.Е.Миллер вводят понятие индекса политического участия [96]. Этот индекс указывает степень вовлечения человека в политический процесс и основывается на конкретных действиях (вовлеченность в выборы, вклад в кампанию, приход на участок и т.д.). Одним из наиболее интересных результатов исследований мичиганской школы было установление обратной зависимости между конфликтностью мотивации голосования за определенного кандидата и индексом участия.

А.И.Юрьев в своих работах непосредственно не рассматривает термин политическое участие, однако можно соотнести с формами политического участия его концепцию классификации политических явлений, основанную на двухфакторной системе координат свойств политики (цель, средства, результат) и признаков политики (опосредованные, прямые, акцентуированные и экстремальные) [83, с.22]. В системе представлений Юрьева политические явления есть проявления политики. При рассмотрении не политики в целом, а политического человека, представляется адекватным соотнесение такого понимания проявлений политики с политическим участием.

Классификации видов, форм и типов политического участия

В работах политологов не существует четкого систематического описания понятия политического участия, относительно которого наблюдался бы консенсус большинства исследователей. Например, в одной работе можно встретить упоминание электорального поведения как типа политического участия, протестной формы политического участия, неконвенционального и конвенционального типов политического участия, такого типа участия как

абсентеизм. Ниже мы постараемся рассмотреть основные типологии политического участия.

Исследователь А.Марш [122] в основу своей классификации положил выделение ортодоксального и неортодоксального типов политического участия. Ортодоксальное участие по Маршу – это законные действия, обеспечивающие устойчивое функционирование системы. Неортодоксальное участие – незаконные и протестные действия.

На основе данной классификации А.Марш в совместной с М.Каазе работе [111] выделяют 5 групп: неактивные, конформисты, реформисты, активисты и протестующие.

В чем-то похоже на ключевой фактор, выделенный Маршем, основание классификации форм политического участия Милбрайта [126]. Он делит политическое участие на конвенциональное (легальное и регулируемое законом) и неконвенциональное (незаконное, отвергаемое большей частью общества по моральным, религиозным и иным соображениям). Неконвенциональное участие осуществляется в ненасильственных активных формах (демонстрации, пикеты, митинги и т.п.) и насильственных формах (терроризм, бунт и т.п.).

Также политическое участие можно классифицировать по степени или уровню активности (активное – пассивное). На основе этого фактора Милбрайт выделяет три группы форм активности: зрительскую, переходную и гладиаторскую.

Некоторые исследователи выделяют автономное (то есть добровольное) и мобилизационное (то есть принудительное) политическое участие. Причем к мобилизационному участию относятся и те виды политической активности, которые обусловлены традициями. Основной смысл мобилизационного участия заключается в консервировании текущей политической ситуации.

Важно отметить, что концепция политического участия позволяет более реалистично отображать степень вовлеченности разных членов общества в политику, чем традиционное деление их на субъекты и объекты политики.

Одной из наиболее широко используемых в науке, является типологизация людей по их отношению к политике Е.Вятр [22], приведенная в таблице 2.1.

Таблица 2.1

Психологические типы людей по отношению к власти (по: Вятр Е., 1979)

Психологические типы людей (отношение к политике)	**Отношение к политической жизни**	**Интерес к политике**	**Информированность**
Компетентные наблюдатели	Весьма положительное	Большой (значительный)	Большая (значительная)
Компетентные критики	Нейтральное	Большой	Большая
Активисты	Весьма отрицательное	Большой	Большая
Пассивные граждане	Нейтральное или отрицательное	Слабый	Удовлетворительная или большая
Аполитичные и отчужденные люди	Отрицательное	Слабый	Слабая

Теории политического участия

Можно выделить следующие подходы к пониманию оснований политического участия.

1. Средовая теория. Данная теория, основателями которой являются С.Верба и Н.Ни, предполагает, что основными фактором, определяющими политическое участие, являются показатели социальной среды [142]. Некоторой вариацией данного подхода можно считать модель социальных факторов. Исследователи, проводящие изыскания в рамках данной модели, делают акцент на изучении таких факторов как уровень равенства в обществе, наличие «социальных лифтов», стабильность общественно-политической структуры и так далее. Наиболее яркими представителями данного направления можно назвать С.Липсета и Д.Лернера [119; 115], описавших две модели, объясняющих политическое участие: популистскую, относящуюся преимущественно к развивающимся странам и либеральную, относящуюся преимущественно к странам с устоявшимся традициями либеральной демократии.

2. Теория рационального выбора. Основы теории были заложены Э.Даунсом [98], который ключевым понятием своей теории сделал концепт

«максимизации выгоды». Ключевая идея данной теории состоит в представлении процесса принятия решения избирателем как взвешивания вероятности того, что его голос повлияет на исход голосования, и выгоды, которые он получит в случае избрания определенного кандидата.

3. Бихевиоральный подход. Предполагает реактивный характер политического участия (любое политическое действие объекта политики является некоторой реакцией на действия или бездействие субъекта политики). Классиками бихевиорального подхода можно назвать П.Лазерсфельда [114], Г.Лассуела [113], В.Липпмана [116]. Примером оригинальной трактовки бихевиорального подхода может служить исследование российской практики, которое легло в основу кандидатской диссертации А.В.Шустова [81]. Предложенный в ней подход заключается в формализованном процедурном описании всех возможных действий, совершаемых участниками избирательных кампаний, и разработке на ее основе функционально-поведенческой типологии участников избирательной кампании.

4. Мотивационная модель. Данная модель исходит из рассмотрения потребностей и мотивов, определяющих вовлечение человека в политику.

5. Ценностная модель. Говоря о данном подходе, прежде всего, следует упомянуть Р.Инглхарта [41; 110], который изучал влияние ценностей на политическое поведение и участие. Его концепция основывается на теории понимании потребностно-мотивационной сферы А.Маслоу.

6. Установочная модель. К представителям данного подхода можно отнести отечественного исследователя Г.Г.Дилигенского [31, С.179]. Основная идея подхода заключается в представлении о том, что вся совокупность политических установок и определяет политическое участие.

В целом, очевидно, что подходов к пониманию психологических механизмов политического участия ровно столько же, сколько и подходов к анализу политического поведения в целом.

Авторская модель политического участия

Наша практическая работа привела нас к пониманию целесообразности в максимальной степени стараться разрабатывать модели, исходя из оперативной информации, циркулирующей в избирательной кампании и служащей для управления ей. Мы считаем уместным привести здесь результаты разработанной нами совместно с А.И.Серавиным модели электората политической партии (более подробное описание опубликовано в [9]). Сразу сделаем оговорку, что мы не претендуем на полную научную достоверность данной модели в силу того, что она была создана аналитическим и экспертным путем, и процедура ее формирования была в не достаточной степени строгой.

Модель имеет форму эллипса, повторяя количественную характеристику численности людей на каждом уровне.

Первый фактор – электоральная активность. Для простоты можно выделить два уровня – это активные, принимающий участие в выборах, и пассивные, не принимающий участия в выборах. На схеме эти уровни разделены вертикальной пунктирной линией. Она свободно перемещается по схеме в пределах электорального пространства, так как в разных регионах разная электоральная активность населения. Очень важно, что модель делит всех на активных и неактивных участников избирательного процесса. Ведь крайне показательной характеристикой, например, качества списочного состава партии (то есть членов партии) является то, какой процент из них активно участвует в избирательном процессе. Соответственно, на любом уровне модели есть люди электорально активные и пассивные. То, что линия не прямая, показывает, что доля активных и неактивных избирателей может отличаться от уровня к уровню.

Второй фактор, который лежит в основе модели, – *это комплексная мотивационная характеристика политического участия*, характеризующая отношение человека к политическому процессу и мотивацию его участия в нем. По этому фактору выделяется семь уровней (чем выше уровень, тем более сильный уровень мотивации предполагается). Подробнее уровни будут

описаны ниже, здесь мы их только перечислим: член партии, наемник, симпатизант (активный сторонник), пассивный сторонник, нейтральный избиратель, протестующий избиратель, игнорант. Отметим, что такое деление может произвести впечатление неоднородности классификации, но причина этого – прежде всего в комплексной характеристике мотивационной сферы представителей каждой из этих категорий.

Иллюстрация 1. Уровневая модель политического участия (В.А.Бианки, А.И.Серавин)

1. Член партии. На нашей схеме они обозначены в небольшом количестве, так как ни одна из имеющихся сейчас в России партий не имеет большого (относительно общей численности населения) количества членов партии (всего партийных граждан менее одного процента). Те партии, которые в последнее время стали активно увеличивать число своих сторонников, делают это фиктивно, чаще всего за счет привлечения административного ресурса. Мы в ряде регионов лично наблюдали, как директора крупных предприятий под угрозой увольнения заставляли сотрудников вступать в ту или иную партию.

Однако и в гипотетической ситуации создания реальной партии количество ее членов не должно быть очень большим.

2. Активист. Это избиратель, которого нанимает партия для того, чтобы он за вознаграждение оказывал ей содействие. Это группа лиц, чаще всего работающая за деньги - например, агитаторы на выборах или политтехнологи и т.п. Иногда, при повышенном финансировании избирательных кампаний, доля таких людей в регионе (особенно в региональном центре) радикально возрастает и доходит до половины численности активных избирателей.

3. Симпатизант. Это избиратель, который открыто заявляет о своих политических симпатиях. Также уместно называть симпатизантов активными сторонниками. Термин достаточно многозначен, наше понимание его близко к классическому определению Мориса Дюверже, который ввел его в научный оборот.

Чаще всего симпатизанты – это многочисленная группа избирателей. Пенсионер-коммунист в поезде, на улице и в транспорте, активно вступающий в разговоры на политические темы с другими людьми, – яркий пример симпатизанта. Политическое влияние той или иной партии напрямую связано с количеством симпатизантов, поддерживающих ту или иную партию. Новые кампании технологически будут направлены на формирование убеждений и модерирование поведения именно симпатизантов. Подробнее на том, как это возможно осуществлять, мы остановимся в разделе, посвященном технологиям.

Симпатизант – это тот избиратель, который бесплатно делает то, что должны делать активисты и партийцы. На Западе партийные шоу-конференции устраиваются, прежде всего, не для того, чтобы «зарядить» партийцев или активистов, а для того, чтобы «зарядить» симпатизантов.

4. Пассивный сторонник. Это человек, который имеет относительно четкие и устойчивые политические убеждения и электоральные предпочтения, но открыто и активно их не выражает.

5. Нейтральный избиратель. Это избиратель, который не имеет четко выраженных политических убеждений и электоральных предпочтений, но в целом не против участия в политической жизни региона.

6. Протестный избиратель. Это избиратель, который против сложившейся политической ситуации. Например, ему не нравится никто из зарегистрированных кандидатов, или ему вообще ничего не нравится. По результатам наших исследований мы утверждаем, что это достаточно обособленная по своим психологическим характеристикам группа. Это те избиратели, которые в ответах на все вопросы классического опроса общественного мнения отвечают «нет», и поэтому политтехнологи часто не рассматривают их в качестве электорально значимой группы. Однако, когда эти избиратели приходят на выборы, их голосование часто становится непредсказуемым – иногда часть таких избирателей может проголосовать не просто «против всех», а за кого-то из кандидатов, и заметно повлиять на общие итоги голосования.

7. Игнорант. Это избиратель, который в принципе не интересуется политической жизнью в регионе, стране, который ее игнорирует. Отметим, что такие люди также могут быть активными избирателями. Например, в последние годы некоторые регулярно работающие на выборах технологи создали базы данных по этой категории людей, и в день выборов посылают к ним специалистов по работе со спецконтингентом, которые приводят определенную часть игнорантов на избирательный участок (за материальное вознаграждение).

Роль политического участия в становлении и развитии демократии

Вопрос роли политического участия в определении политической системы общества является одним из ключевых с момента введения данного понятия в научный тезаурус. С.Верба и Г.Алмонд считали, что политическое участие определяет политическую культуру, которая, в конечно итоге, и создает определенный политический режим и политическую систему. По активному вниманию, которые уделяют зарубежные исследователи вопросу динамики

политичсекого участия в России (см., например [92; 145; 102; 124; 93; 99]) Роль и особенности политической культуры в современной России рассмотрены, например, В.А.Гельманом [26], а обзор зарубежных источников по политическому участию в России сделан Ю.Шевченко [76].

Р.Инглхарт [41; 110], считавший политическое участие следствием степени удовлетворенности потребностей, именно через понятие потребностей объяснял причины дифференциации уровня политического участия населения в разных странах.

С.Хантингтон [109] считал политическое участие ключевым фактором обеспечения стабильности. В меняющихся обществах (при переходе от авторитаризма к демократии) требуется ограничение массового политического участия. В то же время именно неудовлетворенность социально-экономическим положением и политической системой приводит к повышению уровня политического участия, которое, проявляясь в неинституализованных формах, будет приводить к кризисам.

Говоря о роли политического участия в политическом устройстве государства, следует вернуться к рассмотрению двух моделей политического участия, описанных Липсетом и Лернером. В соответствии с либеральной моделью, в развитых государствах граждане, в силу высокого уровня социально-экономического развития, более склонны к таким формам политического участия, которые обеспечивают большую политическую стабильность и являются более институализированными.

В свою очередь, популистская модель предполагает в большей степени неинституциализированные, прямые формы политического участия, которые направлены на исправление не удовлетворяющей граждан особенностей политической системы. Чрезмерное повышение степени участия в государствах с популистскими моделями приводит к принципиальному уменьшению политической стабильности, что означает увеличение числа проблем, что, в свою очередь, приводит к дальнейшему росту уровня политического участия.

В работах А.И.Юрьева [83; 84] содержится системная концепция психолого-политической стабильности общества, которая соотносится с классической для психологии шкалой «социальное подчинение» – «социальная агрессия». Можно с большей степенью вероятности предположить, что именно мера политического участия или неучастия и является основой уровня политической стабильности общества.

2.2. Пространство политического взаимодействия

2.2.1. Сетевое понимание политического взаимодействия [1]

Под политическим взаимодействием мы понимаем такое непосредственное взаимодействие граждан, возможными формами которого являются коммуникация или совместные действия той или иной степени согласованности и осознанности, предмет которого прямо или косвенно относится к сфере политического. Под пространством политического взаимодействия мы понимаем совокупность всей сетевой системы взаимодействия граждан. Высшей формой политического взаимодействия являются политические партии.

Если собственно факт существования такого явления как политическое взаимодействие доказывать нет необходимости, то вопрос о его *сетевой* природе нуждается в пояснениях.

Слово «сеть» в политических науках преимущественно применяется в двух сочетаниях, определяющих диаметрально различающиеся подходы к пониманию сути такого явления, как сетевая организация: «политические сети» и «сетевое общество».

Те, кто использует первое понятие, «политические сети», как правило, считают сеть лишь удачной метафорой для отображения реального процесса принятия политических решений, включающего в себя множество акторов и на порядок превосходящее число связей между ними. На бытовом языке – «все со всеми связаны».

Понятие «сетевое общество», применительно к обществу в целом, а не к сетевому сообществу (то есть пользователям сети Интернет), было введено Мануэлем Кастельсом, профессором Калифорнийского университета (Беркли, США) и директором Института исследований стран Западной Европы в его книге «Зарождение сетевого общества» [43]. Определение сетевого общества

---

[1] Материалы, частично включенные в данный раздел, в 2002-2005 годах предоставлялись некоторым политикам, ряду региональных отделений партий в форме аналитических записок, докладов на семинарах.

Кастельса предельно описательно и неконкретно: «сетевое общество» - это специфическая форма социальной структуры, опытно устанавливаемая эмпирическими исследованиями в качестве характеристики «информационной эпохи». Основной же смысл теории Кастельса заключается в том, что смена способов производства, внедрение производственных отношений нового типа ведет к изменению и общественных отношений. Отношения внутри общества и между обществом и государством будут строиться по новым принципам, которые вполне можно назвать сетевыми.

Точка зрения автора состоит в следующем. Сетевые отношения, сетевая организация общества существовали всегда, при этом сетевая организация дополняла иерархическую. За последние 10-20 лет в экономике и производстве были разработаны такие организационные схемы, которые основывались преимущественно на сетевых отношениях, а не иерархических, например, научные сети. Во многом это стало возможным благодаря наступлению информационной эпохи. По ряду причин, раскрывать которые нам не позволяют рамки объема, сетевая организация (имеется в виду вариант доминирования сетевых принципов в организации социосистемы) мобильнее, чем иерархическая, она более подходит для адекватной обработки информационных потоков. Образным примером может служить жидкое и твердое состояние вещества. Это и выводит сетевые принципы организации на первый план, ведь в современном мире, по известному выражению Кастельса, власть потоков информации преобладает над потоками власти.

Таким образом, мы считаем, что то, что происходит в современном мире, и те, с большой долей уверенности прогнозируемые в среднесрочной перспективе, изменения, которые Кастельс называет «сетевым обществом», и политические сети, интенсивное изучение которых ведется с 1960-х годов, – суть стороны одного явления: сетевой организации, роль которой в последние годы кардинально изменилась. Если ранее сетевая организация была отображением лишь внутренней структуры процесса управления, его *содержанием*, то в новейшем мироустройстве она играет ключевую роль и

становится сознательно внедряемой *формой* организации управления. Происходит это за счет институционализации сетевых отношений, а формы организации сетевых структур создаются в бизнесе и затем заимствуются обществом и государством. Хотя следует предостеречь от чрезмерно поспешного приписывания структурам принципов сетевой организации. Ведь даже *сеть* Интернет обладает базовыми свойствами сети только для пользователя, а внутренняя структура ее во многом иерархична.

Л.В.Сморгунов в своих работах [65] выделяет следующие четыре ключевые характеристики теории политических сетей:

- Вместо попытки редукции сложности общества для эффективного управления, она включает в себя рост сложности в качестве необходимой предпосылки выработки политики и осуществления управления.
- Восстанавливает связи между управлением и политикой.
- Включает моральное измерение управления и процесса производства политического решения.
- Не институты, а связи и отношения составляют ключевой пункт рассмотрения.

В той же работе он цитирует Берцель: «Политическая сеть представляет собой набор относительно стабильных взаимоотношений, по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей».

Постараемся определить сетевую организацию аналитическим путем, «от противного», проведя сравнительный анализ ключевых характеристик иерархической организации и сетевой организации. Не считая данное определение достаточным для доказательства существования феномена сетевой организации в социальной и политической реальности, отметим интуитивную понятность противопоставления.

Итак, основными характеристиками иерархии является единоначалие, жесткая функциональная / географическая специализация, доминирование «вертикальных» коммуникаций, «сильных» связей и командного управления. В свою очередь, сеть предполагает многоначалие, динамичную и нечеткую функциональную специализацию, доминирование «горизонтальных» взаимодействий, «слабых» связей и управление с помощью информации.

Основные принципы работы сети – использование слабых связей, включение большого числа объектов и опосредованность влияния.

Если в иерархии прочность системы обусловлена высокой жесткостью связей между объектами, то в сети прочность обусловлена большим количеством связей между объектами. В сети влияние распространяется через слабые положительные связи, а в иерархии – через сильные связи, вне зависимости от их знака. Сочетание этих принципов приводит к двум основным следствиям: повышенной прочности сети, сочетающейся с ее более легкой изменчивостью («принцип прута и палки»: прут менее крепкий, его легко согнуть, но сломать легче палку); и повышенной эффективности использования косвенных каналов влияния (оно осуществляется не непосредственно на объект воздействия, а через цепь агентов).

Большинство зарубежных исследователей применительно к сетям используют термин «руководство» (англ. governance). Встречаются даже отдельные объяснения преимуществ данного термина перед другими смежными понятиями - управление (англ. management), лидерство (англ. leadership), власть (англ. power). Как указывает Сморгунов, «руководство осуществляется способом организации общих переговоров между государственными и негосударственными структурами по осуществлению взаимного интереса совместными усилиями, а следовательно, для принятия политического решения, удовлетворяющего все стороны соглашения». То есть именно руководство есть наиболее адекватный термин для описания того, как именно осуществляются некие контрольно-направляющие функции в рамках

сети, так как подразумевает использование характерных для сети механизмов (включения большого числа акторов, стремления к консенсусу, etc.).

Опишем причины, которые определяют применимость сетевой организации в России. Значительная часть историков, философов и культурологов одной из доминирующих характеристик национального сознания, менталитета и характера считают общинность. Постараемся дать оперативное определение этого понятия, сделав акцент на его «психологическом субстрате». С нашей точки зрения, общинность – ключевая характеристика российского и русского менталитета и характера, заключающаяся в повышенной склонности к коллективному решению проблем, к использованию неформальных каналов коммуникаций для достижения целей (то есть именно то, в чем заключается основная роль симпатизантов в процессе партстроительства и партийных кампаний.) Данное явление достаточно противоречиво. С одной стороны, оно приводит к относительно большей прочности социально-политической структуры общества, а с другой, – к снятию ответственности с индивида и размыванию ее по группе. Если отойти от очевидно западнических или ультрапатриотических взглядов, то обе стороны данного явления могут иметь как позитивные, так и негативные последствия для государства, гражданина и общества.

Одним из важнейших вопросов, касающихся сетевого взаимодействия, является степень «самоорганизованности» сетевых структур. С одной стороны, есть сети общения, которые складываются стихийно и инициативно, и могут так же стихийно перерастать в сети взаимодействия. С другой стороны, политическая практика последних лет показала, что сетевые структуры могут быть крайне эффективным управляемым инструментом.

Принципиальная сложность управления сетью заключается в меньшей степени прямого контроля. Однако это легко компенсировать использованием информации о членах структуры – о том, кто, кого и на каких условиях убедил в нее войти. В итоге, использование сетевой организации означает готовность пожертвовать тактической управляемостью в угоду стратегической. А

стратегическая «живучесть» сети выше, чем иерархии, – механизм ее функционирования подразумевает жизнь по принципу «многоголовой гидры»: вне зависимости от глубины проблем с отдельными частями структуры, оставшиеся части всегда могут их компенсировать. На майдане Незалежности использовались именно таким образом организованные группы.

В качестве рекомендации по использованию сетевой организации можно сказать, что за счет организованного регулярного общения следует максимально «перемешивать» привлекаемых на каждом этапе людей и давать каждому возможность выдвинуться. Возможность повышения при этом должна быть предоставлена не за счет перераспределения ролей, а за счет привлечения большого количества новых членов партии – то есть человек, привлеченный даже на третьем этапе – когда есть его «куратор» и «куратор его куратора», может сам стать куратором первого уровня, если организует привлечение еще 100 новых партийцев. Также на первом этапе управляемое общение симпатизантов (см. описанную нами выше уровневую модель политического участия) должно обеспечить приведение политических убеждений к консенсусу.

2.2.2. Политические партии как форма политического взаимодействия

Ключевым основанием существования понятия политического общества является тезис о том, что политика и власть есть объективно существующие феномены, существующие по особым законам.

Политические партии – ключевой институт политического общества (см., например, [14; 83; 84; 17]). В России давно и много говорят об отсутствии общества гражданского, но без партийной системы институты гражданского общества не смогут действовать эффективно. Не давая здесь оценок текущей политической ситуации, лишь констатируем, что руководством государства прилагаются существенные усилия к повышению роли партий в политическом

процессе (если не реальной роли, то, по крайней мере, публичной – хотя это уже зависит и от самих партий).

Мы убеждены (точка зрения подробно изложена в 2 совместных с А.И.Серавиным монографиях), что политические партии представляют собой политические структуры, организованные по сетевому принципу. Таким образом, мы считаем политическое взаимодействие на межличностном уровне и политические партии лишь разными уровнями одного психологического феномена.

В доказательство нашего понимания партий как ключевого политического института, собственно и образующего институциональную основу политического общества приведем цитату из работы Бурдье. «Путы рынка тяготеют прежде всего над членами доминируемых классов, у которых нет иного выбора, кроме отказа от прав или самоотречения в пользу партии, этой перманентной организации, которая должна создавать *представление* о непрерывности класса, всегда стоящего перед опасностью впасть в прерывность атомизированного существования (с уходом в частную жизнь и поиском путей личного спасения) или в ограниченность борьбы за сугубо частные цели. Это приводит к тому, что они в значительно большей степени, чем члены доминирующих классов, которые могут удовлетворяться ассоциациями, группами давления или партиями-ассоциациями, испытывают необходимость в партиях, как *перманентных* организациях, ориентированных на завоевание власти и предлагающих своим активистам и избирателям не только доктрину, но и *программу* идей и действий и требующих, как следствие, глобальной и предвосхищающей приверженности. [14, С.5]»

Некоторые исследователи считают, что политические партии как институт и в Европе, и в США находятся в упадке. Однако сошлемся на приведенный в работе Л.В.Сморгунова [65, С.307-309] обзор зарубежных источников, выводом из которого служит характеристика текущей стадии развития этого института как перерождения, а не разрушения.

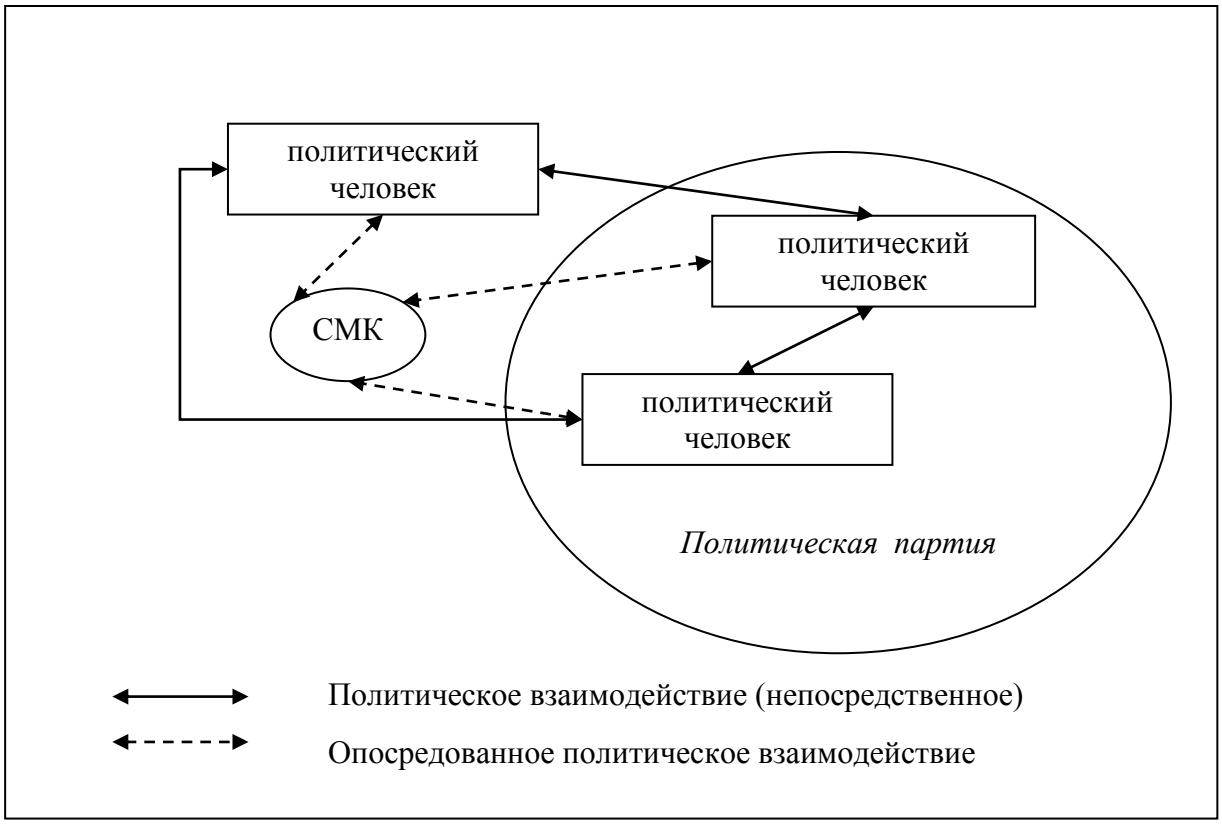


Иллюстрация 2. Схематическая модель пространства политического взаимодействия

На илл.2 отображена модель пространства политического взаимодействия. Она наглядно демонстрирует, что граждане взаимодействуют как непосредственно, так и опосредованно – через средства массовой коммуникации. Определенная часть системы политического взаимодействия, определенным образом институализированная, образовывает политические партии.

2.3. Пространство политического сознания

Прежде всего, следует определить понятие политического сознания. В полной мере, это, пожалуй, и невозможно, так как даже в общей психологии отсутствует на сегодняшний день относительно объективированное и единое мнение о сути этого феномена (в России наиболее активно занимается проблематикой определения сознания В.М.Аллахвердов [1]). Однако, в любом случае, следует привести два определения, авторства известных социолога и психолога (Е.Ю.Мелешкина и Е.Б.Шестопал):

- «… политическое сознание определяется как совокупность ментальных явлений, в которых выражается восприятие политики индивидуальным субъектом политического процесса [61, С.132]»;

- «Политическое сознание представляет собой восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения, государством и его институтами [78, С.157]».

Постараемся подойти к рассмотрению феномена политического сознания с точки зрения концепций и теорий когнитивной психологии. Приверженцев этого направления объединяло убеждение, что именно понимание человеком окружающего мира определяет его поведение. Понимание осуществляется через когнитивные процессы, которые определенным образом определяют значения, содержание сознания.

Заметную роль в появлении и развитии когнитивной психологии сыграли Дж.Миллер (открыватель «магического числа» 7±2), У.Найссер (теория восприятия, перцептивный цикл, предвосхищающие схемы), Ф.Пиаже (когнитивные стадии развития ребенка). Когнитивистов критиковали за отсутствие единой теории познавательных процессов, но многие концепции этого направления известны и широко используются и сейчас: теория когнитивного диссонанса Леона Фестингера, теория личностных конструктов Джорджа Келли и теория семантических пространств Чарльза Осгуда.

Леон Фестингер, как и многие когнитивисты, сконцентрировал внимание на изучении формальных характеристик познания [70]. Его исследования открыли феномен так называемого когнитивного диссонанса, который предполагает, что человек испытывает дискомфорт, если в его сознании появляются противоречивая информация. Снятие напряжения происходит двумя путями: или человек меняет знания об объекте, или меняет установки.

Келли отошел от формализма, свойственного Фестингеру, и сместил акцент на изучение содержания сознания. Келли считал, что важнейшей стадией когнитивной деятельности является классификация, которая приводит к созданию модели реальности (то есть к ее пониманию). Единичными

компонентами сознания являются конструкты, которые определяют восприятие и формирование отношения к объектам внешнего мира, поведение человека.

Чарльз Осгуд, как и Келли, больше занимался изучением содержания сознания, но доминирующим в его подходе является выделение так называемой категориальной структуры сознания.

Применительно к сфере политического семантический дифференциал как метод, и психосемантический подход (термин введен В.Ф.Петренко [59] и А.Г.Шмелевым [80]) являются активно используемыми как в научных, так и в практических исследованиях. Так как в дальнейшем мы будем подробно рассматривать семантический дифференциал как метод нашего эмпирического исследования, то все вопросы, связанные с его спецификой и сутью подхода, мы изложим в разделе, посвященном методике. Сошлемся лишь на ряд исследований семантического пространства политического сознания, проведенных в России В.Ф.Петренко и О.В.Митиной в 1990-е годы [81].

Принципиальный вопрос, связанный с переходом от анализа феномена политического сознания к анализу коллективного пространства политического сознания, выше уже был рассмотрен в общем виде при обсуждении правомерности термина «психологические пространства».

С нашей точки зрения, уместно понимать политическое сознание более широко, чем в приведенных в начале раздела определениях. В дальнейшем мы будем исходить из того, что политическое сознание является психологическим феноменом, содержащим стабильные характеристики когнитивных процессов применительно к политической реальности. Политическое сознание содержит в себе конструкты, категории, убеждения, ценности, определяя восприятие, понимание и суждение как по отношению к абстрактным, идеальным политическим объектам (идеям, лозунгам и т.д.), так и к реальным (политическим партиям, персонам и т.д.).

Под пространством политического сознания мы будем понимать многомерную категориальную структуру общественного сознания,

определяемую как условно объективными (например, идеологическими), так и субъективными характеристиками.

2.4. Теоретическая модель психологии политического пространства

2.4.1. Политическая установка как интегративный феномен

Термин «установка» был введен в оборот научной психологии в работах Л.Ланге и Г.Мюллера, излагавших результаты исследования восприятия. В русском психологическом тезаурусе термин «установка» применяется в двух смыслах, в английском употребляются два разных понятия: set (установки в узком смысле) и attitude (аттитюда, или социальной установки). Ключевым отличием двух типов является то, что установка обычно является неосознанной и относится к психическим процессам, а аттитюд осознается и относится к социальной сфере. Понятие аттитюда было введено У.Томасом и Ф.Знанецким, которые подразумевали под ним субъективные ориентации индивидов на нормативные ценности группы. Первоосновой аттитюда Томас и Знанецкий видели интериоризацию индивидом конотаций социальных объектов (см. обзор истории термина в работе одного из ученых грузинской школы изучения установок [8; 62; 40]).

Олпорт считал, что аттитюд – бессознательная составляющая поведения, которая направляет восприятие и действия за счет возбуждения или торможения реакций. Терстоун определял социальную установку как намерение реагировать определенным образом на психологический объект [141]. Осгуд считал ключевой характеристикой социальной установки ее способность определять предрасположенное реагирование.

Согласно работе А.Г.Асмолова [3], который в 1979 году предпринял попытку классифицировать подходы к изучению установок, есть несколько пониманий установки.

1. О.Кюльпе: установка как предварительно созданное ожидание объектов
2. О.Л.Зангвилл: установка как концептуальная схема, вызванная стимульным паттерном

3. К.Халл: установка как ожидание стимульных отношений, выработанное повторяющимися стимуляциями
4. Установка как намерение реагировать специфическим действием
5. К.Коффка: установка как намерение выполнять привычные психические операции
6. Э.Сипол и Г.Лачинс: установка как не намеренная психическая операция, актуализированная при решении задачи
7. К.Левин: установка как тенденция к завершению прерванной активности
8. Д.МакФарленд: установка как тенденция продолжения активности после устранения препятствий

Классическим для российской психологии является определение основателя грузинской школы Узнадзе. Он считал, что установка представляет собой особое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовлетворение потребности в данной ситуации.

Понятие установки крайне многозначно даже применительно к сфере социального. Например, ряд исследователей считают, что мнения и убеждения также являются видом установок («мнение – один из видов политической установки» [78, С.162]; «поведение избирателей на выборах определяется настроением и предпочтениями населения перед выборами, то есть электоральное поведение есть проявление общественного мнения» [82, С.45]). Важным представляется относительно консенсусная позиция исследователей, утверждающая что «социальная установка объясняет, почему люди … выбирают конкретный мотив» [63].

Одним из наиболее известных исследователей социальных и политических установок является Г.Айзенк [101]. Он предложил четырех ступенчатую иерархическую систему иерархии аттитюдов:

- первый уровень – специфичные мнения (об отдельном человек);
- второй уровень – привычные мнения (распространяются на группу);

- третий уровень – установка;

- четвертый уровень – идеология;

Айзенк считал, что опросы общественного мнения, одномерные шкалы, позволяют уловить привычные мнения, а факторный анализ и другие многомерные методы математической обработки данных позволяют подняться на уровень установок и идеологии. В качестве методики, позволяющей изучать аттитюды в двухфакторной системе T («жесткость-мягкость», «авторитаризм-демократизм») и R («радикализм-консерватизм»), Айзенк разработал шкалу из 40 утверждений.

Известные бихевиористы, М.Розенберг и К.Ховланд, разработали структурную схему действия установки, приведенную на илл.3.

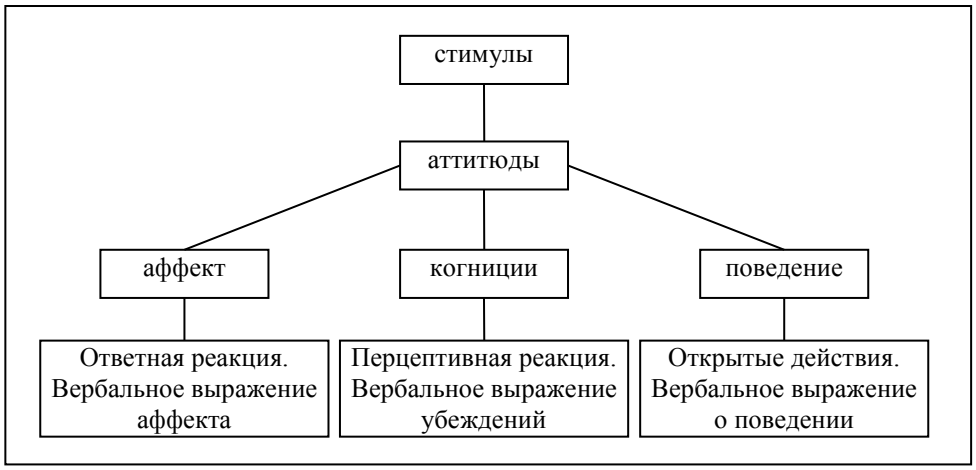


Иллюстрация 3. Структура социальной установки Розенберга – Ховланда

Российский исследователь Е.Б.Шестопал выделяет три уровня установок [77]: убеждения, диспозиции и мнения.

В своей работе мы употребляем термин «установка» в значении «социальная установка». Данный термин соответствуют второму уровню диспозиций с точки зрения В.А.Ядова [85] и характеризуются наличием трехчленной структуры: эмоционально (оценочного), когнитивного (рассудочного) и поведенческого компонентов (аспект поведенческой готовности).

Отметим, что крайне важным для нашей работы тезисом является соотнесение внутренней трехчленной структуры установки Ядова и трехчленной структуры внешних проявлений (реакций), обусловленных установкой Розенберга-Ховланда. Совпадение внутренней структуры установки и внешних ее проявлений

Озвучим ключевые вопросы, касающиеся феномена установок.

1. *Вопрос о необходимости обучения для выработки установки*. То есть может ли существовать установка на не предъявляемый ранее объект? Наша точка зрения состоит в том, что условный механизм «запуска» установки предполагает задействование неких категориальных схем, конструктов в терминологии Келли, которые определяют минимальный уровень абстракции, к которому можно отнести стимул, требующей реакции. То есть если человек не знает какую-то партию, то он будет реагировать на нее как на партию в целом (если у него есть опыт оценки партий).

2. *Вопрос о степени осознанности установок*. Наша точка зрения на данный вопрос является компромиссной и предполагает частичную осознанность политических установок.

3. Вопрос о доминировании тех или иных элементов в структуре установки и механизме взаимовлияния элементов установки. Широко распространенная концепция электорального поведения «знание – отношение - действие» в структурном плане соответствует компонентам установки, однако она предполагает сукцессивность формирования элементов установки. В.А.Ядов считал, что все три элемента в структуре установки являются относительно самостоятельными подсистема регуляции активности субъекта [85; 86]. К сожалению, мы вынуждены рассматривать установку как «черный ящик», предполагая взаимное определение каждого элемента установки другим и взаимовлияние внутренних компонентов установки и внешних явлений и феноменов – как психического характера, так и политического.

2.4.2. Теоретическая модель политического пространства

Теперь подробно опишем наше представление о механизме соотнесения элементов установки и индивидуальных психологических компонент политического пространства.

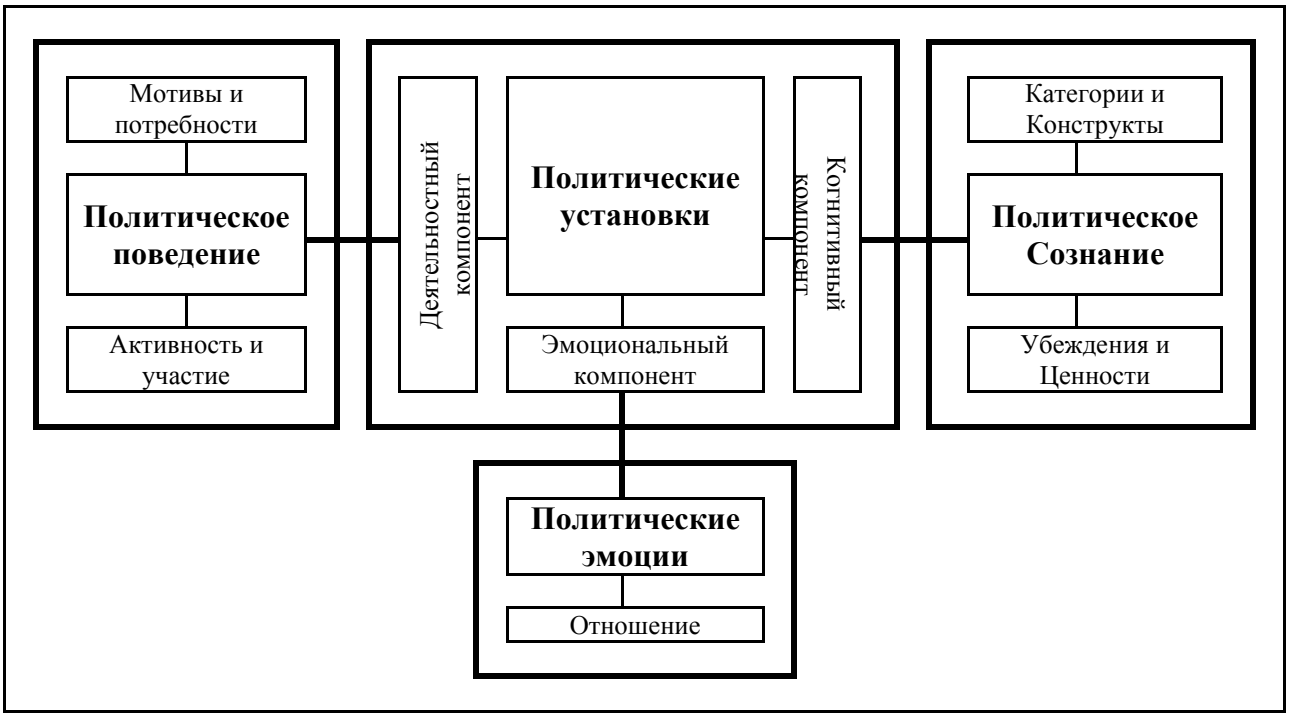


Иллюстрация 4. Психологические компоненты политического человека

Объясним не введенный ранее термин «политические эмоции». Начало изучения роли эмоционально-аффективной сферы в политике в политической психологии практически совпадает с историей самой дисциплины. Например, Тард и Лебон [67: 48], описывая феномен массового политического поведения, ключевой считали именно роль аффекта. В современной политической психологии также регулярно подчеркивается роль аффективности в политическом поведении. Сошлемся лишь на краткое, но эмоционально емкое описание роли аффекта в политике, и, как следствие, роли его изучения в политической психологии А.И.Юрьева [83, С.82-84]. Под политическими эмоциями мы будем понимать сферу аффективных явлений, вызываемых политическими стимулами как идеального, так и реального характера.

Ключевым вопросом является не собственно доказательство роли эмоций, а операционализация этого понятия. Нам представляется наиболее уместно определить считать, что эмоции, прежде всего, поддаются измерению через проявляемое отношение к политическим объектам, которое мы назвали политическим отношением. Отметим, что под политическим отношением подразумевается именно эмоциональное отношение, то есть аффективное явление, вызываемое конкретным стимулом политического характера (иными словами – частная политическая эмоция). Под пространством политического отношения мы будем иметь в виду общественную систему категоризации политических объектов, основанную на политических эмоциях.

Очевидно, что принципиально отделить эмоциональное отношение от рационального практически невозможно, что еще раз доказывает наличие некоего феномена психической реальности, в функции которого входит интеграция и взаимосогласование эмоций и когниций, что позволяет обеспечивать относительное единство реакций. Мы считаем, что эти функции выполняет установка. Подчеркнем, что наше понимание термина «отношение» является принципиально более узким, чем в работах В.Н.Мясищева [55]. «Отношение» по Мясищеву – это скорее установка в используемых нами терминах.

На иллюстрации 4 приведена схема психологических компонентов политического человека, определяющих политическое пространство. Однако, нам требуется включить в теоретическую модель также межиндивидуальный компонент – политического взаимодействие (см. илл.2, раздел 2.2.2).

Субъект ***Политическое поведение***		**Индивидуальность** ***Политическое сознание***
	Политический человек ***Политические установки***	
Индивид ***Политические эмоции***		**Личность** ***Политическое взаимодействие***

Иллюстрация 5. Систематизация психологических компонентов политического пространства методом пентабазисов

Для системного определения взаимосвязей различных компонент политического пространства, воспользуемся методом пентабазисов системного подхода (см. работы В.А.Ганзена [25]).

Компонент «политические эмоции» мы соотнесли с индивидом, так как это наиболее низкоуровневая подструктура психики человека.

Компонент «политическое взаимодействие» мы соотнесли с такой подструктурой психики как личность, так как именно личность есть продукт социальных взаимоотношений.

Компонент «политическое поведение» мы соотнесли с такой подструктурой психики как субъект деятельности, так как именно поведение лежит в основе деятельности.

Компонент «политическое сознание» мы соотнесли с такой подструктурой психики как индивидуальность, так как сознание является высшим интегратором всех психических процессов (В.А.Ганзен).

Еще раз подчеркнем, что функцию интеграции всех психологических компонентов политического пространства несут политические установки. Именно таков, по нашему мнению, механизм, через который реализуется принцип единства личности, сознания и деятельности А.Н. Леонтьева [49], а также закон о взаимодействии личности и деятельности, сформулированный С.Л.Рубинштейном [64].

Приведенная на иллюстрации 5 схема является ключевым теоретическим выводом нашей работы, однако, она в малой степени пригодна для непосредственного моделирования политического пространства. Для целей моделирования политического пространства как динамической структуры, модель необходимо дополнить динамическими характеристиками. Ключевой динамической характеристикой человека в психологии являются состояния психики человека.

В соответствии с концепцией А.И.Юрьева [83, С.189-207], политическая работа парламента предполагает регуляцию, перераспределение жизненных

пространств (физического, правового, экономического и информационного), что влечет за собой изменение психических состояний.

Схема соотнесения жизненных пространств и четырех видов психических состояний (эмоциональных, мотивационных, праксических и гуманитарных) приведена на иллюстрации 6.

Праксические	Гуманитарные
Энергичность Утомленность	Терпимость Принципиальность
Экономическое пространство *Психические состояния субъекта*	
Эмоциональные	Мотивационные
Готовность Растерянность	Восхищение Возмущение

Праксические	Гуманитарные
Расслабленность Напряженность	Расслабленность Критичность
Информационное пространство *Психические состояния индивидуальности*	
Эмоциональные	Мотивационные
Любопытство Скука	Синтония Асинтония

СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ

Праксические	Гуманитарные
Хладнокровие Стресс	Общительность Замкнутость
Физическое пространство *Психические состояния индивида*	
Эмоциональные	Мотивационные
Сытость Голод	Любовь Ненависть

Праксические	Гуманитарные
Спокойствие Тревожность	Конформность Фанатичность
Правовое пространство *Психические состояния личности*	
Эмоциональные	Мотивационные
Дружелюбие Враждебность	Симпатия Антипатия

Иллюстрация 6. Связь психических состояний и жизненных пространств (А.И.Юрьев, [83, С.202])

Проведем соотнесение уровней жизненного пространства, компонентов психики и психологических компонентов политического пространства.

Таблица 2.2.
Соотнесение модели политического и жизненного пространств

Компонент модели политического пространства	Уровень жизненного пространства	Компонент психики
Политическое сознание	Информационное пространство	Индивидуальность
Политическое поведение	Экономическое пространство	Субъект деятельности
Политическое взаимодействие	Правовое пространство	Личность
Политические эмоции	Физическое пространство	Индивид

В итоге, теоретическая психологическая модель политического пространства состоит из двух частей – структурной (модель психологических

компонентов политического пространства, см. илл.5) и динамической (модель психических состояний и жизненных пространств А.И.Юрьева, см. илл.6).

Выводы теоретической части работы

1. Методологический подход, используемый при моделировании политического пространства, должен характеризоваться максимальными возможностями учета субъективно значимых для человека характеристик политического процесса.

2. Инструментом исследования в психологии является личность исследователя.

3. Ход любого исследования, и, во многом, его результаты, предопределяются теоретико-методологическим комплексом, понимаемым как модель исследуемого объекта.

4. Прогнозирование является основным способом верификации теоретико-методического комплекса, таким образом, критерием валидности созданной модели политического пространства должна стать проверка ее прогностических возможностей.

5. При исключении из рассмотрения непосредственно географических аспектов политического пространства, можно выделить три подхода к понимаю термина «политическое пространство»: пространство политических актов, понимаемое как пространство политического поведения; пространство политических идей, понимаемое как пространство политического сознания; и пространство политического взаимодействия и политических институтов, понимаемое нами как пространство политического общества.

6. Рассмотрение термина «пространство» применительно к социальным группам, то есть переход от индивидуальных психологических пространств к коллективным, представляется корректным.

7. В психологической науке наиболее развитыми подходами и концепциями, которые можно охарактеризовать как пространственные в том

или ином смысле, являются психосемантические подходы (семантический дифференциал Ч.Осгуда, теория конструктов Дж.Келли) и теория поля К.Левина.

8. Возможна психологическая интерпретация феномена политического пространства.

9. Политическое пространство можно определить как психологическое пространство существования населения, в котором реализуется политическая активность, труд и работа, поведение и деятельность.

10. Политическое пространство определяется структурными и динамическими компонентами.

11. Структурные компоненты политического пространства характеризуются политическими эмоциями, взаимодействием, поведением и сознанием.

12. Функцию интеграции структурных компонентов политического пространства играют политические установки.

13. При операционализации политического поведения в качестве его внутреннего компонента выделяется мотивационно-потребностная сфера, а в качестве внешнего – политическое участие.

14. Политическое взаимодействие является основой политической организации общества и носит сетевой характер. Теоретическая модель пространства политического взаимодействия включает взаимодействие людей непосредственное и опосредованное – через каналы массовой коммуникации.

15. Политические партии играют доминирующую роль в системе политической организации общества. Политические партии являются высшей форме институанализированного политического взаимодействия.

16. При операционализации политического сознания в целях изучения политического пространства в качестве его внутреннего компонента выделяется категориальная структура, а в качестве внешнего – система политических убеждений.

17. Операционализация политических эмоций в целях изучения политического пространства предполагает понимание их как системы эмоциональных отношений к политическим стимулам.

18. Роль интегратора всех структурных компонентов политического пространства играет система политических установок.

19. При разложении структурных компонент политического пространства по категориям антропологического пентабазиса, политические эмоции соотносятся с уровнем индивида, политическое взаимодействие – с уровнем личности, политическое поведение – с уровнем субъекта, политическое сознание – с уровнем индивидуальности.

20. Роль динамической компоненты политического пространства играет система психических состояний.

Глава 3. ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

3.1. Обоснование выбора методов

При выборе методов исследований мы исходили из следующей системы критериев.

1. *Методы должны принадлежать к одному методологическому подходу.* Этот критерий обуславливается невозможностью использовать методы, которые бы предполагали различные методологические основания в единой модели. Можно проверять одну модель методологически разными подходами, но невозможно для изучения разных компонент модели применять различные методологии. В противном случае неизбежно появятся либо противоречия, связанные с тем, что результаты применения разных методов лежат в различных плоскостях, либо артефакты, связанные с совпадением, синхронизацией системных ошибок каждого метода.

2. *Методы должны в минимальной степени предопределять итоговую структуру модели*. Например, применение методов, которые бы в дальнейшем предполагали использование корреляционного анализа, в данном исследовании недопустимо. Объясняется это тем, что значительное число переменных предопределило бы выявления ряда мало значимых корреляций. Эти корреляции, были бы либо артефактами (при уровне значимости p=0,95, 5 из 100 корреляций будут не иметь смысла).

3. *Краткость методик или их ориентация на интуитивное заполнение*. Круг исследуемых вопросов очень широк, поэтому существует опасность в использовании методик, которые в совокупности потребуют от респондента многочасовой работы. Это затруднительно и с организационной точки зрения, однако, особенно высока для результатов исследования опасность ошибок, связанных с утомлением респондентов.

4. *Методы должны предполагать оперирование существующими политическими явлениями*. Предложенный в данной работе теоретический

подход предполагает преимущественно реактивный характер формирования и тем более проявления политических установок. Поэтому исследовать установки, а через них и другие компоненты политического пространства, вне существующих на сегодняшний день в информационном поле политических явлений и объектов практически невозможно.

5. *Методы должны предполагать выделение осей пространства, интерпретация которых не в полной мере заложена в содержательном наполнении методик*.

6. *Методы должны допускать тестирование направленности причинно-следственных связей*.

Таким образом, исходя из сформулированных критериев, очевидно, что ключевой метод исследования должен предполагать методику классификации политических явлений и объектов и выделения определенной системы координат.

Кроме того, следует учитывать ключевую цель работы – создание модели. Причем модели, которая бы в максимальной степени носила количественный, счетный характер, а не качественный, интуитивный (на эту тему см., например, [75; 144; 127]). В некотором роде эта цель, сформулированные шесть критериев и указанные в предыдущем абзаце выводы из них предопределяют в большей степени методы математической обработки, а те, в свою очередь, характер данных, которые необходимо получить для их использования.

Количество методов математической обработки данных, позволяющих создать модель интересующего нас типа (предполагающую реконструкцию условной системы коллективных предпочтений), весьма ограниченно: это факторный анализ, conjoint-анализ и многомерное шкалирование. Проанализировав ряд материалов международных журналов, посвященных проблематики многомерного моделирования на основе категориальных и номинативных шкал [143; 90; 106; 107; 125; 135], мы пришли к выводу о

целесообразности выбора трехмерной матрицы ранговых данных для анализа: множество респондентов оценивают множество объектов по множеству шкал.

В итоге, ключевым методом исследования, в полной мере удовлетворяющим большинству критериев, был выбран метод семантического дифференциала.

Метод семантического дифференциала не удовлетворяет критерию 6, так как он выявляет лишь структуру данных, предполагая в классическом виде использование в качестве метода математической обработки факторного анализа. Поэтому мы использовали более широкий спектр подходов к извлечению информации из собранных методов семантического дифференциала данных.

Также отметим, что понимание нами метода семантического дифференциала более широкое, чем в классических работах зарубежных и отечественных исследователей. Мы понимаем семантический дифференциал как методику, реконструирующую индивидуальные психологические пространства и агрегирующую их в общее психологическое пространство. При этом результаты использования этой методики относятся, с нашей точки зрения, не только к когнитивным аспектам психики. Это предположение основывается на тезисе о взаимопроникновении сознания и деятельности (принципе единства личности, сознания и деятельности А.Н. Леонтьева [49]), играющего принципиальную роль для нашей работы, и подробнее рассмотренного в разделе 2.5. Метод семантического дифференциала, как очевидно даже из названия, изначально призван определять конвенциональные структурообразующие значения, основанные на предъявлении определенных стимулов символического характера. Но, с нашей точки зрения, вся психическая деятельность осуществляется только через систему символов и значений. Чтобы не стараться обосновывать подобный тезис в целом, сошлемся лишь на сферу политики. Например, Бурдье считал, что политика не существует вне пространства знаков (в данном случае, очевидно, что это синоним символов), причем все действия опосредованы этими символами:

«Политика является исключительно благодатным местом для эффективной символической деятельности, понимаемой как действия, осуществляемые с помощью знаков, способных производить социальное, и, в частности, группы.» [14, С.92].

3.2. Процедура формирования анкетного опросника

Вопрос выбора объектов для оценки респондентами и формирования списка шкал семантического дифференциала мы рассмотрим в следующем параграфе, а здесь также обоснуем включение в опросный бланк вопросов, не подлежащих адаптации к семантическому дифференциалу.

1. Мы задались целью добавить в исследование инструменты, которые бы позволили в большей степени интегрировать результаты данного научного исследования с прикладными разработками. Этим обусловлено включение в бланк опроса двух классических вопросов электоральных исследований – об известности партий и электоральных предпочтениях. В англоязычной литературе, посвященной методикам ранговых измерений, дискуссионным является вопрос о предпочтительности методик ранжирования и рейтингования (ranking и rating procedures) объектов [131; 129; 138], и о методиках ранжирования. Нами было принято решение не включать в исследование процедуру рейтингования (непосредственное упорядочивание объектов), а использовать ранжирование по определенным шкалам в процедуре семантического дифференциала.

2. Блок социально-демографических параметров был включен для определения частных пространств различных групп населения и отслеживания структуры выборки.

3. Блок, нацеленный на определение уровня политического участия. Забегая вперед, сделаем оговорку, что вопросы, посвященные политическому участию, были включены и в качестве шкал для семантического дифференциала.

Итак, анкетный опросник, составленный автором (полностью приведен в Приложении 1), имеет три части.

В первой части опросника содержатся вопросы, нацеленные на выявление электоральных предпочтений респондентов. Предпочтения выявлялись путем двух классических вопросов, используемых в электоральных опросах общественного мнения, предназначенных для определения электоральных рейтингов: наведенная («с подсказкой») известность политических партий и моделирование электорального выбора (формулировка вопроса: «Если бы выборы в Законодательное собрание Санкт-Петербурга состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию Вы бы проголосовали?»).

Вторая часть опросника предполагала выявление параметров политического участия человека. С одной стороны, в нее вошли вопросы о формах политического участия (см. таблицу 3.1), с другой стороны, вопросы, выявляющие, насколько человека можно отнести к симпатизантам (см. таблицу 2). Отметим, что вопрос о частоте обсуждения политики включен в обе категории преднамеренно.

Таблица 3.1

Вопросы об уровне политического участия респондента

Форма участия	**Характеристика участия**	**Вопрос анкеты**
Слежу	Информационная, пассивная	Насколько часто вы смотрите политические программы по ТВ / читаете статьи в газетах / журналах про политику?
Говорю	Информационная, активная	Насколько часто вы беседуете о политике с коллегами, друзьями?
Голосую	Деятельная, пассивная	Собираетесь ли вы принять участие в ближайших выборах… Депутатов местных советов, депутатов ЗакС СПб, депутатов Госдумы, Президента
Участвую	Деятельная, активная	Участвовали ли вы когда-нибудь в митингах?
Состою	Деятельная, гиперактивная	Состояли ли вы когда-нибудь в общественных или политических объединениях?

Таблица 3.2
Вопросы, посвященные выявлению симпатизантов

Характеристика симпатизанта	Вопрос анкеты
Интенсивность социальных контактов	Со сколькими знакомыми (друзья, приятели, коллеги, родственники) в день в среднем вы общаетесь (лично / по телефону / e-mail / ICQ)?
Интерес к политике	Насколько часто вы беседуете о политике с коллегами, друзьями?
Активность позиции	В беседах о политике вы стараетесь отстоять свою точку зрения?
Умение убеждать	Сколько у вас знакомых, которых вам иногда удается убеждать в правильности своей точки зрения?

В третьей части опросника содержатся вопросы так называемого социально-демографического блока. В этот блок мы включили как базовые вопросы: пол, возраст и образование респондента, его самооценке материального положения семьи, так и вопросы о занятости и составе домохозяйства. Самооценка материального положения определялась традиционным перечнем категорий трат, которые семья легко может себе позволить.

Занятость респондента выявлялась через три вопроса. Первый определял базовую форму занятости (варианты ответа: работаю (полная занятость), работаю (частичная занятость), не работаю (домохозяйка), не работаю (учусь), не работаю (ищу работу), не работаю (пенсионер). Второй вопрос задавался тем, кто работает, и выяснял род занятости (служащий, рабочий, специалист (с высшим образованием), руководитель высшего звена, руководитель среднего звена, предприниматель). Третий вопрос уточнял сферу занятости работающих респондентов (государственный сектор, коммерческий, общественная организация).

Также в анкете присутствовали вопросы, посвященный размеру и составу домохозяйства (то есть выяснялось количество проживающих совместно с респондентом человек и степень их родства с ним). Столь подробное, не традиционное для психологических исследований внимание к вопросам

социально-демографического блока было обусловлено желанием проверить частные гипотезы о то, что факторы состава домохозяйства и характеристики занятости значимо влияют на систему политических установок человека.

3.3. Процедура формирования бланка и отбора шкал для семантического дифференциала

При проведении исследования методом семантического дифференциала возникает ряд условно технических вопросов формирования шкал и формы их представления, которые, судя по результатам изучения, могут принципиально повлиять на результаты исследования (например, на факультете психологии СПбГУ исследования по данной тематике проводятся В.Л.Волохонским [20; 21]).

Рассмотрим последовательно основные вопросы, связанные с методом семантического дифференциала, вернее в целом с методом оценочного шкалирования.

1. *Проблема биполярности шкал*. Классический метод семантического дифференциала предполагает использование биполярных шкал. Однако существует множество теоретических обоснований и эмпирических данных, говорящих о том, что человеческое мышление выносит суждения об объектах окружающего мира, исходя из униполярных категорий. При этом основатели двух наиболее известных семантических подходов в эмпирической психологии – Осгуд и Келли предполагали дихотомическую природу конструктов [133; 44, С.81], да и ряд их последователей также предоставляют убедительные доводы в пользу биполярных шкал [73; 95; 100; 121; 128; 136; 137]. Нам представляется, что оптимальным является использование двухполюсных шкал по трем причинам. Во-первых, сама идея семантического дифференциала как метода, основанного на феномене синестезии и являющегося своеобразным ассоциативным экспериментом, предполагает не принципиальную роль данного вопроса. Скорее более важно следовать четким критериям отбора

шкал: либо выбирать шкалы, адекватные объекту изучения, либо максимально разнородные. Во-вторых, общие методологические предпосылки данного исследования во многом близки бихевиористскому подходу (в рамках которого, отметим, работал и Осгуд), и, также как и он, предполагают, что важнее постараться нейтрализовать известные эффекты, влияющие на результат, а далее воспринимать эти результаты как научный факт, предполагающий интерпретацию. Если конкретизировать последний тезис, то следует сказать о содержании исследования – мы стараемся выявить некоторые установки, задавая контекст определенным образом подобранными шкалами, и биполярность этих шкал лишь призвана увеличить разброс оценок, хотя и не является критичным условием проведения исследования.

2. *Проблема числа категорий ответов.* В научной литературе достаточно много работ, в которых рассматривается вопрос о том, какое число категорий оптимально для оценочных шкал [5; 88; 91; 108; 112; 120; 123], есть даже работы, в которых изучается влияние числа категорий ответов в ранговых шкалах на корреляцию между переменными и средние значения [130; 132]. Оптимальной считается шкала из 7 категорий, однако, в указанных источниках содержится информация о том, что если число шкал велико, то для получения адекватного представления о взаимосвязях достаточно и 5 категорий ответов. В целом следует сказать, что исследователи приходят к мысли об отсутствии на данный момент в науке четких ориентиров по числу категорий: «К сожалению, нам не известны хорошо обоснованные исследования по определению оптимального размера списка объектов ранжирования. Возможно, здесь целесообразно руководствоваться «золотым правилом» 7±2, определяющим среднюю емкость оперативной памяти человека.» [5, С.11]. Отметим еще одну причину, которая позволила нам остановиться на шкалах из 5 категорий: у нас достаточно большая по меркам психологических исследований выборка (678 человек), что позволяет получить значимые коэффициенты корреляции и при шкале меньшей размерности.

3. *Проблема интерпретации нуля*. Данная проблема заключается в том, что средняя оценка на биполярной шкале (чаще всего «0») не может быть однозначно интерпретирована как равноприемлемость альтернатив (полюсов) для респондента (эта оценка может означать своеобразную форму отказа респондента от выставления оценки). В нашем исследовании мы постарались снизить влияние данной проблемы на результаты исследования несколькими путями. Во-первых, именно такой оценки по шкалам не предполагалось (вместо нее служила оценка «1» в шкале «3..2..1..2..3»). Во-вторых, интервьюеры информировались о том, что в случае отказа респондента необходимо предложить ему назвать, с каким из полюсов шкалы в большей степени ассоциируется та или иная партия, упомянув, что может ассоциироваться и с обеими полюсами в равной степени (оценка «1»). Если же и после этого предложения респондент отказывался оценить партию по той или иной шкале, то он мог проигнорировать эту шкалу.

4. *Проблема горизонтального эффекта*. Горизонтальный эффект заключается в том, что оценки, даваемые испытуемыми объектам по шкалам, смещаются к левому полюсу шкалы, а во-вторых, к положительному полюсу. Данному эффекту посвящено много работ в зарубежной и российской исследовательской практике [88; 89; 94; 97; 103; 104; 20; 21]. Для относительной нейтрализации влияния этого эффекта мы чередовали позитивные и негативные полюса местами в идущих последовательно шкалах; исключили указание на оценочность (часто это делается через обозначения «+» и «–»); а также делали симметричные варианты шкал как в методике в списках шкал по разным объектам.

5. *Проблема вертикального эффекта*. Очевидно, что порядок предъявления объектов и шкал может приводить к определенным искажениям в оценках респондентами этих объектов. Для нейтрализации этих явлений мы чередовали последовательность предъявления объектов и последовательности предъявления оценочных шкал, создав ряд вариантов бланков.

Теперь перейдем непосредственно к определению набора шкал.

Ключевой категорией в теоретической схеме, объясняющей взаимодействие индивидуальных компонентов политического пространства, и позволяющей их операционализировать, является понятие установки. При этом понятие установки предполагает проявление условно типовой реакции на типовой стимул, в ином ключе – предопределенность действий в типовой ситуации.

Метод исследования должен предполагать возможность проявления респондентом имплицитных и эксплицитных установок. Предположительно, в случае четко негативного отношения к политике в целом или конкретной партии, респондент будет склонен оценивать объекты, предъявляемые ему в методике семантического дифференциала, в соответствии со своим восприятием позитивности или негативности полюсов оценочных шкал.

При подобной логике рассуждений мы понимаем, что содержание шкал для многих респондентов будет иметь вторичное значение. Однако для нашего исследования представляет интерес не только собственно реконструкция пространства категориальной структуры сознания, но и оценка роли в этом пространстве тех или иных компонентов созданной нами теоретической модели. Таким образом, содержательное наполнение шкал становится возможностью проверить частные гипотезы о роли тех или иных психологических компонент политического пространства.

Итак, содержательное наполнение шкал, с одной стороны, задает пространство семантического контекста, адекватного предмету изучения, и это позволяет определить роль психологических компонентов политического пространства, а с другой стороны, служит дополнительной возможностью для респондентов проявить свое дифференцированное отношение к оцениваемым объектам.

Отметим также, что такой элемент теоретической схемы как категории (категориальная структура сознания) получает в нашем исследовании двойной смысл. С одной стороны, мы интерпретируем вклад тех или иных психологических компонентов в категории, выявляемые методом

семантического дифференциала, как их роль в политическом пространстве, а с другой стороны, собственно вся система категорий является одним из таких компонентов. Уйти от этого двусмысленного понимания категорий, выявляемых методом семантического дифференциала, позволяет наше расширенное понимание результатов использования данного метода, описанное в разделе 3.1. Повторим основную мысль: с нашей точки зрения семантический дифференциал является методом, выявляющим установки респондента в заданном семантическом контексте на предъявляемые стимулы. На уровне обработки данных мы отдельно рассмотрим вопрос разнесения двух пониманий выделенных категорий (факторов). В противном случае мы бы стали бы оценивать взаимосвязь одной из частных компонент и общей структуры, что не имело бы смысла.

В соответствии с описанными концептуальными положениями, мы провели операционализацию психологических категорий, включенных в теоретическую модель.

Список шкал методики семантического дифференциала состоит из двух частей: 16 шкал, основанных на созданной А.И.Юрьевым системе психических состояний и 16 авторских шкал.

В первой части списка шкал было введено только одно изменение: шкала «синтония – асинтония» была заменена шкалой «гармоничность – негармоничность». Эти пары понятий близки по смыслу, однако понятие «синтония» предположительно неизвестно не только потенциальным респондентам, но и интервьюерам. Остальные шкалы первой части методики были включены в исходном виде, что представлено на таблице 3.3.

Вопрос о правомерности прямого предъявления научных категорий в методике семантического дифференциала является дискуссионным, так как обычно правила составления методик предполагают стремление к минимизации вероятности понимания респондентом конечной цели исследователя. Основными доводами в пользу прямого включения шкал стали, во-первых, сложность операционализации категорий из схемы Юрьева (очень велика

вероятность искажения содержания шкал даже при замене слов на синонимы), во-вторых, во-вторых, адекватность шкал гипотетическому уровню понимания респондентов (кроме одного указанного выше исключения, содержание всех категорий является доступным бытовому сознанию, все они входят в бытовой тезаурус), а в-третьих, все же, конченой целью исследования является не изучение влияния конкретных шкал, а определение категориальной структуры политического пространства.

Таблица 4.3

Список шкал первой части методики семантического дифференциала

№	Шкала
1.	Любовь – Ненависть
2.	Антипатия - Симпатия
3.	Восхищение - Возмущение
4.	Негармоничность - Гармоничность
5.	Сытость - Голод
6.	Враждебность - Дружелюбие
7.	Готовность - Растерянность
8.	Скука - Любопытство
9.	Энергичность - Утомленность
10.	Напряженность - Расслабленность
11.	Спокойствие - Тревожность
12.	Стресс - Хладнокровие
13.	Общительность - Замкнутость
14.	Фанатичность - Конформность
15.	Терпимость - Принципиальность
16.	Критичность - Расслабленность

Отметим, что для методики семантического дифференциала классические требования по подбору шкал (например, такие как включение одинакового количества вопросов для оценки значения по каждому из факторов), являются несущественными. Ведь метод обработки – факторный анализ – предполагает, что, вне зависимости от того, включена для определения влияния какого-то параметра на категоризацию одна шкала или десять, результат будет одинаков, так как если шкалы сильно коррелируют, то они войдут в один фактор или будут исключены из анализа.

Ниже, в таблице 3.4, продемонстрировано, какие шкалы были включены во вторую часть методики и дано указание на то, к какому из четырех

психологических компонентов политического пространства они преимущественно относятся.

Таблица 3.4

Список шкал второй части методики семантического дифференциала

№	Шкала	Политическое поведение	Политическое сознание	Политическое взаимодействие	Политические эмоции
17.	Эта партия мне нравится (не нравится)				✓
18.	Если я узнаю о ней что-то хорошее, я не буду рассказывать знакомым (расскажу знакомым)			✓	
19.	Если я узнаю о ней что-то плохое, я не буду рассказывать знакомым (расскажу знакомым)			✓	
20.	Если пригласят вступить в эту партию откажусь (соглашусь)	✓		✓	
21.	Что проголосую за эту партию нет шансов (есть шансы)	✓			
22.	Голосовать за эту партию точно буду (точно не буду)	✓			
23.	В этой партии нет ярких личностей (есть яркие личности)				✓
24.	Решить важные проблемы эта партия способна (не способна)	✓			
25.	Я считаю, что в Госдуму эта партия не пройдет (эта партия пройдет)	✓			
26.	Если кандидат, кот. я уважаю, будет баллотироваться от этой партии я не буду за него голосовать (я буду за него голосовать)	✓			
27.	Статьи в СМИ о этой партии мне интересны, буду читать (мне не интересны, читать не буду)	✓			
28.	Эта партия скорее ориентирована на сохранение того хорошего, что есть (создание нового)		✓		
29.	Эта партия скорее ориентирована на усиление контроля государства над бизнесом (уменьшение контроля государства над бизнесом)		✓		
30.	Эта партия скорее ориентирована на поддержку бизнеса (защиту населения)		✓		
31.	Эта партия скорее ориентирована на сильную власть (увеличение свобод)		✓		
32.	Эта партия скорее ориентирована на интеграцию страны в мировое сообщество (сохранение особенности страны)		✓		

Бланк, содержащий исходный набор шкал, приведен в Приложении 1.

После создания списков шкал было осуществленная процедура подготовки бланков, которые бы учли перечисленные выше горизонтальные и вертикальные эффекты.

1. Определение порядка шкал (отдельно в каждом из двух наборов шкал). Было создано по два уникальных варианта порядка шкал.

2. Определение порядка следования полюсов. В каждом варианте полюса чередовались через один: вначале слева позитивный, потом негативный.

3. Далее было сгенерировано по четыре дополнительных списка из двух исходных (на примере первого блока шкал это продемонстрировано в Приложении 3). Два списка были получены путем вертикальной симметрии (то есть порядок шкал менялся на противоположный), а два – путем горизонтальной симметрии (то есть менялся порядок полюсов в каждой шкале). То есть было получено 6 вариантов порядков шкал.

4. Затем были созданы уникальные бланки. Описание 8 вариантов созданных бланков приведено в Приложении 4. Для их формирования было создано два порядка предъявления партий и два порядка предъявления вариантов шкал, что и дало, с учетом прямого и обратного порядка следования партий в каждом из двух уникальных списков, 8 вариантов.

3.4. Процедура подготовка данных к обработке

Первым шагом стало приведение данных семантического дифференциала к единому виду. Напомним, что у нас было значительно число вариантов бланков, отличавшихся разным порядком предъявления объектов для оценки (партий), порядком следования оценочных шкал и чередованием ориентация полюсов шкал. Мы перевели данные по всем вариантам бланков к исходному образцу.

Вторым шагом в обработке данных стало корректировка данных для соответствия квотам.

Третьим шагом стало перекодирование данных, полученных в методике семантического дифференциала. Напомним, что мы использовали пяти ранговую биполярную шкалу вида «3..2..1..2..3». При переводе данных в электронный вид два значения левого полюса вводились как «-3» и «-2» соответственно. Таким образом, применение любого вида анализа к таким данным вызвало бы искажения, в силу отсутствия рангов «-1» и «0». Для того, чтобы избежать этого, а также чтобы избежать путаницы в названиях шкал, и

называть шкалы по левому полюсу, мы провели преобразование рангов, использованных в бланке методике по приведенной в таблице 3.5 схеме.

Таблица 3.5
Перекодировка рангов в методике семантического дифференциала

Ранги в бланке	3	2	1	2	3
Ранги в электронном виде	-3	-2	1	2	3
Ранги в матрице данных	5	4	3	2	1

Четвертым шагом стало преобразование матрицы данных в стандартный для методики семантического дифференциала вид. Матрица получаемых в ходе семантического дифференциала данных имеет трехмерный вид (респонденты X шкалы X объекты оценки). Таким образом, для обработки размерность матрицы необходимо сократить. В процессе перевода данных в электронный вид оптимальным и наиболее привычным для психологических исследований является двухмерная компоновка матрицы (респонденты X переменные). Обычно при применении метода семантического дифференциала производится замена измерения «респондент» измерением «респондент, оценивающий объект», то есть измерения «респондент» и «объект» объединяются. Мы провели эту процедуру, однако для того, чтобы сохранить возможность анализа данных в разрезе респондентов, мы продублировали в матрице данных все переменные анкетной части опросника. Для наглядности это продемонстрировано на таблице 3.6.

Таблица 3.6
Структура матрицы данных

Случаи	**Партия**	**Респондент**	**Переменные**	
			Шкалы семантического дифференциала	**Шкалы анкетной части**
1	Партия 1	Респондент 1	*Уникальные оценки*	*Дублирующиеся оценки*
2	Партия 1	Респондент 2		
3	Партия 1	Респондент 3		
…	…	…		
…	Партия 2	Респондент 1	*Уникальные оценки*	*Дублирующиеся оценки*
…	Партия 2	Респондент 2		
…	Партия 2	Респондент 3		
…	Партия 2	…		
…	…	…		

Глава 4. АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

4.1. Результаты изучения уровня политического участия и потенциала политического взаимодействия

4.1.1. Анализ результатов исследования политической активности

В данном разделе мы приведем данные по политическому участию и политическому взаимодействию, полученные в нашем исследовании.

Таблица 4.1
Активность потребления политической информации из СМИ

Насколько часто вы смотрите политические программы по ТВ / читаете статьи в газетах / журналах про политику? *(% ответов)*	
Раз в день и чаще	36,6%
2-3 раза в неделю	31,7%
3-4 раза в месяц	11,0%
Раз в несколько месяцев	10,3%
Затрудняюсь ответить	10,3%
Итого	*100,0%*

В таблице 4.1 представлены высказывания респондентов относительно того, насколько они следят за политическими событиями. Интересно, что более трети респондентов ответили, что они следят ежедневно, и чуть менее – что они смотрят политические программы или читают статьи про политику в печатных СМИ 2-3 раза в неделю. Естественно, формулировка данного вопроса предполагала широкую трактовку понятия «политический», в том числе сюда относились и новости, однако все равно следует признать, что доля активных потребителей политической информации через СМИ достаточно высока.

Таблица 4.2
Частота коммуникации на политические темы

Насколько часто вы беседуете о политике с коллегами, друзьями? *(% ответов)*	
Раз в день и чаще	13,3%
2-3 раза в неделю	28,0%
3-4 раза в месяц	23,1%
Раз в несколько месяцев	19,6%
Затрудняюсь ответить	16,1%
Итого	*100,0%*

В таблице 4.2 приведены данные о частоте обсуждения политики со знакомыми. Эти данные свидетельствуют о том, что население Санкт-Петербурга не ограничивается потреблением политической информации из СМИ, но также активно распространяет эту информацию по социальным сетям.

Таблица 4.3
Планы электорального участия

Собираетесь ли вы принять участие в ближайших выборах… *(% ответов)*				
	депутатов МСУ	депутатов ЗакС	депутатов Госдумы	Президента
Точно да	34,0%	30,6%	37,5%	53,5%
Скорее да	13,2%	15,3%	13,9%	13,9%
Скорее нет	13,2%	16,7%	10,4%	7,6%
Точно нет	32,6%	30,6%	30,6%	20,1%
Затрудняюсь ответить	6,9%	6,9%	7,6%	4,9%
Итого	*100,0%*	*100,0%*	*100,0%*	*100,0%*

Таблица 4.3 представляет данные о планах респондентов участия в выборах. Следует сделать оговорку, что реально уровень электоральной активности жителей Санкт-Петербурга существенно ниже, чем высказываемый ими в ходе опросов общественного мнения (сказывается феномен социально одобряемых ответов). Однако результаты наших предшествовавших исследований показывают, что на уровне региональных и федеральных выборов доля ответов «точно да» достаточно близка к наблюдаемой в результате выборов, превышая ее на 10-15% (от выявленных показателей). С учетом подобных поправок, результаты опроса по планам участия в выборах городского и федерального парламентов, а также Президента, представляются вполне реалистичными. Несколько странно выглядит существенная доля высказавших твердое намерение участвовать в выборах депутатов местных советов, ведь традиционно явка на выборах в органы МСУ в Петербурге колеблется в диапазоне 15-25%. Учитывая несущественность этой информации для целей данной работы, мы не будем строить предположений о возможных причинах этого выбивающегося значения.

Таблица 4.4
Членство в политических и общественных объединениях

Состояли ли вы когда-нибудь в общественных или политических объединениях? *(% ответов)*	
Да	24,8%
Нет	74,5%
Итого	*100,0%*

Четверть опрошенных заявило о том, что является или когда-то являлись членами общественных организаций, и это можно считать очень высоким показателем уровня самоорганизации общества. Однако рассмотрение ответов на уточняющий вопрос (о том, что это за объединение), сразу показывает, что в этом показателе нет ничего странного – из 14,2% ответивших на уточняющий вопрос, 6,1% являлись в прошлом членами КПСС, а еще 3,3% являются членам профсоюзов (проценты приведены от числа всех опрошенных).

Таблица 4.5
Участие в митингах

Участвовали ли вы когда-нибудь в митингах? *(% ответов)*	
Да, более 10 раз	1,4%
Да, 5-9 раз	0,7%
Да, 3-4 раза	4,9%
Да, 1-2 раза	17,4%
Нет	75,7%
Итого	*100,0%*

По приведенным в таблице 4.5 данным видно, что от 1 до 4 раз участвовало в митингах по 22,3% опрошенных. Мы считаем, что это достаточно высокий показатель.

После анализа результатов одномерного распределения ответов на вопросы первой части методики, перейдем к рассмотрению интегрированных показателей. Для формирования единой шкалы политического участия мы проведем анализ главных компонент по всем вопросам двух блоков – вопросов, посвященных определению уровня политического участия и вопросов, посвященных определению уровню активности политического взаимодействия.

Для проведения анализа категория ответов «затрудняюсь ответить» не учитывались, таким образом, все вопросы, включенные для выявления обоих параметров (политическое участие и политическое взаимодействие) были представлены как измеренные в ранговой шкале.

Таблица 4.6

Матрица коэффициентов оценок первой компоненты (шкала политического участия)

Пункт шкалы	Компонента
Часто ли Вы смотрите, читаете про политику?	0,110
Состояли ли Вы в общественных или политических объединениях?	-0,042
Участвовали ли вы в политических митингах?	0,089
Участие в выборах депутатов МСУ	0,285
Участие в выборах депутатов Законодательного собрания	0,287
Участие в выборах депутатов Государственной Думы	0,275
Участие в выборах Президента	0,195
Как часто беседуете о политике?	0,126

Для дальнейшего анализа факторные оценки по выделенной компоненте были сохранены в исходном файле. Среднее значение равно 0, дисперсия – 1.

Приведем данные по распределению респондентов по уровню политического участия.

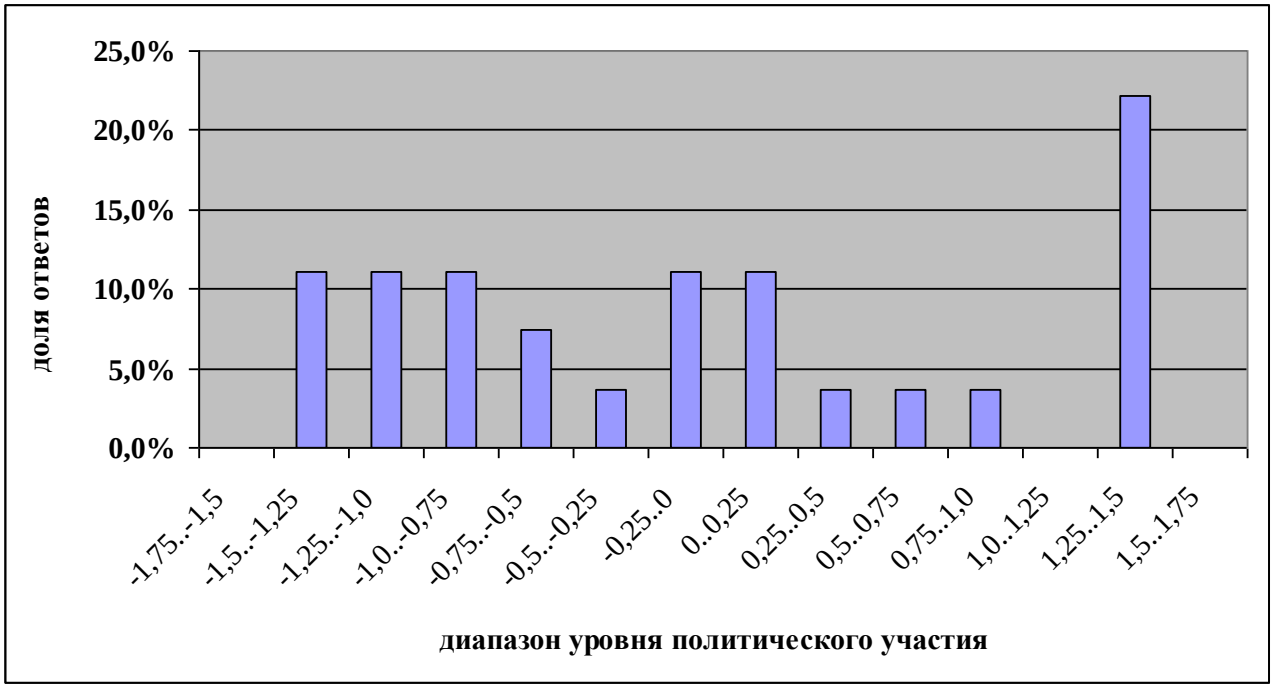


Рис. 4.1 Распределение уровня политического участия

Как видно из графика, приведенного на рисунке 4.1, распределение уровня политического участия имеет основной пик на уровне 1,25..1,75 баллов, что соответствует крайне низкому уровню политического участия.

Очевидно, что данная методика не может претендовать на полную объективность, во-первых, потому что основывается на напрямую высказанной самими респондентами информации, а во-вторых, потому что не проведен должный объем работ по апробации и валидизации методики. Однако для тех целей, в которых методика определения уровня политического участия человека используется в нашей работе, она обладает достаточным уровнем доказательности.

Итак, ключевой вывод анализа данных по политическому участию: более 20% жителей Санкт-Петербурга характеризуются крайне низким уровнем политического участия, но примерно столько же – достаточно высоким.

Как излагалось в теоретической части диссертации, уровень политического участия понимается нами как один из доминирующих аспектов, определяющих перспективы политической партии. Поэтому значительный интерес представляет рассмотрение уровня политического участия человека в разрезе его электоральных предпочтений и описание социально-демографического профиля респондентов высоким уровнем политического участия.

Для того, чтобы получить такие данные, проведем дисперсионный анализ значений оценок политического участия респондентов (сохраненные оценки анализа главных компонент) по сторонникам различных партий.

Таблица 4.7

Результаты однофакторного дисперсионного анализа: оценка различий в уровне политического участия сторонников партий

	Сумма квадратов	**df**	**Средний квадрат**	**F**	**Значимость**
Между группами	473,720	6	14,287	28,299	0,000
Внутри групп	413,280	881	0,505		
Итого	887,000	887			

Итак, результаты дисперсионного анализа показывают, что в целом сторонники различных партий отличаются по уровню политической активности. Для определения содержательных отличий в уровне политической активности приведем результаты попарного сравнения постфактум по критерию Шефа (для упрощения восприятия приведены только коэффициенты, значимые на уровне $p < 0,05$, а столбцы, содержащие границы доверительного интервала и стандартную ошибку опущены).

Таблица 4.8

Результаты попарного сравнения уровня политического участия сторонников партий

Партия (I)	Рейтинг *	Среднее значение	Партия (J)	Разность средних (I – J)	Значимость различий
Единая Россия	29,3%	-0,37	ЛДПР	-0,65	0,021
			Не пойду голосовать	-1,23	0,000
КПРФ	9,5%	-0,91	ЛДПР	-1,19	0,000
			Партия пенсионеров	-2,68	0,000
			Не пойду голосовать	-1,77	0,000
			Затрудняюсь ответить	-0,80	0,050
ЛДПР	9,3%	0,28	Единая Россия	0,65	0,021
			КПРФ	1,19	0,000
			Партия пенсионеров	-1,50	0,002
			Яблоко	1,63	0,000
Партия пенсионеров	2,7%	1,77	Единая Россия	2,15	0,000
			КПРФ	2,68	0,000
			ЛДПР	1,50	0,002
			Яблоко	3,13	0,000
			Затрудняюсь ответить	1,89	0,000
Яблоко	5,4%	-1,35	ЛДПР	-1,63	0,000
			Партия пенсионеров	-3,13	0,000
			Не пойду голосовать	-2,22	0,000
			Затрудняюсь ответить	-1,24	0,038
Не пойду голосовать	29,6%	0,86	Единая Россия	1,23	0,000
			КПРФ	1,77	0,000
			Яблоко	2,22	0,000
			Затрудняюсь ответить	0,98	0,002
Затрудняюсь ответить	8,2%	-0,11	КПРФ	0,80	0,050
			Яблоко	1,24	0,038
			Не пойду голосовать	-0,98	0,002

**- «Рейтинг» - доля ответов на вопрос «Если бы выборы в Законодательное собрание Санкт-Петербурга состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию Вы бы проголосовали?»*

Прежде всего отметим, что отрицательные значения средних по партиям означают высокий уровень политического участия.

Лидирует по уровню политической активности сторонников партия «Яблоко», на втором месте – КПРФ. Сторонники «Партии пенсионеров» обладают крайне низким уровнем политического участия (в среднем он ниже, чем в группе тех, кто не пойдет голосовать), сторонники «Единой России» - умеренно высоким.

Полезную информацию может дать сравнение данных об уровне политического участия сторонников партий и данных по электоральной активности в том же разрезе. Оговоримся, что мы отдаем себе отчет в том, что предложенная нами методика определения уровня политической активности населения включает данные об электоральной активности, поэтому отдельно оценивать взаимосвязь между этими переменными не имеет смысла. Приведение предыдущей и последующей таблиц нас скорее интересует как сравнение профиля партий по двум смежным критериям.

Таблица 4.9

Уровень электоральной активности сторонников партий

Если бы выборы в ЗакС СПб состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию Вы бы проголосовали?	**Собираетесь ли вы принять участие в ближайших выборах…** *(% ответов «точно да» среди сторонников партии)*		
	Депутатов ЗакС	*Депутатов Госдумы*	*Президента*
Единая Россия	62,8%	69,8%	83,7%
КПРФ	35,7%	35,9%	57,1%
ЛДПР	7,1%	7,1%	28,6%
Родина – РПЖ	50,0%	51,4%	66,7%
Партия пенсионеров	31,3%	36,6%	37,3%
СПС	58,2%	71,0%	77,4%
Яблоко	37,5%	50,2%	53,0%
Не пойду голосовать	0,0%	7,3%	31,7%
Затрудняюсь ответить	25,0%	41,7%	41,7%
По выборке в целом	*30,6%*	*37,5%*	*53,5%*

Сравнительные данные по уровню электоральной активности сторонников разных партий заметно отличаются от аналогичных данных по политическому

участию. На таблице 4.9 видно, что наиболее активен электорат «Единой России», затем следуют «Родина – РПЖ», КПРФ и Яблоко. По представленным данным видно, что и у СПС велика доля электорально активных сторонников (77,4%), однако есть вероятность, что это артефакт, обусловленный малым размером подвыборки сторонников СПС (погрешность измерения для значения 77,4% при уровне достоверности 95%; оценочном размере генеральной совокупности сторонников СПС 50 000 человек; размере подвыборки 10 человек составляет ±25,9%).

4.1.2. Анализ результатов исследования политического взаимодействия

Общая схема представления и анализа данных будет совпадать с предыдущим разделом, посвященным политическому участию. Вначале мы представим линейные распределения ответов на вопросы, затем опишем вычисление интегрального показателя уровня политического взаимодействия, а затем сравним его взаимосвязь с уровнем политического участия. Вопрос о частоте обсуждения политики не приводится для того, чтобы не дублировать содержание раздела 4.1.1 (см. таблицу 4.2).

Таблица 4.10
Активность коммуникативных контактов респондентов

Со сколькими знакомыми (друзья, приятели, коллеги, родственники) в день в среднем вы общаетесь (лично / по телефону / e-mail / ICQ)? *(% ответов)*	
1-2 человека	5,6%
3-5 человек	28,0%
6-10 человек	22,4%
11-20 человек	17,5%
Более 20	25,2%
Нет таких	1,4%
Итого	*100,0%*

Из данных, представленных в таблице 4.10, видно, что немногим более 50% респондентов осуществляет от 3 до 10 социальных контактов в день, еще 17,5% – от 11 до 20 контактов.

Таблица 4.11
Склонность отстаивать свою точку зрения

В беседах о политике вы стараетесь отстоять свою точку зрения? *(% ответов)*	
Да, "до хрипоты"	7,0%
Да, стараюсь	32,9%
Стараюсь, но не особо	30,8%
Вообще не стараюсь	15,4%
Не говорю	14,0%
Итого	*100,0%*

Таблица 4.11 содержит данные о распределении склонности респондентов к отстаиванию своей точки зрения. 15,4% опрошенных вообще не склонны отстаивать свою точку зрения в беседах со знакомыми о политике, еще 14,0% в принципе избегают этой темы в общении. Активно старается убедить собеседника в свой правоте 30,8% респондентов, гиперактивно (формулировка «до хрипоты») – 7,0%.

Таблица 4.12
Успешность убеждающей позиции в коммуникации

Сколько у вас знакомых, которых вам иногда удается убеждать в правильности своей точки зрения? *(% ответов)*	
1-2 человека	6,2%
3-4 человека	8,9%
5-7 человек	12,9%
8-10 человек	8,2%
11-20 человек	6,9%
Более 20 человек	6,9%
Нет таких	8,9%
Не спорю	21,2%
Не знаю	19,9%
Итого	*100,0%*

Из распределения полученных в ходе исследования данных по успешности убеждающей позиции в коммуникации, представленных в таблице 4.12 видно, что значительная часть респондентов считает себя достаточно успешным коммуникатором: 13,8% сказали, что регулярно убеждают в правильности своей точки зрения 11 и более знакомых, а еще 21,2% – от 5 до 10 знакомых. Почти треть опрошенных (30,1%) четко определили, что не

являются успешными коммуникаторами: они либо вообще не спорят (21,2%), либо никого не убеждают (8,9%). Наверное, к этой же группе можно отнести и значительную часть тех, кто ответил на данный вопрос анкеты «не знаю». Таким образом, почти половина респондентов коммуникативно пассивны.

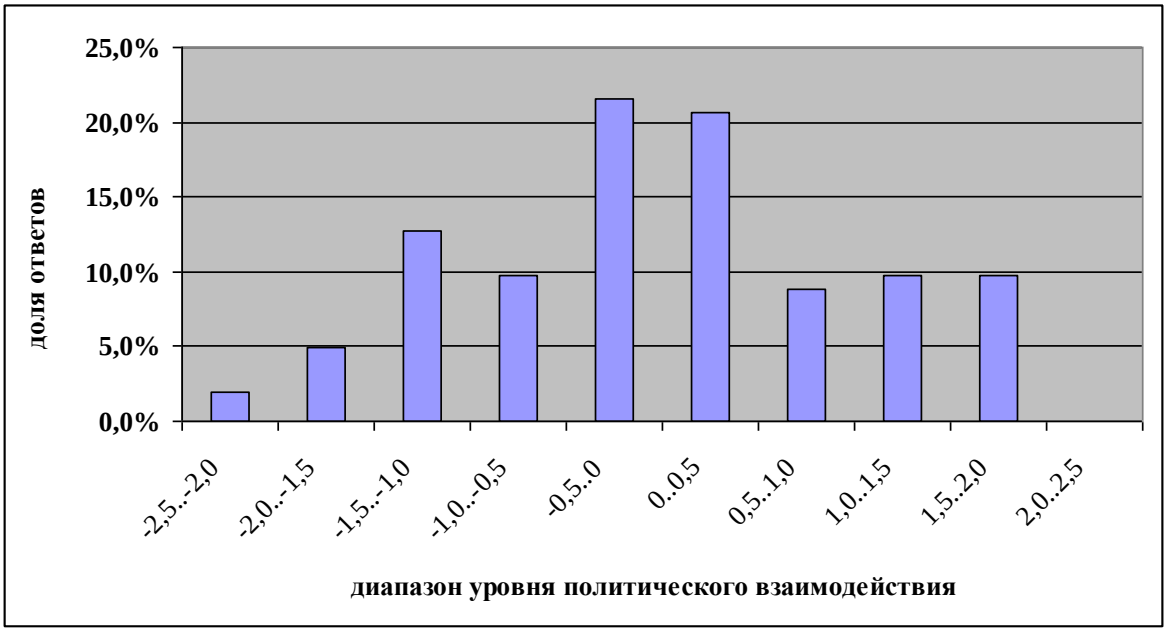
Далее мы приведем результаты факторного анализа (метод анализа главных компонент), аналогичного по методике приведенному в разделе по политическому участию.

Таблица 4.13

Матрица коэффициентов оценок первой компоненты (шкала политического взаимодействия)

Пункт шкалы	Компонента
Как часто беседуете о политике?	0,564
В беседах о политике вы стараетесь отстоять свою точку зрения?	0,546
Скольких знакомых вам удается убеждать?	0,043
Со сколькими людьми в день вы общаетесь?	-0,358

Отметим, что почти равный вклад в шкалу политического взаимодействия вносят вопросы о частоте коммуникативных контактов и склонности отстаивать свою точку зрения. Вопрос об общей интенсивности коммуникации также вносит заметный вклад (вхождение его в противоположный полюс не должно смущать – низкие оценки по другим шкалам означают высокий уровень коммуникативной активности, а по данной шкале – низкий уровень оценок



соответствует низкому уровню коммуникационной активности).

Рисунок 4.2. Распределение уровня политического взаимодействия

Далее, опять же аналогично разделу, посвященному политической активности, мы провели дисперсионный анализ для определения достоверности различий, однако опустим его результаты, ограничившись выводом о наличии достоверных различий в уровне политического взаимодействия сторонников партий.

Для определения содержательных отличий в уровне политического взаимодействия приведем результаты попарного сравнения постфактум по критерию Шефа (для упрощения восприятия приведены только коэффициенты, значимые на уровне $p < 0,05$, а столбцы, содержащие границы доверительного интервала и стандартную ошибку опущены).

Таблица 4.14

Результаты попарного сравнения уровня политического взаимодействия сторонников партий

Партия (I)	**Рейтинг ***	**Среднее значение**	**Партия (J)**	**Разность средних (I – J)**	**Значимость различий**
Единая Россия	29,3%	-0,15	ЛДПР	-0,93	0,000
КПРФ	9,5%	-0,24	ЛДПР	-1,02	0,000
ЛДПР	9,2%	0,78	Единая Россия	0,93	0,000
			КПРФ	1,02	0,000
			Родина – РПЖ	1,13	0,009
			Яблоко	1,22	0,001
			Затрудняюсь ответить	0,88	0,028
Родина – РПЖ	4,1%	-0,35	ЛДПР	-1,13	0,009
Партия пенсионеров	2,7%	-0,15	-	-	-
Патриоты России	0,6%	0,79	-	-	-
СПС	1,4%	-0,47	-	-	-
Яблоко	5,4%	-0,43	ЛДПР	-1,22	0,001
Не пойду голосовать	29,6%	0,23	-	-	-
Затрудняюсь ответить	8,2%	-0,09	ЛДПР	-0,88	0,028

**- «Рейтинг» - доля ответов на вопрос «Если бы выборы в Законодательное собрание Санкт-Петербурга состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию Вы бы проголосовали?»*

Прежде всего отметим, что отрицательные значения средних по партиям означают высокий уровень активности политического взаимодействия.

Лидируют по уровню активности политического взаимодействия сторонников партии СПС и «Яблоко», на следующем уровне – «Родина – РПЖ», КПРФ и «Единая Россия» и «Партия пенсионеров». Отметим, что затруднившиеся с ответом о своем электоральном выборе обладают невысоким (средним) уровнем активности политического взаимодействия, приближаясь по этому параметру к сторонникам «Единой России». С учетом относительного размера этой группы, заметим, что такие данные говорят о ее высоком электоральном потенциале.

После приведения данных по активности политического взаимодействия, качественно схожих с данными по политическому участию, следует определить, насколько эти параметры связаны между собой и не являются ли одним и тем же параметром (тем более, что один из вопросов анкеты входит в обе шкалы). Для этого мы подсчитали ранговую корреляцию между двумя этими переменными (ранговую, так как они измерены в шкале интервалов, однако, распределение не является нормальным) – эти данные приведены в таблице 4.16.

Таблица 4.16

Взаимосвязь активности политического взаимодействия и политического участия

Коэффициент ранговой корреляции	*Кендалла (Kendall's tau_b)*
Значение	0,289
Уровень значимости	0,01

Коэффициент Кендалла показал наличие корреляции между этими двумя переменными на приемлемом уровне значимости. Однако величина коэффициента не очень велика, что говорит о том, что содержание этих двух параметров не совпадает.

4.2. Результаты моделирования политического пространства

4.2.1. Генерация факторной структуры

Для решения проблемы определения числа факторов мы провели анализ данных по всем 32 шкалам методом главных компонент без вращения матрицы.

Однако, прежде чем приступать к анализу собственных значений, приведем результаты использования критерия Кайзера-Мерлина-Олкина, который позволяет определить пригодность данных для использования метода факторного анализа [56, С.294]. Значения этого критерия по нашим данным равно 0,911, что позволяет с уверенностью признать данные адекватными для факторного анализа.

Таблица 4.17

Анализ главных компонент данных семантического дифференциала, полный набор шкал

Компонента	**Исходные собственные значения**			**Извлеченная сумма квадратов нагрузок**		
	Собственное значение	*Доля объясняемой дисперсии, %*	*Накопленная доля объясняемой дисперсии, %*	*Собственное значение*	*Доля объясняемой дисперсии, %*	*Накопленная доля объясняемой дисперсии, %*
1	8,747	27,334	27,334	8,747	27,334	27,334
2	2,069	6,464	33,798	2,069	6,464	33,798
3	1,968	6,150	39,948	1,968	6,150	39,948
4	1,797	5,616	45,564	1,797	5,616	45,564
5	1,336	4,176	49,741	1,336	4,176	49,741
6	1,237	3,866	53,606	1,237	3,866	53,606
7	1,110	3,468	57,074	1,110	3,468	57,074
8	0,950	2,970	60,044			
9	0,888	2,774	62,817			
10	0,823	2,573	65,390			

** Приведены первые 10 извлеченных компонент*

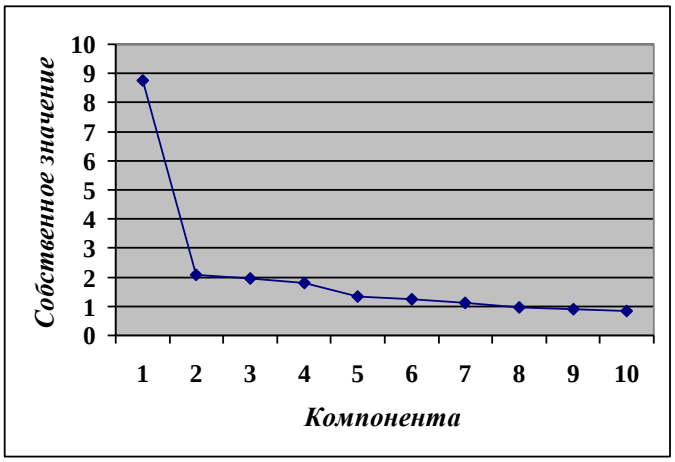


Рис. 4.3 График собственных значений компонент, полный набор шкал

На таблице 4.17 и графике 4.3 представлены данные по собственным значениям извлеченных главных компонент. В соответствии с критерием отбора числа компонент с собственным значением больше единицы, мы должны остановиться на числе факторов 7. Однако использование критерия «каменистой осыпи», означающего визуальный анализ кривой собственных значений компонент и предполагающего, что оптимальное число факторов равно номеру компоненты, в которой кривая осуществляет «перелом» ± 1, дает принципиально другой результат. По этому методу оптимальное число факторов составляет от 2 до 4.

Таблица 4.18

Сравнение объяснительной силы и удовлетворительности факторных структур, полный набор шкал

Число факторов в модели	**Собственные значения факторов и доля объясняемой дисперсии**						**Тест удовлетворительности факторной структуры**		
	Extraction Sums of Squared Loadings			*Rotation Sums of Squared Loadings*					
	Total	*% of Variance*	*Cumulative %*	*Total*	*% of Variance*	*Cumulative %*	*Chi-Square*	*Df*	*Sig.*
2	1,334	4,168	29,419	3,400	10,624	29,419	2231,528	433	,000
3	1,314	4,105	33,772	3,218	10,055	33,772	1724,082	403	,000
4	0,940	2,938	37,050	1,185	3,704	37,050	1393,978	374	,000
5	0,845	2,642	39,802	1,290	4,031	39,802	1100,376	346	,000
6	0,722	2,255	42,929	1,139	3,559	42,929	837,093	319	,000
7	0,485	1,516	44,828	1,145	3,579	44,828	669,490	293	,000

Для определения оптимального числа факторов на данном этапе мы провели факторный анализ методом максимального правдоподобия (Maximum Likelihood) с варимакс-вращением (Varimax with Kaizer Normalization) с различным числом факторов. Данные по объясняющей силе факторной структуры приведены в таблице 4.18.

Очевидно, что мы не можем удовлетвориться долей дисперсии, меньшей, чем 45%, которую мы достигаем при числе факторов, равном 7. Также отметим, что в данном случае вращение не повышает интерпретационную силу факторной структуры.

Так как нашими целями является не только определение собственного структуры политического пространства, но и степени влияния на нее различных психологических компонент, принципиальным является вопрос правомерности исключения из анализа переменных, общность которых минимальна. Это исключение с математической точки зрения означает стремление к повышению интерпретирующей силы факторной структуры, а с точки зрения содержания исследуемого предмета – исключение тех психологических компонентов, которые не имеют отношения к структуре политического пространства. По последней причине мы остановимся на процедуре элиминации шкал из факторной структуры подробнее, чем это обычно принято в исследованиях с использованием метода семантического дифференциала.

Таблица 4.19

Общности переменных при факторизации полного набора шкал

№	Переменная	Общность
1.	Голосовать за эту партию точно буду (точно не буду)	0,804
2.	Нет шансов, что проголосую за эту партию (есть шансы)	0,724
3.	Антипатия (Симпатия)	0,691
4.	Эта партия мне нравится (не нравится)	0,657
5.	Любовь (Ненависть)	0,630
6.	Если я узнаю о партии что-то хорошее, я не буду рассказывать знакомым (расскажу)	0,617
7.	Я считаю, что в Госдуму эта партия не пройдет (пройдет)	0,554
8.	Скука (Любопытство)	0,545
9.	Восхищение (Возмущение)	0,521
10.	Враждебность (Дружелюбие)	0,520

11.	Если я узнаю о партии что-то плохое, я не буду рассказывать знакомым (расскажу)	0,517
12.	Негармоничность (Гармоничность)	0,506
13.	Напряженность (Расслабленность)	0,504
14.	Спокойствие (Тревожность)	0,501
15.	Если кандидат, которого я уважаю, будет баллотироваться от этой партии, я не буду за него голосовать (буду голосовать)	0,501
16.	Энергичность (Утомленность)	0,467
17.	Эта партия способна решить важные проблемы (не способна)	0,463
18.	Стресс (Хладнокровие)	0,437
19.	Общительность (Замкнутость)	0,421
20.	Если пригласят вступить в эту партию, откажусь (соглашусь)	0,395
21.	Готовность (Растерянность)	0,380
22.	Статьи в СМИ о этой партии мне интересны, буду читать (не буду читать)	0,352
23.	В этой партии нет ярких личностей (есть яркие личности)	0,347
24.	*Эта партия скорее ориентирована на интеграцию страны в мировое сообщество (сохранение особенности страны)*	*0,298*
25.	*Эта партия скорее ориентирована на поддержку бизнеса (защиту населения)*	*0,271*
26.	*Критичность (Расслабленность)*	*0,283*
27.	*Эта партия скорее ориентирована на усиление (уменьшение) контроля государства над бизнесом*	*0,262*
28.	*Сытость (Голод)*	*0,236*
29.	*Терпимость (Принципиальность)*	*0,226*
30.	*Эта партия скорее ориентирована на сильную власть (увеличение свобод)*	*0,225*
31.	*Фанатичность (Конформность)*	*0,151*
32.	*Эта партия скорее ориентирована на сохранение того хорошего, что есть (создание нового)*	*0,092*

В таблице 4.19 приведены общности всех шкал, которые были подвергнуты факторизации (число факторов – 7, процедура описана выше), отсортированные по убыванию этого параметра. Основываясь на опыте использования метода факторного анализа, мы решили порогом отсечения избрать значение общности, равное 0,3. Таким образом, исключенными из анализа оказались 9 шкал с наименьшими общностями. Самой заметной характеристикой перечня исключенных шкал является то, что туда попали все 5 шкал, касающиеся политических убеждений (шкалы под №№ 24, 25, 27, 30, 32). Остальные шкалы – это «Критичность (расслабленность)», «Терпимость (принципиальность)», «Фанатичность (конформность)», «Сытость (голод)».

Далее мы повторим проведение факторного анализа с сокращенным набором шкал. После исключения ряда шкал критерий Кайзера-Мерлина-Олкина принял значение 0,923, что свидетельствует о повышении пригодности данных для использования метода факторного анализа.

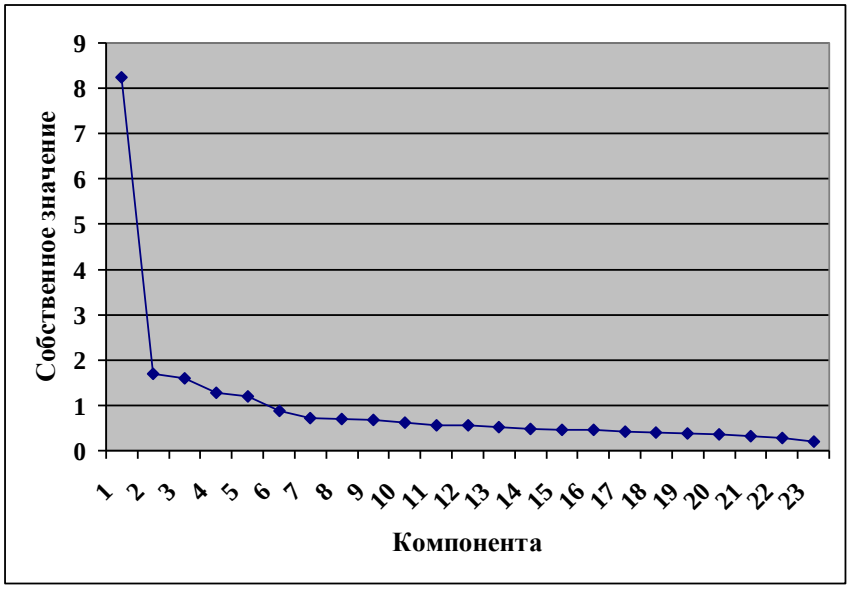


Рис. 4.4 График собственных значений факторов, сокращенный набор шкал

При анализе графика собственных значений (см. рисунок 4.4) мы видим, что перегиб кривой происходит в точке 4, что дает нам рекомендации по оптимальному числу факторов от 3 до 5.

Таблица 4.20

Исходные собственные значения факторов, сокращенный набор шкал

Фактор	**Исходные собственные значения**		
	Собственное значение	Доля объясняемой дисперсии, %	Накопленная доля объясняемой дисперсии, %
1	8,251	35,875	35,875
2	1,702	7,400	43,275
3	1,599	6,951	50,227
4	1,279	5,560	55,787
5	1,194	5,189	60,976
6	0,874	3,799	64,775
7	0,721	3,134	67,909
8	0,707	3,074	70,983
9	0,686	2,981	73,964
10	0,609	2,649	76,613

** Приведены данные по 10 факторам с наибольшими собственными значениями*

Как видно из таблицы 4.20, собственные значения превышают единицу у пяти факторов, которые в совокупности объясняют 61% дисперсии исходных данных. После предварительного анализа факторной структуры с числом факторов равным 3, 4 и 5, мы остановились на числе факторов, равном 5.

Таблица 4.21

Итоговые собственные значения факторов, сокращенный набор шкал

Фактор	**Суммы квадратов факторных нагрузок после поворота**		
	Итоговое собственное значение	*Доля дисперсии, объясняемая фактором, %*	*Накопленная доля дисперсии, объясняемая фактором, %*
1	3,253	16,142	16,142
2	2,850	14,389	30,532
3	2,082	11,054	41,586
4	1,702	9,402	50,988
5	1,529	7,648	58,636

Как видно из таблицы 4.21, итоговая факторная структура, извлеченная методом максимального правдоподобия и подвергнутая Varimax-вращению с нормализацией Кайзера, объясняет 59% дисперсии исходных данных. При проверке качества факторной структуры с помощью критерия χ^2, его значение составило 477,6 при числе степеней свободы df равном 148, что также позволяет признать факторную структуру удовлетворительной на уровне достоверности p<001.

Дополнительным указанием на приемлемость итоговой пятифакторной структуры служит то, что из 23 переменных, участвующих в анализе, только у 4 есть сравнимые значения общностей по 2 факторам. У всех остальных переменных значения общности по одному из факторов превышают максимальные значения общности по другим факторам примерно в два раза. Такая ситуация говорит о том, что выделенные факторы содержательно обладают низкой взаимозависимостью.

4.2.2. Интерпретация факторов

Для интерпретации факторов мы последовательно будем приводить данные по факторным нагрузкам переменных, причем порогом отсечения будет служить превышение модулем факторной нагрузки данной переменной по этому фактору значения 0,25. Во всех таблицах данные отсортированы по убыванию значения факторной нагрузки.

Таблица 4.22
Факторные нагрузки переменных, фактор 1

Фактор 1	
Шкала	*Факторная нагрузка*
Любовь (Ненависть)	0,66
Восхищение (Возмущение)	0,62
Эта партия мне нравится (не нравится)	0,58
Энергичность (Утомленность)	0,39
Готовность (Растерянность)	0,35
Скука (Любопытство)	-0,41
Негармоничность (Гармоничность)	-0,54
Враждебность (Дружелюбие)	-0,55
Антипатия (Симпатия)	-0,70

Исходя из содержания шкал, первый фактор, объясняющий 16% дисперсии исходных данных, мы назвали «**Эмоциональная расположенность**» (второй вариант: «Любовь-Антипатия»). Очевидно, что этот фактор в целом совпадает с классическим фактором триады Осгуда «Оценка».

Таблица 4.23
Факторные нагрузки переменных, фактор 2

Фактор 2	
Шкала	*Факторная нагрузка*
Нет шансов, что проголосую за эту партию (есть шансы)	0,74
Если пригласят вступить в эту партию, откажусь (соглашусь)	0,56
Если кандидат, которого я уважаю, будет баллотироваться от этой партии, я не буду за него голосовать (буду голосовать)	0,53
Антипатия (Симпатия)	0,31
Негармоничность (Гармоничность)	0,29
Статьи в СМИ об этой партии мне интересны, буду читать (не буду читать)	-0,26
Любовь (Ненависть)	-0,31
Эта партия способна решить важные проблемы (не способна)	-0,43
Эта партия мне нравится (не нравится)	-0,46
Голосовать за эту партию точно буду (точно не буду)	-0,82

Исходя из содержания шкал, **второй фактор** мы назвали **«неучастие»** (второй вариант «Не готов что-либо делать»). Этот фактор объясняет 14% дисперсии исходных данных. Очевидно, что высокие оценки по шкалам, вошедшим в положительный полюс фактора, и низкие оценки по шкалам, вошедшим в отрицательный полюс фактора, прежде всего, предполагают отказ от проявлений политического участия. Этот фактор по своему содержанию очень близок фактору «активность» классической триады Осгуда.

Таблица 4.24
Факторные нагрузки переменных, фактор 3

Фактор 3	
Шкала	*Факторная нагрузка*
В этой партии нет ярких личностей (есть яркие личности)	0,54
Скука (Любопытство)	0,51
Я считаю, что в Госдуму эта партия не пройдет (пройдет)	0,46
Негармоничность (Гармоничность)	0,25
Нет шансов, что проголосую за эту партию (есть шансы)	0,25
Статьи в СМИ о этой партии мне интересны, буду читать (не буду читать)	-0,26
Готовность (Растерянность)	-0,40
Энергичность (Утомленность)	-0,43
Эта партия способна решить важные проблемы (не способна)	-0,44
Общительность (Замкнутость)	-0,47

Третий фактор был назван нами **«Астеничный скептицизм»**, он объясняет 11% дисперсии данных. Отметим, что в фактор со значительными нагрузками входят таки шкалы как (названия шкал «перевернуты») растерянность, утомленность и замкнутость – этим объясняется включение в название понятия «астения». А для отражения в названии фактора представления респондента о перспективах партии, что предполагает некий уровень рационализации представлений, с учетом негативного характера оценки этих перспектив, в название фактора было включено слово «скептицизм». Таким образом, у третьего фактора два аспекта значения.

Таблица 4.25
Факторные нагрузки переменных, фактор 4

Фактор 4	
Шкала	*Факторная нагрузка*
Стресс (Хладнокровие)	0,61
Напряженность (Расслабленность)	0,59
Враждебность (Дружелюбие)	0,32
Антипатия (Симпатия)	0,25
Спокойствие (Тревожность)	-0,70

Четвертый фактор, который объясняет 9% дисперсии, был назван нами **«Напряженный дискомфорт»**. Его можно назвать «монозначным» фактором, в отличие, например, от предыдущего.

Таблица 4.26
Факторные нагрузки переменных, фактор 5

Фактор 5	
Шкала	*Факторная нагрузка*
Если я узнаю о партии что-то плохое, я не буду рассказывать знакомым (расскажу)	0,76
Если я узнаю о партии что-то хорошее, я не буду рассказывать знакомым (расскажу)	0,65
Если кандидат, которого я уважаю, будет баллотироваться от этой партии, я не буду за него голосовать (буду голосовать)	0,29
Скука (Любопытство)	0,25
Энергичность (Утомленность)	-0,23
Статьи в СМИ об этой партии мне интересны, буду читать (не буду читать)	-0,33

Пятый фактор был назван нами **«Информационная закрытость»**. Этот фактор объясняет 8% дисперсии, и, за исключением шкалы «Если кандидат, которого я уважаю, будет баллотироваться от этой партии, я не буду за него голосовать (буду голосовать)», также может быть отнесен к категории монозначных.

4.2.3. Оценка роли групп шкал в факторном пространстве

Вначале проведем сравнение того, в какой степени итоговая факторная структура основывается на каждой из двух частей списка шкал.

Для проведения подобного анализа мы создали матрицу, которая позволяет оценить вклад каждой шкалы в каждый фактор. Первые пять столбцов этой матрицы содержат квадраты факторных нагрузок шкал, отнесенных к сумме квадратов факторных нагрузок по данному фактору (то есть к собственному значению фактора). Таким образом, эти значения являются показателем того, какую часть общей дисперсии исходных данных, обусловленную данным фактором, объясняет данная шкала. Эта нестандартная процедура правомерна в силу того, что факторы в полной мере определяются исходными шкалами, хотя обратное и не верно. Ведь посчитанный таким образом «вес шкалы» исходит из того, что квадраты факторных нагрузок являются показателем вклада шкалы в фактор, соответственно, доля факторных нагрузок, приходящаяся на данную переменную, показывает относительный вклад данной шкалы в данный фактор.

Шестой столбец этой матрицы содержит значения общности шкал, отнесенные к сумме собственных значений, то есть доли дисперсии. Подчеркнем, что сумма собственных значений считалась только по факторам, а не по всем компонентам, таким образом, речь идет не о всей дисперсии исходных данных, а только о той части дисперсии, которая объясняется факторной структурой.

Суммирование значений по столбцам этой матрицы, относящихся к каждому из двух наборов шкал, является показателем того, в какой степени этот фактор (или группа факторов) объясняется каждым из двух наборов шкал. Еще раз повторим, что слово «объясняется» в данном случае подразумевает уровень интерпретационной силы применительно только к тому разбросу исходных значений, который объясняется факторами.

Результаты описанного анализа приведены в таблице 4.27.

Таблица 4.27

Значимость влияния двух наборов шкал на факторное пространство

Набор шкал	**Фактор 1** «Эмоциональная расположенность»	**Фактор 2** «Неучастие»	**Фактор 3** «Астеничный скептицизм»	**Фактор 4** «Напряженный дискомфорт»	**Фактор 5** «Информационная закрытость»	**Факторная структура в целом**
Доля дисперсии, объясняемая набором шкал № 1	**78,1%**	16,0%	53,1%	**91,6%**	16,2%	51,8%
Доля дисперсии, объясняемая набором шкал № 2	21,9%	**84,0%**	46,9%	8,4%	**83,8%**	48,2%
Доля дисперсии, объясняемая общим набором шкал	*100,0%*	*100,0%*	*100,0%*	*100,0%*	*100,0%*	*100,0%*

Прежде всего, отметим, что факторное пространство определяется двумя наборами шкал практически в равной степени: набор шкал № 1 определяет 52% разброса данных, объясняемых факторной структурой, а набор шкал № 2 – 48%. Однако при отдельном анализе данных по факторам, выясняется, что они в разной степени обусловлены влиянием двух групп шкал. Фактор 1 и 4, прежде всего, обусловлены влиянием набора шкал № 1; факторы 2 и 5 – набором шкал № 2, а фактор 3 почти в равной степени объясняется обоими наборами шкал.

Далее мы проведем подобный анализ по группам внутри первой части шкал.

Таблица 4.28

Значимость влияния шкал, определяющих типы состояний, на факторное пространство

Группа шкал ***(психические состояния)***	**Фактор 1** «Эмоциональная расположенность»	**Фактор 2** «Неучастие»	**Фактор 3** «Астеничный скептицизм»	**Фактор 4** «Напряженный дискомфорт»	**Фактор 5** «Информационная закрытость»	**Факторная структура в целом**
Эмоциональные	18,2%	2,1%	**22,8%**	6,9%	6,2%	11,7%
Мотивационные	**49,5%**	11,3%	8,0%	11,6%	3,9%	20,6%
Праксические	8,0%	2,6%	11,5%	**71,8%**	4,4%	16,3%
Гуманитарные	2,4%	0,0%	10,8%	1,4%	1,8%	3,1%
Сумма, группа шкал № 2	*78,1%*	*16,0%*	*53,1%*	*91,6%*	*16,2%*	*51,8%*

При анализе сравнительного влияния на итоговую факторную структуру различных типов психических состояний, следует отметить минимальную, по сравнению с другими группами, роль гуманитарных состояний. Прежде всего, это объясняется тем, что их 4 исключенных из факторного анализа шкал из первой части списка 3 относились как раз к категории гуманитарных состояний.

При анализе «веса» различных типов состояний в разных факторах, следует отметить, что в первом факторе наибольший удельный вес имеют мотивационные состояния, в третьем факторе – эмоциональные, а в четвертом – праксические. Эти результаты в достаточной степени сходятся с проведенной нами интерпретацией факторов – первый фактор также мог бы быть назван эмоциональным влечением, что подчеркивало бы его мотивационный характер, третий фактор является эмоциональным, а четвертый, хотя и не касается непосредственно деятельности человека, однако предполагает препятствующие или следующие за ней состояния.

Таблица 4.29

Значимость влияния шкал, определяющих уровни жизненного пространства, на факторное пространство

Набор шкал ***(уровни жизненного пространства)***	**Фактор 1** «Эмоциональная расположенность»	**Фактор 2** «Неучастие»	**Фактор 3** «Астеничный скептицизм»	**Фактор 4** «Напряженный дискомфорт»	**Фактор 5** «Информационная закрытость»	**Факторная структура в целом**
Физическое	16,5%	3,5%	13,3%	25,4%	3,5%	12,3%
Правовое	25,6%	5,1%	4,9%	**38,3%**	3,2%	15,6%
Экономическое	20,2%	2,4%	19,1%	4,0%	5,2%	11,1%
Информационное	15,8%	5,0%	15,8%	23,9%	4,3%	12,8%
Сумма, группа шкал № 2	*78,1%*	*16,0%*	*53,1%*	*91,6%*	*16,2%*	*51,8%*

На таблице 4.29 представлены результаты анализе того, в какой степени итоговая факторная структура определяется шкалами, описывающими регуляцию психических состояний за счет воздействия на разных уровнях пространства (и, соответственно, на разные уровни психики человека). Первым,

что стоит отметить, является относительное большая роль состояний, относящихся к правовому пространству в общей факторной структуре.

В факторах 1 и особенно 4 наиболее заметна сравнительная роль психических состояний, относящихся к правовому уровню жизненного пространства.

Для второй группы факторов проведение подобного анализа не имеет смысла, так там разно число шкал для разных категорий, соответственно, изначальный разброс данных будет выше там, где больше шкал. Отметим лишь, что все пять шкал, исключенные из второй части списка, относились к категории «политические убеждения» (и, собственно, и исчерпывали эту категорию). Таким образом, из 12 шкал в обоих наборах, которые так или иначе относились к когнитивной сфере, 8 были исключены в силу малой значимости.

4.3. Оценка независимости структуры факторного пространства

Важным критерием, позволяющим оценить условную объективность итоговой факторной структуры, является невозможность ее сведения к особым представлениям о политике в целом и политических партий различных социально-демографических групп. Подобная возможность означала бы, что у различных социально-демографических есть свои специфические критерии оценки, определенные системы установок, и поэтому реконструирование общего семантического пространства стало бы искусственной с содержательной точки зрения процедурой. Поэтому нами была сформулирована гипотеза о том, что факторная структура определяется социально-демографическими параметрами респондентов. Для проверки этой гипотезы нам было необходимо использовать некий условный «множественный многомерный регрессионный анализ», установив взаимосвязь между совокупностью зависимых переменных, измеренных в интервальной шкале, и независимых переменных, измеренных в категориальной и ординальной шкале. Оптимально подходит для этих целей многомерный дисперсионный анализ.

Мы провели многомерный дисперсионный анализ, в котором зависимыми переменными выступали факторные оценки, а независимыми – ответы респондентов на вопросы первой части опросника.

Таблица 4.30

Критерий равенства ковариационных матриц Бокса

Критерий	Значение
М Бокса	953,673
F	1,582
Число степеней свободы 1	715
Число степеней свободы 2	19024,901
Значимость	0,000

Результаты проверки нулевой гипотезы о том, что наблюденные ковариационные матрицы независимых переменных равны для всех групп, проведенной с помощью критерия Бокса, показали, что данные в малой степени являются пригодными для многомерного дисперсионного анализа. По данным

статистической литературы и справочного пособия SPSS (Statistical Package for Social Science, v.11.5.2.1), при уровне значимости p<0,001 проведение дисперсионного анализа возможно только при ориентации на критерий следа Пиллая (Pillai's trace criterion).

Таблица 4.33
Критерий следа Пиллая *

Переменная	Значение	F	Число степеней свободы гипотезы	Число степеней свободы ошибки	Значимость
Intercept	0,025	1,863	5,0	715,0	0,100
Пол	0,010	0,777	5,0	715,0	0,567
Возраст	0,095	1,807	20,0	2860,0	**0,016 ****
Образование	0,062	1,575	15,0	2145,0	0,074
Доход	0,144	1,847	30,0	3575,0	**0,004 ****
Занятость	0,007	0,512	5,0	715,0	0,767
Род занятий	0,031	1,175	10,0	1430,0	0,304
Сфера занятости	0,123	10,317	5,0	715,0	0,059

** приведен фрагмент таблицы, с исключением из исходной всех комбинаций факторов второго, третьего и четвертого порядка, все из которых оказались не значимы*
*** жирным выделены коэффициенты, значимые на уровне p<0,02*

Итак, мы видим, только переменные «возраст» и «доход» значимо влияют на факторную структуру. Отметим, что переменные «образование» и «сфера занятости» относительно близки к критическому порогу значимости p=0,05. Другие переменные, характеризующие профиль респондента, и их комбинации 2, 3 и 4 порядков, значимого влияния на факторную структуру не оказывают.

Таблица 4.34
Критерий проверки равенств дисперсий Левина

Фактор	F	Число степеней свободы 1	Число степеней свободы 2	Значимость
Фактор 1	2,395	188	722	0,000
Фактор 2	1,911	188	722	0,000
Фактор 3	1,510	188	722	0,004
Фактор 4	2,775	188	722	0,000
Фактор 5	4,091	188	722	0,000

Проверка нулевой гипотезы о постоянстве дисперсии ошибки зависимой переменной во всех группах, проведенная с помощью критерия Левина (см. таблицу 4.34), подтвердила эту гипотезу.

Таблица 4.34
Оценка эффектов межгрупповых факторов *

Источник	Зависимая переменная	Сумма квадратов типа III	Число степеней свободы	Средний квадрат	F	Значимость
Скорректированная модель	Фактор 1	87,09 [a]	92	0,947	1,476	0,006
	Фактор 2	172,781 [b]	92	1,878	3,763	0,000
	Фактор 3	87,408 [c]	92	0,950	1,906	0,000
	Фактор 4	101,228 [d]	92	1,100	2,210	0,000
	Фактор 5	194,827 [e]	92	2,118	5,403	0,000
Возраст	Фактор 1	1,074	4	0,269	0,419	0,795
	Фактор 2	3,566	4	0,892	1,786	0,131
	Фактор 3	1,824	4	0,456	0,915	0,455
	Фактор 4	4,514	4	1,128	2,266	0,062
	Фактор 5	**4,654**	**4**	**1,164**	**2,969**	**0,020**
Доход	Фактор 1	5,937	6	0,990	1,543	0,163
	Фактор 2	**8,021**	**6**	**1,337**	**2,679**	**0,015**
	Фактор 3	**11,576**	**6**	**1,929**	**3,870**	**0,001**
	Фактор 4	2,939	6	0,490	0,984	0,436
	Фактор 5	2,214	6	0,369	0,941	0,465

[a] *R^2 = 0,267 (Скорректированный R^2 = 0,086)*
[b] *R^2 = 0,481 (Скорректированный R^2 = 0,353)*
[c] *R^2 = 0,320 (Скорректированный R^2 = 0,152)*
[d] *R^2 = 0,353 (Скорректированный R^2 = 0,193)*
[e] *R^2 = 0,571 (Скорректированный R^2 = 0,466)*

** под факторами в данном случае понимаются независимые переменные в дисперсионном анализе, то есть переменные «возраст» и «доход» в данном случае*

В таблице 4.34 представлены результаты анализа межгрупповых различий, полученных в ходе MANOVA. Из приведенных данных видно, что переменная «возраст» значимо связана с фактором 5 («информационная закрытость»), а переменная «доход» – с факторами 2 («неучастие») и 3 («астеничный скептицизм»).

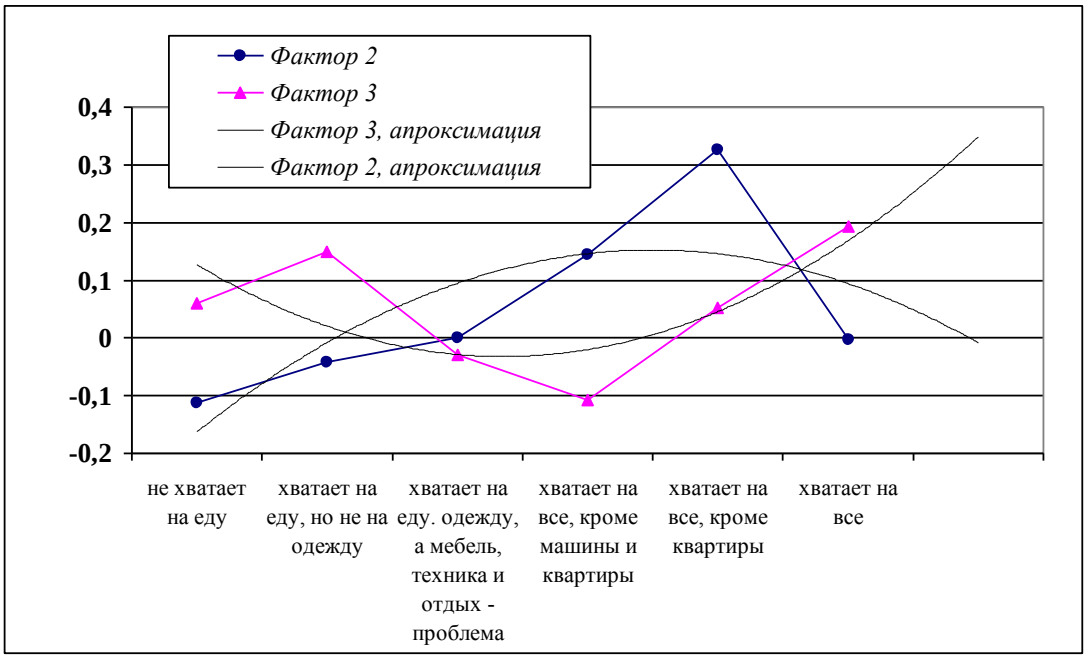


Рис. 4.5 Средние значения факторов 2 и 3 в группах по градациям переменной «доход»

Анализ средних показывает, что с возрастанием доходов люди все более склонны игнорировать политическую жизнь, а люди со средним уровнем доходов менее всего склонны проявлять пессимизм и бездеятельность.

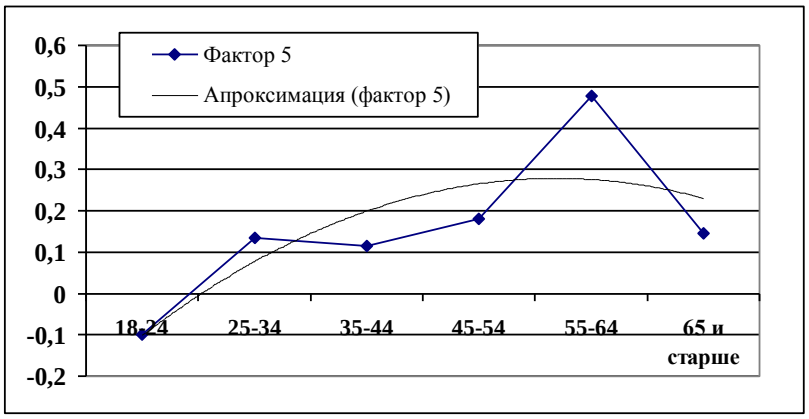


Рис.4.6 Средние значения фактора 5 в возрастных группах

Анализ средних значений фактора 5 в возрастных группах показывает, что с увеличением возраста до какого-то момента происходит «нарастание интровертности». В принципе, это согласуется с фактом бытового сознания, говорящим о том, что молодежь и старики – наиболее общительные группы.

Самый важный вывод данного раздела касается не частных результатов, а общих: социально-демографические параметры респондента в среднем не

оказывают значимого влияния на политическое пространство. Это говорит нам о том, что классическая социологическая парадигма проведения опросов общественного мнения и обработки их данных в разрезе исключительно социально-демографических страт должна быть признана не отражающей реальной структуры политического пространства. Это не означает, что следует полностью уйти от анализа двумерных распределений, однако, следует понимать, что этот анализ, скорее всего, не позволит получить информацию о системе вынесения суждений и принятия решения избирателями.

4.4. Анализ интерпретационной силы факторной модели

Особый интерес представляет проверка прогностической силы итоговой факторной модели. В качестве зависимой переменной мы выбрали ключевой для оперативной политической практики вопрос нашего исследования – вопрос об электоральных предпочтениях. Наиболее адекватный механизм, который позволит нам оценить зависимость электорального выбора и индивидуальной позиции в политическом пространстве – это использование регрессионного или дискриминантного анализа.

4.4.1. Предсказание электоральных предпочтений (категориальная регрессия)

Мы использовали метод регрессионного анализа для номинативных данных (Categorical Regression, v 2.1), содержащейся в расширенном модуле программы SPSS v.11.5.2.1. Этот метод был разработан на факультете социальных и поведенческих наук Лейденского университета в Нидерландах (Data Theory Scaling System Group Faculty of Social and Behavioral Sciences, Leiden University, The Netherlands).

Как и в случае стандартной линейной регрессии, категориальная регрессия включает задачу минимизации суммы квадратов разностей между зависимой переменной и взвешенными комбинациями независимых переменных – предикторов. Предикторы предполагают измерение в числовой шкале, а зависимая переменная перекодируется в ряд бинарных числовых переменных.

В итоге, категориальная переменная служит основанием выделения групп наблюдений, а регрессионный анализ сводится к сравнению распределений зависимых переменных в этих группах.

Коэффициенты, показывающие качество регрессионной модели, указывают на то, насколько отличаются эти распределения, что в терминах регрессионной модели означает проверку «реакции» зависимой переменной на различные значения независимых переменных.

Мы ограничимся лишь приведением общего для всей модели коэффициента детерминации, показывающего объяснительную силу модели.

Таблица 4.35

Объяснительная сила регрессионной модели (предсказание электорального выбора)

Множественный R	R^2	Скорректированный R^2
0,346	0,120	0,113

Мы видим, что скорректированный коэффициент R^2, служащий показателем объяснительной милы модели, крайне мал. Классическое понимание коэффициента R^2 как доли дисперсии зависимой переменной, объясняемой независимыми переменными, в данном случае не совсем правомерно, так как невозможно говорить о дисперсии номинативной переменной. Выходом служит понимание математической природы этого коэффициента как доли совокупной дисперсии всех бинарных числовых переменных, образованных из номинативной переменной. Однако, для наших целей более полезно понимать этот коэффициент как меру успешности предсказания отнесения к группе, то в данном примере, предсказания электоральных партийных предпочтений.

4.4.2. Предсказание электоральных предпочтений (дискриминантный анализ)

Дискриминантный анализ мы проводили с принудительным включением в модель всех факторов, так как нас интересует интерпретационная сила всей

факторной модели, а не только отдельных факторов. Априорная вероятность включения в группу оценивалась по размеру группы, классификация проводилась по межгрупповой матрице различий.

Отметим, что мы проводили дискриминантный анализ на двух наборах данных. В первом мы использовали матрицу данных для семантического дифференциала, дополненную сохраненными факторными оценками, то есть ту матрицу, где случаями являются «оценки партий респондентами». Учитывая, что разброс значений факторных оценок по одному фактору каждой партии был существенным, во втором случае мы использовали трансформированную матрицу, наблюдениями в которой вновь стали респонденты, а переменными – факторные оценки различных объектов партий.

Значимых отличий в двух вариантах выявлено не было (в первом варианте доля правильных предсказаний составляет 64,5%, во втором – 66,4%), поэтому мы приведем менее емкий первый анализ (с 5 переменными-предикторами, а не с 30). Проверка гипотезы о многомерной нормальности (оцениваемой как равенство ковариационных матриц) по критерию М Бокса для этих данных уже проводилась, поэтому ее и комментарии к ней мы опустим.

Таблица 4.36
Собственные значения канонических функций

Каноническая функция	Собственное значение	Доля объясненной дисперсии, %	Накопленная доля объясненной дисперсии, %	Каноническая корреляция
1	0,143	79,6	79,6	0,354
2	0,015	8,6	88,2	0,123
3	0,013	7,3	95,4	0,113
4	0,008	4,4	99,8	0,089
5	0,000	0,2	100,0	0,016

Таблица 4.37
Лямбда (λ) Уилкса

Проверка функции(й)	Лямбда Уилкса	χ^2	Степ. своб.	Значимость χ^2
от 1 до 5	0,844	116,411	30	0,000
от 2 до 5	0,964	24,958	20	0,203
от 3 до 5	0,979	14,458	12	0,272
от 4 до 5	0,992	5,591	6	0,471
5	1,000	0,186	2	0,911

Подчеркнем, что мы остановились на модели из 5 канонических функций, включающей все 5 дискриминантных переменных, так как нас интересует оценка предсказательной силы полной факторной структуры, полученной в нашем исследовании.

Таблица 4.38

Нормированные коэффициенты канонической дискриминантной функции

Фактор	**Функция**				
	1	**2**	**3**	**4**	**5**
Фактор 1	-0,038	-0,239	0,016	-0,267	**0,958 ***
Фактор 2	**0,924 ***	0,311	-0,125	-0,155	0,144
Фактор 3	-0,340	**0,800 ***	0,424	-0,078	0,309
Фактор 4	0,027	0,055	-0,234	**0,891 ***	0,406
Фактор 5	0,264	-0,426	**0,838 ***	0,243	0,000

** жирным выделены максимальные для каждой функции / фактора нормированные коэффициенты*

Как и предполагала сама модель дискриминантного анализа (5 переменных и 5 канонических функций), каждый фактор (выступавший в роли дискриминантной переменной) относительно однозначно оказался соотнесен с канонической функцией. Для демонстрации этого мы в таблице 4.38 привели нормированные коэффициенты канонических дискриминантных функций. Несложно заметить, что для каждой функции есть один доминирующий коэффициент.

Таблица 4.39

Точность предсказания электоральных предпочтений в разрезе партий

Если бы выборы в ЗакС СПб состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию Вы бы проголосовали? *		**Доля ошибок** (% ошибочно предсказанных *от числа всех объектов*)	**Точность предсказания** (% правильно предсказанных случаев *для каждой партии*)
Единая Россия	29,3%	6,7%	77,4%
КПРФ	9,5%	4,1%	56,7%
ЛДПР	9,2%	5,2%	45,0%
Родина – РПЖ	4,1%	1,7%	39,6%
Яблоко	5,4%	2,5%	52,9%
Партия пенсионеров	2,7%	1,9%	29,4%
СПС	1,4%	1,1%	22,2%
Партия патриотов	0,6%	0,2%	30,7%
Не пойду голосовать	29,6%	7,9%	73,1%
Затрудняюсь ответить	8,2%	3,2%	61,5%
ВСЯ ВЫБОРКА:	*100,0%*	*35,5%*	*64,5%*

Итак, повторим, что в 64,5% случаев были получены правильные предсказания электоральных предпочтений, основанные на факторных оценках. При анализе данных по ошибкам предсказания, приведенным в таблице 4.39, видно, что наибольшие доли ошибок были получены для «малых партий». Если для категорий ответов на вопрос об электоральных предпочтениях, выбранных почти 30% респондентов, доля правильных предсказаний составляет около 75%, для категорий ответов, выбранных 4-10% респондентов – 40-60%, а для категорий ответов, выбранных 1-2% респондентов – 20-25%.

Весьма вероятно, что достаточно высокая доля ошибочных ответов объясняется недостаточным размером выборки или недостаточной полнотой факторной структуры.

Вместе с тем, следует признать, что и правильное предсказание двух третей случаев – достаточно высокий результат.

Таблица 4.40
Коэффициенты классифицирующей функции

Член уравнения	**Если бы выборы в Законодательное собрание Санкт-Петербурга состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию Вы бы проголосовали?**						
	Единая Россия	***КПРФ***	***ЛДПР***	***Родина-РПЖ***	***Яблоко***	***Не пойду голосовать***	***Затрудняюсь ответить***
Фактор 1 «Эмоциональная расположенность»	-0,033	0,117	0,060	0,042	0,025	-0,026	0,045
Фактор 2 «Неучастие»	**-0,253**	-0,092	**-0,593**	0,054	0,072	**0,558**	**-0,357**
Фактор 3 «Астеничный скептицизм»	**0,263**	0,050	0,070	**-0,555**	**-0,169**	**-0,162**	**0,162**
Фактор 4 «Напряженный дискомфорт»	0,089	**-0,148**	0,057	**0,180**	0,141	0,037	**-0,205**
Фактор 5 «Информационная закрытость»	**-0,151**	-0,015	**0,226**	**-0,154**	-0,118	**0,231**	**-0,147**
Константа	-1,221	-2,338	-2,485	-3,365	-2,825	-1,307	-2,574

По данным значений коэффициентов классифицирующей функции, представленным в таблице 4.40, можно заметить, что различные факторы играют принципиально различную роль при прогнозировании вероятности принадлежности к той или иной электоральной группе.

Отметим, что низкую роль в данной модели первого фактора, объясняющего наибольший процент дисперсии исходных оценок в методике семантического дифференциала, легко объяснить при обращении к его содержанию. Этот фактор является *разнозначимым* для респондентов: направленность оценок по этому фактору принципиально отличается, что объясняется нерациональной индивидуальной системой предпочтений.

4.4.3. Взаиморасположение электоральных групп

Для оценки взаимного расположения электоральных групп желательно было бы воспользоваться результатами факторного анализа, однако, ни в одном из двух видов представления матрицы с факторными оценками (в качестве наблюдений выступают оценки респондентами объектов или собственно респонденты), высокая дисперсия не позволяет использовать какие-либо меры среднего. Поэтому мы ограничимся анализом положения центроидов электоральных групп, рассчитанных нами в ходе дискриминантного анализа, рассмотренного в разделе 4.4.3.

Основанием для этого, в частности, служит почти полное совпадение попарное совпадение факторов и канонических функций (см. таблицу 4.42).

Таблица 4.42

Объединенные внутригрупповые корреляции между дискриминантными переменными и нормированными каноническими дискриминантными функциями

Факторы	**Функции**				
	1	**2**	**3**	**4**	**5**
Фактор 1 «Эмоциональная расположенность»	-0,078	*-0,368*	-0,054	*-0,374*	**0,846**
Фактор 2 «Неучастие»	**0,913 ***	*0,373*	-0,065	-0,113	0,099
Фактор 3 «Астеничный скептицизм»	*-0,238*	**0,817**	*0,491*	0,000	0,187
Фактор 4 «Напряженный дискомфорт»	0,041	0,113	*-0,223*	**0,923**	*0,290*
Фактор 5 «Информационная закрытость»	*0,269 ***	*-0,319*	**0,874**	*0,248*	-0,015

** жирным выделены максимальные для каждой функции / фактора коэффициенты корреляции*
*** курсивом выделены остальные коэффициенты корреляции, превышающие значение 0,2*

Итак, для целей определения взаимного расположения электоральных групп, условно соотнесем факторное пространство и пространство канонических функций.

Центроиды групп мы указывали только для тех объектов, для которых это имеет смысл, исключив таким образом из анализа «Партию пенсионеров» и партию «Союз Правых Сил» (доля ошибочно предсказанных по каноническим функциям значений для этих партиям слишком велика, а размер электоральных групп слишком мал). Для наглядности мы привели данные в виде графиков (см. рис. 4.7-4.9), кроме пар значений дискриминантных групп дополнительно отобразив также размер электоральной группы (пропорционален площади окружности, обозначающей каждую электоральную групп). Мы преднамеренно отобразили графики без осей координат, так как для формулирования выводов качественного характера они не имеют значения.

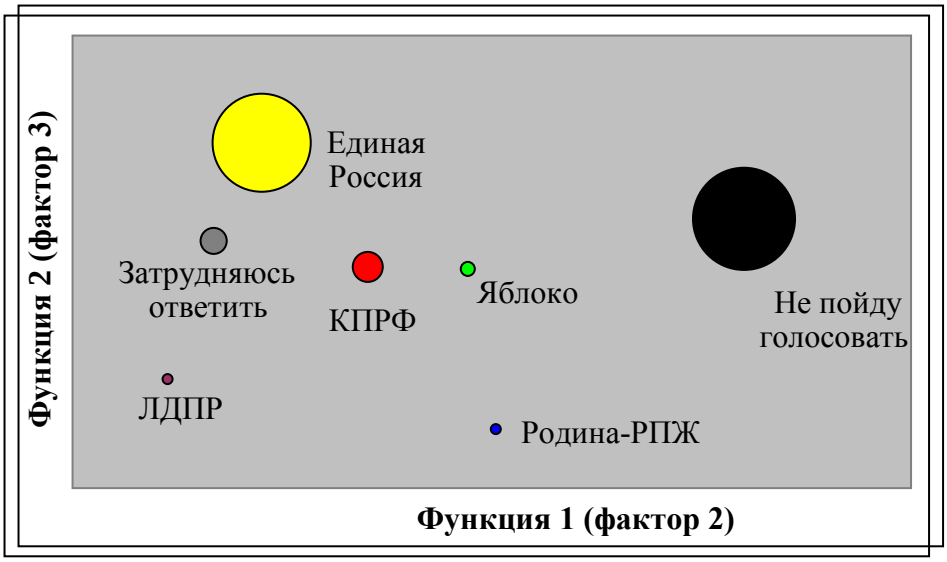


Рис.4.7. Электоральные группы в пространстве канонических функций (функции 1 и 2, размер кругов указывает на относительный размер электоральной группы)

По фактору 2 «неучастие» (функция 1) кроме очевидного результата (высоких оценок по данному фактору группы респондентов, которые не пойдут голосовать) следует также отметить очень низкие оценки группы затруднившихся ответить на вопрос об электоральном выборе, низкие оценки сторонников ЛДПР, и достаточно низкие – сторонников «Единой России».

По фактору 3 «астеничный скептицизм» (функция 2) мы получили на одном полюсе (низкие значения фактора указывают на низкую склонность проявлять

скептицизм и астеничность) сторонников партий ЛДПР и Родина – РПЖ, а на другом полюсе (высокие значения фактора) – сторонников партии «Единая Россия».

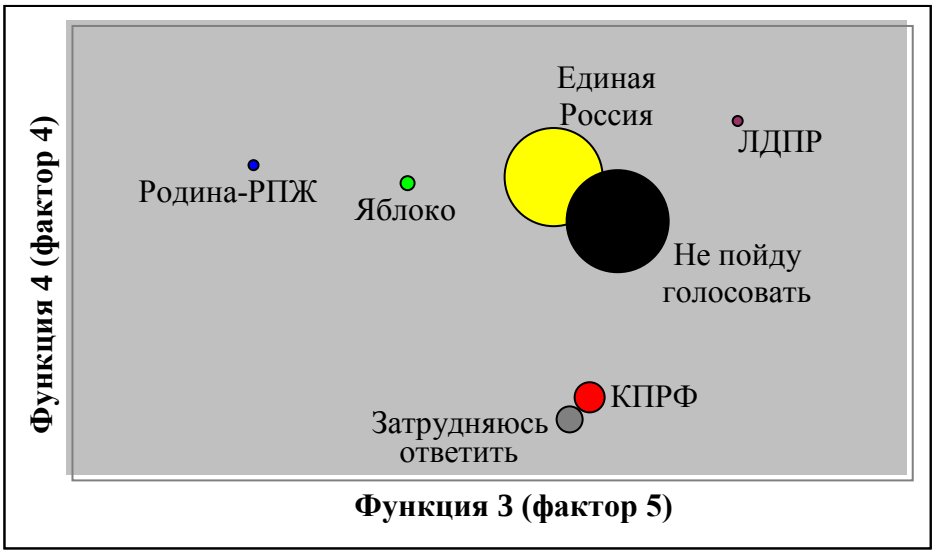


Рис.4.8. Электоральные группы в пространстве канонических функций (функции 3 и 4, размер кругов указывает на относительный размер электоральной группы)

По фактору 4 «напряженный дискомфорт» (функция 4) все категории респондентов с очевидностью разбиваются на две группы – низкие оценки по фактору получили сторонники КПРФ и затруднившиеся ответить, а высокие – сторонники остальных партий и те, кто не собирается идти голосовать. Таким образом, можно говорить о том, что наименьший дискомфорт и напряжение испытывают находящиеся в состоянии выбора и сторонники КПРФ.

По фактору 5 «информационная закрытость» (функция 3) наименьшие оценки получили сторонники «Родины – РПЖ», а средние – сторонники «Яблока». Это означает, что, прежде всего, сторонники этих двух партий расположены к общению.

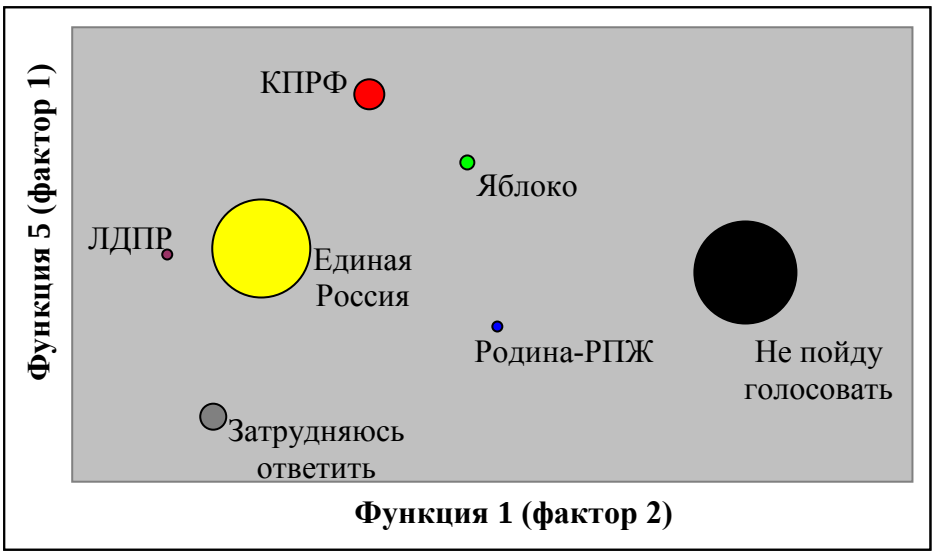


Рис.4.9. Электоральные группы в пространстве канонических функций (функции 1 и 5, размер кругов указывает на относительный размер электоральной группы)

По фактору 1 «эмоциональная расположенность» (функция 5) полученные отличия, прежде всего, указывают на лидерство партии КПРФ по степени эмоциональной заряженности ее сторонников. На условном втором месте по этому фактору – партия «Яблоко». Наименее эмоционально окрашенную позицию занимают затруднившиеся дать ответ на вопрос об электоральном выборе. Во многом это свидетельствует о том, что причиной такого ответа этой группы респондентов является определенное эмоциональное безразличие, по крайней мере, по отношению к имеющимся партийным брендам.

Фактор 2 «неучастие» (функция 1) был описан выше.

Выводы эмпирической части работы

Результаты эмпирического исследования позволили сформулировать следующие выводы.

1. По среднему уровню активности политического участия сторонников лидируют партии «Яблоко» и КПРФ, сторонники «Партии пенсионеров» характеризуются крайне низким уровнем политического участия (в среднем он ниже, чем в группе тех, кто не пойдет голосовать), сторонники «Единой России» – умеренно высоким.
2. По среднему уровню активности политического взаимодействия лидируют группы сторонников партии СПС и «Яблоко», на следующем уровне – «Родина – РПЖ», КПРФ и «Единая Россия» и «Партия пенсионеров». Затруднившиеся с ответом о своем электоральном выборе обладают невысоким (средним) уровнем активности политического взаимодействия, приближаясь по этому параметру к сторонникам «Единой России». С учетом относительного размера этой группы, такие данные говорят о ее высоком электоральном потенциале.
3. Политическое участие и политическое взаимодействие являются взаимосвязанными, но различными по содержанию параметрами.
4. Пятифакторная модель политического пространства описывает около 60% дисперсии полученных данных. Наиболее значимые по весу факторы – «эмоциональная расположенность» и «неучастие» по смыслу полностью соответствуют результатам классических исследований Осгуда, в которых для политических объектов были выделены 2 доминирующих фактора – оценка и активность.
5. Динамические и структурные компоненты определяют политическое пространство в равной степени, при этом каждый из наборов шкал преимущественно определяет по два фактора в факторной модели, а один фактор объясняется в равной степени двумя наборами шкал. Это говорит о том, что факторная модель в достаточной степени отражает различия

между динамическими и структурными характеристиками политического пространства.

6. Относительно наибольший вес в политическом пространстве имеют мотивационные и праксические состояния психики, гуманитарные же состояния практически не представлены.
7. Психические состояния, соответствующие различным уровням жизненного пространства (физическое, правовое, экономическое, информационное), влияют на итоговую структуру примерно в равной степени.
8. Точность предсказания электоральных предпочтений, основывающаяся на индивидуальной позиции респондента в политическом пространстве, в целом составляет 65%.
9. Данные по электоральным предпочтениям, полученные в ходе исследования, соответствуют данным многих исследователей электоральных предпочтений жителей Санкт-Петербурга, что подтверждает общую валидность результатов.
10. Каждый фактор политического пространства вносит различный вклад в прогнозирование принадлежности к той или иной электоральной группе, что говорит о различных психологических характеристиках сторонников разных партий.
11. Из социально-демографических параметров только переменные «возрастная группа» и «уровень доходов» значимо влияют на факторную структуру. С возрастанием доходов люди более склонны игнорировать политическую жизнь, а люди со средним уровнем доходов менее всего склонны проявлять пессимизм и бездеятельность. С увеличением возраста до какого-то момента происходит «нарастание интровертности».
12. В целом, социально-демографические параметры респондента не оказывают доминирующего влияния на политическое пространство, что подчеркивает необходимость включения психологических параметров в классические опросы общественного мнения.

13. Анализ результатов положения электоральных групп в факторном пространстве позволяет содержательно описать психологические характеристики электората партий. Приведем краткий психологический портрет сторонников основных партий.
    a. Сторонники ЛДПР характеризуются низкой эмоциональной расположенностью, очень высоким уровнем участия, низким уровнем скептицизма и астении, высоким уровнем напряженности и дискомфорта, высоким уровнем информационной закрытости.
    b. Сторонники «Единой России» характеризуются низкой эмоциональной расположенностью, относительно высоким уровнем политического участия, высоким уровнем скептицизма и астении, высоким уровнем напряженности и дискомфорта, высоким уровнем информационной закрытости.
    c. Психологический профиль положения сторонников объединения «Родина – Российская партия ЖИЗНИ» в политическом пространстве характеризуется низким уровнем эмоциональной расположенности, низким уровнем скептицизма и астении, высоким уровнем напряженности и дискомфорта, низким уровень информационной закрытости.
    d. Сторонники партии «Яблоко» могут быть описаны следующим набором характеристик: умеренная эмоциональная расположенность, высокий уровень напряженности и дискомфорта, средний уровень информационной закрытости.
    e. Сторонники КПРФ с точки зрения положения в политическом пространстве обладают высокой эмоциональной расположенностью, низким уровнем напряженности и дискомфорта, высоким уровень информационной закрытости.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ РАБОТЫ

1. Ход любого исследования, и, во многом, его результаты, предопределяются теоретико-методологическим комплексом, понимаемым как модель исследуемого объекта. Прогнозирование является основным способом верификации теоретико-методического комплекса, критерием валидности созданной модели.

2. Политическое пространство представляет собой психологическое пространство существования населения, в котором реализуется политическая активность, труд и работа, поведение и деятельность.

3. Политическое пространство определяется структурными и динамическими компонентами. Структурные компоненты политического пространства характеризуются политическими эмоциями, взаимодействием, поведением и сознанием. Функцию интеграции структурных компонентов политического пространства играют политические установки.

4. При соотнесении структурных компонент политического пространства с категориями антропологического пентабазиса, политические эмоции соотносятся с уровнем индивида, политическое взаимодействие – с уровнем личности, политическое поведение – с уровнем субъекта, политическое сознание – с уровнем индивидуальности.

5. Роль динамической компоненты политического пространства играет система психических состояний.

6. Среди всех структурных элементов политического пространства наименее влияющим на его структуру является политическое сознание, что подтверждает распространенное мнение о нерациональности политического поведения населения.

7. Созданная модель политического пространства обладает приемлемо высокой прогностической силой и позволяет прогнозировать электоральные предпочтения.

8. Психологические характеристики населения позволяют предположить возможность массового роста реальной численности политических партий, основным ограничением которой является неудовлетворенность существующей партийной системой.

9. Психологический профиль сторонников каждой из основных партий относительно гомогенен, а профили сторонников различных партий значимо отличаются.

10. Социально-демографические отличия сторонников партий в меньшей степени влияют на их электоральный выбор, чем позиция в политическом пространстве, определяемая психологическими факторами.

11. Доминирующими факторами в политическом пространстве являются «эмоциональная расположенность» и «неучастие», по смыслу полностью соответствующих результатам классических исследований Ч.Осгуда.

12. Динамические и структурные компоненты определяют политическое пространство в равной степени, характеристика их воздействия различна.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XX – начале XXI века темпы изменения мировой политической ситуации продолжили ускоряться. Российское государство в этот период пережило существенные политические, а как следствие и экономические, катаклизмы, ставшие значительным испытанием адаптационных способностей населения. Значительная часть людей не выдержала этих изменений, не справилась с ними и политическая система.

Активность взаимодействия граждан и участия их в политике призваны служить залогом стабильности социально-политической системы общества, понимаемой нами как политическое пространство. В данной работе было продиагносцирована роль различных психологических компонентов политического пространства, была создана его пятимерная модель.

С одной стороны, результаты исследования подтверждают многие традиционные пессимистические взгляды экспертов и исследователей, например, о малом значении идеологических и большом значении эмоциональных факторов в электоральном выборе и о неудовлетворенности населения существующей системой политических партий.

С другой стороны, полученные данные дают возможность говорить о том, что население скорее не игнорирует сферу политического как таковую, а скорее пока не готово включиться в существующую политическую систему – хотя даже и она многих потенциально привлекает.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод об адекватности предложенного теоретико-методологического комплекса для изучения феномена политического пространства, но показываю, что для полноты модели ее необходимо дополнять другими методами – как получения информации, так и, возможно, ее обработки.

Дальнейшее исследование структуры и динамики политического пространства следует проводить в направлении перехода к анализу частных пространств социально-демографических групп, анализу взаимосвязей

потребностно-мотивационной сферы человека и его позиции в политическом пространстве, определению профиля потенциальных новых партий. Такие исследования помогут не только понять, но и выработать эффективные рекомендации для политических партий по развитию в России эффективного политического общества, без которого невозможно обеспечить как реальный суверенитет страны, так и ее конкурентоспособность в условиях глобализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания.- СПб., 1998
2. *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992, №4. С.122-134
3. *Асмолов А.Г.* Деятельность и установка.- М., 1979 – 151 с.
4. *Асмолов А.Г., Ковальчук М.А.* О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М.Андреевой, Н.Н. Богомоловой.- М.,1977, с.143-163
5. *Бабич Н.С., Батыков И.В*. Ординальное шкалирование.- Краснодар 2004
6. *Барциц И.Н.* Российское пространство: от историко-философского осмысления к государственно-правовому / http://www.philosophy.ru/iphras/library/i_ph_4/09.html
7. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности.- М., 1995
8. *Бжалава И.Т.* Установка и поведение.- Тбилиси, 1965
9. *Бианки В.А., Серавин А.И.* Практика и психология регионального партстроительства.- СПб., 2006
10. *Бибков А.* Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки / Отечественные записки, № 6 (7) (2002) http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=289
11. *Бродель Ф.* Что такое Франция? / Пер. с франц. под ред. В. Мильчиной. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1994
12. *Бурдье П.* Некоторые свойства полей / Сообщение в Высшей Нормальной школе, ноябрь 1976 http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/proprietes_des_champs.htm

13. *Бурдье П.* Социальное пространство и генезис "классов" // Вопросы социологии.- 1992. № 1. С. 17–33.

14. *Бурдье П.* Социология политики / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко.- М.: Socio-Logos, 1993

15. *Бурдье П.* Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / Пер. с франц. Н. А. Шматко // Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

16. *Вартофский М.* Модели. Репрезентация и научное понимание.- М.,1988

17. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990

18. *Величковский Б.М., Блинникова И.В., Лапин Е.А.* Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии, 1986, № 3

19. *Венгеров А.* Политическое пространство и политическое время (Опыт структурирования понятий) // Общественные науки и современность. 1992, № 6

20. *Волохонский В.Л.* Доминирование левого полюса в шкалах семантического дифференциала / Проблема особистості в сучасній науці: результати та перспективи досліджень. Тези доповідей Четвертої Міжнародної конференції молодих науковців 26–28 вересня 2001 року. – Київ, Київський університет імені Тараса Шевченка. – 2001. – С. 8–9

21. *Волохонский В.Л.* Использование биполярных и униполярных шкал в психосемантических исследованиях / Психология XXI века: Тезисы международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Психология XXI века»/ Под ред. А.А. Крылова. – СПб., Издательство С.-Петербургского университета, 2001. – С. 11–13

22. *Вятр Е.* Социология политических отношений. М., 1979.

23. *Гавра Д.П.* Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998 год, том I, выпуск 4

24. *Гавра Д.П.* Общественное мнение как социологическая категория и социальный институт. СПб.: ИСЭП РАН, 1995.

25. *Ганзен В.А.* Восприятие целостных объектов.- Л., 1974

26. *Гельман В.Я.* Политическая культура, массовое участие и электоральное поведение // Политическая социология и современная российская политика / под ред. Г.В.Голосов, Е.Ю.Мелешкина.- СПб.., 2000

27. *Гозман Л., Шестопал Е.Б.* Политическая психология.- М.: «Феникс», 1999.

28. *Гончаров Д.В.* Теория политического участия.- М, 1997

29. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: «Наука». 2000

30. *Гудвин Д.* Исследование в психологии. М., 2004

31. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология.- М., 1994

32. *Дюверже М.* Политические партии.- М., 1998

33. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана.- М.: Канон, 1995

34. *Егоров С.Н.* Политическое пространство: Лекция, записанная в рамках проекта "Звуковая энциклопедия". - СПб.: С.-Петерб. отделение Института "Открытое о-во", 2002.

35. *Земляной С.* Что такое политическое пространство? Левое и правое, государственная вертикаль и феномен слоистости // «Независимая газета», 2000-10-11 / цит.по http://scenario.ng.ru/printed/interview/2000-10-11/1_what.html

36. *Зиммель Г.* Как возможно общество? // Социологический журнал.- 1994. № 2. С. 102–114.

37. *Зоркая Н.* Политическое участие и доверие населения к политическим институтам и лидерам // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения.- М., 1999, № 1 с. 24-28

38. *Зоркая Н.* Политическое участие и доверие населения к политическим институтам и лидерам // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 1999. № 1 (39). С. 24 — 28

39. *Ильин В.В.* Постклассическое обществознание. Каким ему быть? // Социологические исследования. 1992, №10, с. 37—43

40. *Имедадзе И.В.* Потребность и установка // Психологический журнал.- 1984, №3

41. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис, 1997, № 4

42. *Кармадонов О.А.* Семантика политического пространства: опыт кросскультурного транссимволическогоанализа // Журнал социологии и социальной антропологии.- 1998, том I, вып.4 http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/4/karmad.html

43. *Кастельст М.* Зарождение сетевого общества, т.1.- М., 2000

44. *Келли Дж. А.* Теория личности. Психология личных конструктов. – СПб.: Речь, 2000

45. *Ковлер А.И., Смирнов В.В.* Демократия и участие в политике: Критические очерки истории и теории. — М., 1986

46. *Королев С.А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России.- М., 1997

47. *Левин К.* Динамическая психология.- М., 2001

48. *Лебон Г.* Психология народов и масс.- СПб, 1995

49. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность.- М.: Политиздат, 1975

50. *Лефевр В.* Рефлексия.- М.: «Когито-Центр», 2003

51. *Мадатов А.С.* Проблемы политического участия в демократическом процессе // Социально-гуманитарные знания, 1999. № 2. С. 228 — 248

52. *Мадатов А.С.* Пространственно-временные измерения демократии // Общественные науки с современность. 1998, № 1 с.60-70

53. *Московичи С.* От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии.- 1992, Т.1

54. *Муравьева О.И.* Основные положения концепции психологических пространств существования человека // Материалы конференции «Сибирский

психологический форум «Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность», с.588-592. 2002

55. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. Избранные психологические труды / под ред. А.А.Бодалева.- М., 2003

56. *Наследов А.Д.* Компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках.- СПб.: Питер, 2005

57. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996

58. *Павлов Ю.М., Павлов М.Ю., Смирнов А.И.* Россия в освоении функционального пространства // Теоретический журнал Credo new.- 2004, № 1 http://www.orenburg.ru/culture/credo/01_2004/10.html

59. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики: Учеб. пособие.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997

60. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета.- М.: Изд-во МГУ, 1997

61. *Политический процесс*: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / под ред. Мелешкиной Е.Ю. – М., 2001

62. *Прангишвили А.С.* Исследования по психологии установки.- Тбилиси, 1967

63. *Психология*. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. - 2-е изд. М.,1990

64. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии.- СПб.: Питер, 2000

65. *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. Учебник.- М.: РОССПЭН, 2002

66. *Суходольский Г.В.* Основы психологической теории деятельности.- Л., 1988

67. *Тард Г.* Социальная логика.- М., 1997.

68. *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем- М.:Мысль, 1978

69. *Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования.- М., 1966

70. *Фестингер Л.* Введение в теорию диссонанса // Современная зарубежная соцальная психология.- М.: Издательство Московского университета, 1984, с.97-100

71. *Филиппов А*. Обоснование теоретической социологии: Введение в концепцию Георга Зиммеля // Социологический журнал.- 1994. № 2. С. 65–81.

72. *Филиппов А.* Смысл империи: к социологии политического пространства / "Иное. Хрестоматия нового российского самосознания." http://www.russ.ru/antolog/inoe/filipp.htm/filipp.htm

73. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. – М., 1987.

74. *Хайдеггер М.* Искусство и пространство. В кн.: Самосознание европейской культуры XX века.- М., 1991, с.96-97.

75. *Шабров О.Ф.* Моделирование социально-политических объектов: специфика и границы применимости // Моделирование в социально-политической сфере: Труды межвузовского научно-практического семинара. Москва, 27 апреля 2004 года / Сост. О.Ф.Шабров. – М., Изд-во Национального института бизнеса, 2004, с.6-15.

76. *Шевченко Ю.* Политическое участие в России // «Pro et Contra», т.3, 1998 http://pubs.carnegie.ru/p&c/Vol3-1998/3/default.asp?n=06shevtch.asp

77. *Шестопал Е.Б*. Личность и политика.- М., 1998

78. *Шестопал Е.Б.* Психологический профиль российской власти.- М., 2000

79. *Шибутани Т.* Социальная психология. – М.: Изд-во «Прогресс», 1969. – 535 с.

80. *Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности М., 1983

81. *Шустов А.В.* Психологические феномены в политической избирательной кампании / Дисс. на соиск. уч. степени к.пс.н..- СПб., 1999

82. *Экономические факторы* электорального поведения и общественного сознания (Опыт России 1995-2000 годов) / Под ред. Мау В.А.- М.,2001 http://www.iet.ru/usaid/electfacts/electfacts.html

83. *Юрьев А.И.* Введение в политическую психологию.- СПб., 1992 – 187 С.

84. *Юрьев А.И.* Системное описание политической психологии.- СПб., 1996

85. *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии.- М., 1975. с.89-105

86. *Ядов В.А.* Социологические исследования.- М., 1989

87. *Almond G., Verba S.* The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations.- Princeton, USA, 1963

88. *Alwin D.F., Krosnick J.A.* An evaluation of a cognitive theory of response order effects in survey measurement // GSS Methodological Report. – 1986. – №45.

89. *Amoo T., Friedman H.H.* Rating the rating scales. // Journal of marketing management. – 1999. – №6:3. – С. 114-123.

90. *Anderson, C.J., Vermunt, J.K.* Log-multiplicative association models as latent variable models for nominal and/or ordinal data // Sociological Methodology, 2000, 30, pp.81–121

91. *Andrews F.M.* Construct Validity and Error Components of Survey Measures: A Structural Modelling Approach // Public Opinion Quarterly. – 1984. – №48. – . 409-442

92. *Bahry D., Silver B.* Soviet Citizen Participation on the Eve of Democratization // «American Political Science Review», v. 84, 1990.

93. *Bahry D., Way L.* Citizen Activism in the Russian Transition // «Post-Soviet Affairs», v. 10, 1994.

94. *Belson W.A.* The effect of reversing the presentation order of verbal rating scales. // Journal of Advertising Research. – 1966. – №6(4). – С. 30-37.

95. *Bonarius H.* Personal construct psychology: A reappraisal of basic theory and its application / H. Bonarius, G. Van Heck, Smid (Eds.) Personality Psychology in Europe: Theoretical and Empirical Developments. – Lisse, Swets & Zeitlinger, 1984.

96. *Campbell A., Gurin G.* and Miller W.E. The Voter Decides.- Evanston, USA, 1957

97. *Devasagayam P.Raj*. The effects of randomized scales on scale-checking styles and reaction time.

98. *Downs A.* An Economic Theory of Democracy. – New York, 1957

99. *Ekiert G.* Democratization Processes in East Central Europe: A Theoretical Reconsideration // «British Journal of Political Science», v. 21, 1991.

100. *Epting F.R., Suchman D.I., Nickeson C.J.* An evaluation of elicitation procedures for personal constructs // British Journal of Psychology. – 1971. – №62. – С. 513–517.

101. *Eysenk H.J.* Primary Social Attitudes to Social Class and Political Party// The British Journal of Sociology, 1981 № 2

102. *Finifter A., Mickiewicz E.*. Redefining the Political System of the USSR: Mass Support for Political Change // «American Political Science Review», v. 86, 1992.

103. *Friedman H.H., Friedman L.W., Gluck B.* The effects of scale-checking styles on responses to a semantic differential scale. // Journal of Market research society. – 1988. – №30. – С. 477-481.

104. *Friedman H.H., Herskovitz P.J., Pollack S*. Biasing effects of scale-checking style in response to a Likert scale. / Proceedings of the American statistical association annual conference: survey research methods. – 1994. – С. 792-795.

105. *Giddens A.* Social Theory and Modern Sociology.- Cambridge: Polity Press, 1987

106. *Goodman L.A.* New methods for analyzing the intrinsic character of qualitative variables using cross-classified data // American Journal of Sociology, 1987, 93, pp.529–583

107. *Greenacre M.J.* Correspondence analysis in practice.- London: Academic Press, 1993

108. *Hulbert J.* Information Processing Capacity and Attitude Measurement // Journal of Marketing Research. – 1975. – №12. – С. 104-106

109. *Huntington S. P.* Political order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968

110. *Inglehart R.* The silent revolution. Changing values and political styles among Western publics. Princeton, 1977

111. *Kaase M., Marsh A.* Political Action: A Theoretical Perspective // Barnes S. H., Kaase M., et al. Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1979, Ch. 2, pp. 27-56.

112. *Kidder L.H., Judd C.M.* Research Methods in Social Relations. 5th edition. – New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1986.

113. *Lasswell H.D.* Power and Society.- N.Y., 1950

114. *Lazersfeld P., Berelson B. & Gaudet H.* The People's Choice. How the voters makes up his mind in a presidential campaign. N.Y., Columbia fniv. Press, 1948

115. *Lerner D.* The Passing of Traditional Society, Free Press, New York 1958.

116. *Lippmann W.* Public opinion. Harcourt, 1922

117. *Lipset S. M.* Political man: The social bases of politics.- Baltimore, 1981

118. *Lipset S.M., Schneider W.* The Confidence Gap: Business, Labor, and Government in the Public Mind. New York, Free Press 1983.

119. *Lipset, S. M.* The Social Requisites of Democracy Revisited: 1993 Presidential Address //American Sociological Rev., 1994, 59 (1), pp. 1-22.

120. *Lissitz R.W., Green S.B.* Effect of the Number of Scale Points on Reliability: A Monte Carlo Approach // Journal of Applied Psychology. – 1975. – №60. – С. 10-13

121. *Mair J.M.M.* Some problems in repertory grid measurement // British Journal of Psychology. – 1967. – №58. – С. 261–270

122. *Marsh A.* Protest and political consciousness .Beverly Hills,CA:Sage, 1977.

123. *Masters, J. R.* The Relationship between Number of Response Categories and Reliability of Likert-Type Questionnaires // Journal of Educational Measurement. – 1974. – №11. С. 49-53

124. *McAllister I., White S.* Political Participation in Postcommunist Russia: Voting, Activism and Potential for Mass Protest // «Political Studies», v. 41, 1994, p. 615.

125. *Meiser T., Hewstone M.* Crossed categorization effects on the formation of illusory correlations // European Journal of Social Psychology, 2001, 31, pp.443–466.

126. *Milbrath L.* Political Partizipation. Chicago, 1965. P.19.

127. *Millett, S. & Honton, E. A* Manager's Guide to Technology Forecasting and Strategy Analysis Methods. New York: Battelle Press, 1991

128. *Millis K.K., Neimeyer R.A.* A test of the dichotomy corollary: propositions versus constructs as basic cognitive units // International Journal of Personal Construct Psychology. – 1990. – №3. – С. 167–181

129. *Moore M.* Rating versus ranking in the Rokeach Value Survey: an Israeli comparison // European Journal of Social Psychology; Sep75, Vol. 5 Issue 3, Pp. 405-408.

130. *Neumann, L.* Effects of scale length on means and correlation coefficients // Quality & Quantity; Sep83, Vol. 17 Issue 5, Pp. 405-408.

131. *Ng S. H.* Choosing between the ranking and rating procedures for the comparison of values across cultures // European Journal of Social Psychology; Jun82, Vol. 12 Issue 2, Pp. 169-172.

132. *Niemi, R. G., Carmines, E. G., McIver, J. P.* The impact of scale length on reliability and validity // Quality & Quantity; 1986, Vol. 20 Issue 4, Pp. 371-375.

133. *Osgood C., Suci C., Tannenbaum P.* The measurement of meaning. – Urbana: University of Illinois press, 1957.

134. *Renshon S.* Psychological Needs and Political Behavior: A Theory of Personality and Political Efficiency. N. Y., Free Press. 1974.

135. *Riefer D.M., Batchelder W.H.* Multinomial modeling and the measurement of cognitive processes // Psychological Review, 1988, 95, pp.318–339.

136. *Riemann R.* The bipolarity of personal construct //International Journal of Personal Construct Psychology. – 1990. – №3. – С. 149–165

137. Riemann R. The dichotomy corollary: basic or superfluous? / Joern W. Scheer, Ana Catina (Eds.) Empirical Constructivism in Europe. – Giessen: Psychosozial Verlag, 1996. – С. 70–77

138. *Russell, P.A., Gray, C.D.* Ranking or rating? Some data and their implications for the measurement of evaluative response // British Journal of Psychology; Feb94, Vol. 85 Issue 1, Pp. 79-92.

139. *Simmel G.* Soziologie des Raumes// G.Simmel. Schriften zur Soziologie. Eine Auswahl / Hrsgg. u. eingeleitet v. H.-J.Dahme u. O.Rammstedt. Frankfurt a. M., 1983. S. 221–242.. Цит. по [63]

140. *Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen ber die Formen der Vergesellschaftung / Herausgegeben von O.Rammstedt (Gesamtausgabe, Bd. 11). Frankfurt a. M., Suhrkamp, 1992. S. 687–790 Цит. по [63]

141. *Thurstone L.L., Chave E.J.* The Measurement of Attitude.- Chicago: University of Chicago Press, 1929

142. *Verba S., Nue N.* Partizipation in America: Political Democracy and Social Equality. N.Y., 1972

143. *Vermunt J.K., Anderson C.J.* Joint Correspondence Analysis by Maximum Likelihood // Methodology, 2005; Vol. 1(1):18–26

144. *Walonick D.S.* An Overview of Forecasting Methodology. www.statpac.com/research-papers/forecasting.htm

145. *Wyman M. et al.* Public Opinion, Parties and Voters in the December 1993 Russian Elections // «Europe-Asia Studies», v. 47.

ГЛОССАРИЙ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

Данный глоссарий содержит рабочие определения основных терминов, используемых в работе. Глоссарий составлен на основе традиционных представлений Санкт-Петербургской школы политической психологии (см.работы А.И.Юрьева) и личных изысканий автора. В других случаях приводится ссылка на автора определения того или иного понятия.

Политический человек – это человек, чьи качества определяются взаимодействием с властью и влиянием той политической среды, в которой он находится.

Психоценоз – совокупность людей с различными, часто трудно совместимыми психологическими свойствами, особенностями, состояниями, составляющее политическое общество.

Политическое пространство – психологическое пространство существования населения, в котором реализуется политическая активность, действия, поведение и деятельность. Политическое пространство имеет структурные и динамические компоненты, а позиция в нем индивида определяет его электоральный выбор.

Политическая активность – нецеленаправленная готовность человека совершать определенные действия политического характера, равно как и состояние, предполагающее совершение этих действий

Политическое действие – всякое поддающееся наблюдению, открытое поведение, демонстрируемое в рамках политической системы индивидом или социальной группой. Политическое действие может представлять собой незапланированное, спонтанное поведение или же оно может быть частью последовательного процесса принятия и осуществления решений.

Политическое поведение – человеческие мысли и действия, относящиеся к процессу управления. Политическое поведение включает и внутренние реакции (мысли, восприятие, суждение, установки, убеждения) и наблюдаемые действия

(участие в выборах, выражение протеста, лоббирование, проведение собраний, кампаний). В самом широком смысле поведение, являющееся «политическим», может обнаруживать себя в любой институциональной обстановке (семья, бизнес, церковь и т.п.), однако термин обычно употребляется применительно к деятельности, развертываемой в рамках или через посредство институциональной обстановки государства. **Пространство политического поведения** – совокупность внешних и внутренних проявлений и причин политического поведения, характеризующее социальную общность. Например, пространство политического поведения может быть ограничено определенными формами политического участия.

Политическое участие – совокупность форм и уровней вовлеченности человека в политику, потенциальный уровень которого определяется его психологическими свойствами, а актуальной – его психическими состояниями.

Установка – особое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовлетворение потребности в данной ситуации. *(Д.Н.Узнадзе)*

Политическое взаимодействие – непосредственное взаимодействие граждан, возможными формами которого являются коммуникация или совместные действия той или иной степени согласованности и осознанности, предмет которого прямо или косвенно относится к сфере политического. Высшей формой политического взаимодействия являются политические партии. **Пространство политического взаимодействия** – совокупность всей сетевой системы взаимодействия граждан, определяющей структуру политического общества. **Потенциал политического взаимодействия** – мера готовности к политическому взаимодействию, моет относиться как к индивиду, так и к группе.

Политическое сознание – восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения, государством и его институтами *(Е.Б.Шестопал)*. Политическое сознание - психологический феномен, содержащий стабильные характеристики когнитивных процессов,

относящийся к политической реальности. Политическое сознание содержит в себе конструкты, категории, убеждения, ценности, определяя восприятие, понимание и суждение как по отношению к абстрактным, идеальным политическим объектам (идеям, лозунгам и т.д.), так и к реальным (политическим партиям, персонам и т.д.). **Пространство политического сознания** – многомерная категориальная структура общественного сознания, определяемая как условно объективными (например, идеологическими), так и субъективными характеристиками.

Политические эмоции – сфера аффективных явлений, вызываемых политическими стимулами как идеального, так и реального характера. **Политическое отношение** – аффективное явление, вызываемое конкретным стимулом политического характера (частная политическая эмоция). **Пространство политического отношения** – общественная система категоризации политических объектов, основанная на политических эмоциях.

Политические партии. Партия – объединение психологически близких людей, связанных мотивом использования власти для характерных целей присущим им образом в благоприятных условиях. Общественно-политическая организация является партией в том случае, если целью ее деятельности является власть, которая достигается только коллективными усилиями на основе теоретической модели общества. Партии являются носителями психологических феноменов, которые обеспечивают воплощение политики в политические явления.

Политическая партия – «это общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления.» *(Федеральный закон № 93 «О политических партиях» в редакции от 21.07.05, статья 3, п.1)*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Бланк анкетного опросника

ДАТА: ____ ИНТЕРВЬЮЕР:_____

РАЙОН: _____ № АНКЕТЫ ____

ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

ВОПРОС	**1. Собираетесь ли вы принять участие в ближайших выборах…**	Точно да	Скорее да	Скорее нет	Точно нет	Затрудняюсь
1.1	**Депутатов местных советов**	1	2	3	4	99
1.2	**Депутатов Законодательного собрания Санкт-Петербурга**	1	2	3	4	99
1.3	**Депутатов Государственной Думы**	1	2	3	4	99
1.4	**Президента**	1	2	3	4	99

	2. Знаете ли Вы эти партии? *(ОТВЕТ ПО КАЖДОЙ, ЕСЛИ ДА – СТАВИТЬ ГАЛОЧКУ)*	**3. Если бы выборы в Законодательное собрание Санкт-Петербурга состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию Вы бы проголосовали?** *(ТОЛЬКО 1 ОТВЕТ, КАРТОЧКА)*
Единая Россия (Грызлов)	**2.1**	1
КПРФ (Зюганов)	**2.2**	2
ЛДПР (Жириновский)	**2.3**	3
Объединенная партия «Родина» - «Российская Партия Жизни» (Бабаков, Миронов)	**2.4**	4
Партия Пенсионеров (Зотов)	**2.5**	5
Патриоты России (Семигин)	**2.6**	6
СПС (Белых)	**2.7**	7
Яблоко (Явлинский)	**2.8**	8
Другая партия		9
Не пойду голосовать		55
Затрудняюсь ответить		99

4. Насколько часто вы смотрите политические программы по ТВ / читаете статьи в газетах / журналах про политику?

1. Раз в день и чаще	2. 2-3 раза в неделю	3. 3-4 раза в месяц	4. Раз в несколько месяцев	99. Затрудняюсь

5. Состояли ли вы когда-нибудь в общественных или политических объединениях?

1. Да	2. Нет	*(ЕСЛИ ДА, ПОПРОСИТЕ ПРОКОММЕНТИРОВАТЬ)*

6. Участвовали ли вы когда-нибудь в митингах?

1. Да, более 10 раз	2. Да, 5-9 раз	3. Да, 3-4 раза	4. Да, 1-2 раза	5. Нет	99. Затрудняюсь

7. Насколько часто вы беседуете о политике с коллегами, друзьями?

1. Раз в день и чаще	2. 2-3 раза в неделю	3. 3-4 раза в месяц	4. Раз в несколько месяцев	99. Затрудняюсь

8. В беседах о политике вы стараетесь отстоять свою точку зрения?

1. Да, «до хрипоты»	2. Да, стараюсь	3. Стараюсь, но не особо	4. Вообще не стараюсь	5. Не говорю

9. Сколько у вас знакомых, которых вам иногда удается убеждать в правильности своей точки зрения?

_____ *(ЦИФРА)*	33. Нет таких	55. Не спорю	99. Не знаю

10. Со сколькими знакомыми (друзья, приятели, коллеги, родственники) в день в среднем вы общаетесь (лично / по телефону / e-mail / ICQ)?

1. 1-2 человека	2. 3-5 человек	3. 6-10 человек	4. 11-20 человек	5. более 20	6. нет таких

11. Пол 1 – мужской 2 - женский

12. Возраст

1. 18-24	2. 25-34	3. 35-44	4. 45-54	5. 55-64	6. 65 и старше

13. Сколько человек вместе с вами проживает в квартире/доме, считая вас?

1 2 3 4 5 более 5

(ЕСЛИ ОДИН, ПЕРЕЙТИ К ВОПРОСУ 15)

14. С кем вы проживаете? *(ТОЛЬКО ТЕМ ВОЗМОЖНО >1 ОТВЕТА)*

Живу с родителями 1
Живу с супругом / супругой, девушкой / молодым человеком 2
Живу с другом / подругой 3
Живу с детьми 4
Живу с внуками / бабушками-дедушками 5

15. Каково Ваше образование на сегодняшний день?

Неполное среднее 1
Среднее общее 2
Среднее специальное (техникум, ПТУ) 3
Неполное высшее (не менее 3-х курсов) 4
Высшее 5

16. Оцените уровень дохода вашей семьи?

Не хватает на еду 1
Хватает на еду, но не на одежду 2
Хватает на еду, одежду, а мебель, техника и отдых – проблема 3
Хватает на все, кроме машины и квартиры 4
Хватает на все, кроме квартиры 5
Хватает на все 6
Отказ отвечать 7

17. В данный момент Вы работаете?

Работаю (полная занятость) 1
Работаю (частичная занятость) 2
Не работаю, домохозяйка 3
Не работаю, учусь 4
Не работаю, но ищу работу 5
Не работаю, пенсионер 6

(ПРО РОД ЗАНЯТИЙ И СФЕРУ ЗАНЯТОСТИ СПРАШИВАТЬ ТЕХ, КТО РАБОТАЕТ)

18. Каков Ваш род занятий?

Служащий 1
Рабочий 2
Специалист (с высшим образованием) 3
Руководитель высшего звена 4
Руководитель среднего звена 5
Предприниматель 6

19. В какой сфере Вы работаете?

Государственный сектор 1
Коммерческое учреждение 2
Другое 3

20. Для контроля моей работы мне необходимо узнать Ваше имя-отчество
(ЗАПИШИТЕ) _____

21. И скажите, пожалуйста, ваш телефон (мобильный, домашний или рабочий). Это очень важно, без этого у меня не примут работу. _____

Единая Россия *(далее – аналогично по 5 партиям)*

Эта партия скорее вызывает у меня следующее отношение, состояние…			
	Любовь	3…..2…..1…..2…..3	Ненависть
	Антипатия	3…..2…..1…..2…..3	Симпатия
	Восхищение	3…..2…..1…..2…..3	Возмущение
	Негармоничность	3…..2…..1…..2…..3	Гармоничность
	Сытость	3…..2…..1…..2…..3	Голод
	Враждебность	3…..2…..1…..2…..3	Дружелюбие
	Готовность	3…..2…..1…..2…..3	Растерянность
	Скука	3…..2…..1…..2…..3	Любопытство
	Энергичность	3…..2…..1…..2…..3	Утомленность
	Напряженность	3…..2…..1…..2…..3	Расслабленность
	Спокойствие	3…..2…..1…..2…..3	Тревожность
	Стресс	3…..2…..1…..2…..3	Хладнокровие
	Общительность	3…..2…..1…..2…..3	Замкнутость
	Фанатичность	3…..2…..1…..2…..3	Конформность
	Терпимость	3…..2…..1…..2…..3	Принципиальность
	Критичность	3…..2…..1…..2…..3	Расслабленность

(читайте начало вопроса, выбираете, какой ответ в большей степени подходит)

	Эта партия мне	нравится	3…..2…..1…..2…..3	не нравится
	Если я узнаю о ней что-то хорошее	я не буду рассказывать знакомым	3…..2…..1…..2…..3	расскажу знакомым
	Если я узнаю о ней что-то плохое	я не буду рассказывать знакомым	3…..2…..1…..2…..3	расскажу знакомым
	Если пригласят вступить в эту партию	откажусь	3…..2…..1…..2…..3	соглашусь
	Что проголосую за эту партию	Нет шансов	3…..2…..1…..2…..3	есть шансы
	Голосовать за эту партию	точно буду	3…..2…..1…..2…..3	точно не буду
	В этой партии	нет ярких личностей	3…..2…..1…..2…..3	есть яркие личности
	Решить важные проблемы эта партия	способна	3…..2…..1…..2…..3	не способна
	Я считаю, что в Госдуму	эта партия не пройдет	3…..2…..1…..2…..3	эта партия пройдет
	Если кандидат, кот. я уважаю, будет баллотироваться от этой партии	я не буду за него голосовать	3…..2…..1…..2…..3	я буду за него голосовать
	Статьи в СМИ о этой партии	мне интересны, буду читать	3…..2…..1…..2…..3	мне не интересны, читать не буду
	Эта партия скорее ориентирована на	сохранение того хорошего, что есть	3…..2…..1…..2…..3	создание нового
		усиление контроля государства над бизнесом	3…..2…..1…..2…..3	уменьшение контроля государства над бизнесом
		поддержку бизнеса	3…..2…..1…..2…..3	Защиту населения
		сильную власть	3…..2…..1…..2…..3	увеличение свобод
		интеграцию страны в мировое сообщество	3…..2…..1…..2…..3	сохранение особенности страны

Приложение 2. Квотные задания интервьюерам

Данные квотные задания давались каждому из 5 интервьюеров, таким образом суммарно планировалось собрать 750 анкет. Сдано интервьюерами была 741 анкета, из них 63 было забраковано.

	18-24	**25-34**	**35-44**	**45-54**	**55-64**	**65-**
Мужчины	9	13	14	11	9	8
Женщины	10	14	17	14	12	19
сумма	*19*	*27*	*31*	*25*	*21*	*27*

18-24 лет (19 человек)	студентов относительно престижных вузов	*4-5 человек*
	студентов не престижных	*3 человека*
	рабочие, водители	*4-6 человек*
25-54 лет (83 человека)	неработающих	*не более 5 человек*
	Служащий	*25-28 человек*
	Рабочий	*17-20 человек*
	Специалист (с высшим образованием)	*24-25 человека*
	Руководитель высшего звена	*4-5 человека*
	Руководитель среднего звена	*5-6 человек*
	Предприниматель	*3-4 человека*

Доходы	Не хватает на еду	*2-3 человека*
	Хватает на еду, но не на одежду	*7-9 человек*
	Хватает на еду, одежду	*30-32 человека*
	Хватает на все, кроме машины и квартиры	*65-70 человек*
	Хватает на все, кроме квартиры	*35-40 человек*
	Хватает на все	*4-5 человек*

Приложение 3. Варианты расположения шкал

Вар.1 (исходный уникальный №1)	
Любовь	Ненависть
Антипатия	Симпатия
Восхищение	Возмущение
Негармоничность	Гармоничность
Сытость	Голод
Враждебность	Дружелюбие
Готовность	Растерянность
Скука	Любопытство
Энергичность	Утомленность
Напряженность	Расслабленность
Спокойствие	Тревожность
Стресс	Хладнокровие
Общительность	Замкнутость
Фанатичность	Конформность
Терпимость	Принципиальность
Критичность	Расслабленность

Вар.2 (исходный уникальный №2)	
Энергичность	Утомленность
Терпимость	Принципиальность
Спокойствие	Тревожность
Антипатия	Симпатия
Фанатичность	Конформность
Готовность	Растерянность
Стресс	Хладнокровие
Негармоничность	Гармоничность
Напряженность	Расслабленность
Сытость	Голод
Общительность	Замкнутость
Критичность	Расслабленность
Восхищение	Возмущение
Любовь	Ненависть
Враждебность	Дружелюбие
Скука	Любопытство

Вар.3 (вертикально симм. вар.1)	
Критичность	Расслабленность
Терпимость	Принципиальность
Фанатичность	Конформность
Общительность	Замкнутость
Стресс	Хладнокровие
Спокойствие	Тревожность
Напряженность	Расслабленность
Энергичность	Утомленность
Скука	Любопытство
Готовность	Растерянность
Враждебность	Дружелюбие
Сытость	Голод
Негармоничность	Гармоничность
Восхищение	Возмущение
Антипатия	Симпатия
Любовь	Ненависть

Вар.4 (вертикально симм. вар.2)	
Скука	Любопытство
Враждебность	Дружелюбие
Любовь	Ненависть
Восхищение	Возмущение
Критичность	Расслабленность
Общительность	Замкнутость
Сытость	Голод
Напряженность	Расслабленность
Негармоничность	Гармоничность
Стресс	Хладнокровие
Готовность	Растерянность
Фанатичность	Конформность
Антипатия	Симпатия
Спокойствие	Тревожность
Терпимость	Принципиальность
Энергичность	Утомленность

Вар.5 (горизонтально симм. вар.1)	
Ненависть	Любовь
Симпатия	Антипатия
Возмущение	Восхищение
Гармоничность	Негармоничность
Голод	Сытость
Дружелюбие	Враждебность
Растерянность	Готовность
Любопытство	Скука
Утомленность	Энергичность
Расслабленность	Напряженность
Тревожность	Спокойствие
Хладнокровие	Стресс
Замкнутость	Общительность
Конформность	Фанатичность
Принципиальность	Терпимость
Расслабленность	Критичность

Вар.6 (горизонтально симм. вар.1)	
Утомленность	Энергичность
Принципиальность	Терпимость
Тревожность	Спокойствие
Симпатия	Антипатия
Конформность	Фанатичность
Растерянность	Готовность
Хладнокровие	Стресс
Гармоничность	Негармоничность
Расслабленность	Напряженность
Голод	Сытость
Замкнутость	Общительность
Расслабленность	Критичность
Возмущение	Восхищение
Ненависть	Любовь
Дружелюбие	Враждебность
Любопытство	Скука

Приложение 4. Характеристика уникальных бланков

Порядок партий	*Порядок вариантов шкал*

Порядок партий	*Порядок вариантов шкал*

Порядок партий № 1, прямой		
Порядок вариантов шкал № 1, прямой		
1	Единая Россия	вар 1
2	Союз Правых Сил	вар 2
3	Яблоко	вар 3
4	РПЖ + Родина	вар 4
5	КПРФ	вар 5
6	ЛДПР	вар 6

Порядок партий № 1, обратный		
Порядок вариантов шкал № 1, прямой		
6	ЛДПР	вар 1
5	КПРФ	вар 2
4	РПЖ + Родина	вар 3
3	Яблоко	вар 4
2	Союз Правых Сил	вар 5
1	Единая Россия	вар 6

Порядок партий № 1, прямой		
Порядок вариантов шкал № 2, прямой		
1	Единая Россия	вар 3
2	Союз Правых Сил	вар 5
3	Яблоко	вар 6
4	РПЖ + Родина	вар 1
5	КПРФ	вар 4
6	ЛДПР	вар 2

Порядок партий № 1, обратный		
Порядок вариантов шкал № 2, прямой		
6	ЛДПР	вар 3
5	КПРФ	вар 5
4	РПЖ + Родина	вар 6
3	Яблоко	вар 1
2	Союз Правых Сил	вар 4
1	Единая Россия	вар 2

Порядок партий № 2, прямой		
Порядок вариантов шкал № 1, прямой		
1	Яблоко	вар 1
2	КПРФ	вар 2
3	Единая Россия	вар 3
4	РПЖ + Родина	вар 4
5	ЛДПР	вар 5
6	Союз Правых Сил	вар 6

Порядок партий № 2, обратный		
Порядок вариантов шкал № 1, прямой		
6	Союз Правых Сил	вар 1
5	ЛДПР	вар 2
4	РПЖ + Родина	вар 3
3	Единая Россия	вар 4
2	КПРФ	вар 5
1	Яблоко	вар 6

Порядок партий № 2, прямой		
Порядок вариантов шкал № 2, прямой		
1	Яблоко	вар 3
2	КПРФ	вар 5
3	Единая Россия	вар 6
4	РПЖ + Родина	вар 1
5	ЛДПР	вар 4
6	Союз Правых Сил	вар 2

Порядок партий № 2, обратный		
Порядок вариантов шкал № 2, прямой		
6	Союз Правых Сил	вар 3
5	ЛДПР	вар 5
4	РПЖ + Родина	вар 6
3	Единая Россия	вар 1
2	КПРФ	вар 4
1	Яблоко	вар 2

Приложение 5. Общности переменных в факторном анализе

№	Шкала	Общность
1.	Антипатия (Симпатия)	0,706
2.	Любовь (Ненависть)	0,616
3.	Восхищение (Возмущение)	0,534
4.	Эта партия мне нравится (не нравится)	0,648
5.	Враждебность (Дружелюбие)	0,512
6.	Негармоничность (Гармоничность)	0,498
7.	Голосовать за эту партию точно буду (точно не буду)	0,767
8.	Нет шансов, что проголосую за эту партию (есть шансы)	0,728
9.	Если пригласят вступить в эту партию, откажусь (соглашусь)	0,379
10.	Если кандидат, которого я уважаю, будет баллотироваться от этой партии, я не буду за него голосовать (буду голосовать)	0,500
11.	В этой партии нет ярких личностей (есть яркие личности)	0,312
12.	Скука (Любопытство)	0,514
13.	Общительность (Замкнутость)	0,356
14.	Я считаю, что в Госдуму эта партия не пройдет (пройдет)	0,229
15.	Эта партия способна решить важные проблемы (не способна)	0,474
16.	Энергичность (Утомленность)	0,425
17.	Готовность (Растерянность)	0,313
18.	Спокойствие (Тревожность)	0,562
19.	Стресс (Хладнокровие)	0,428
20.	Напряженность (Расслабленность)	0,447
21.	Если я узнаю о партии что-то плохое, я не буду рассказывать знакомым (расскажу)	0,605
22.	Если я узнаю о партии что-то хорошее, я не буду рассказывать знакомым (расскажу)	0,551
23.	Статьи в СМИ о этой партии мне интересны, буду читать (не буду читать)	0,312
24.	*Эта партия скорее ориентирована на интеграцию страны в мировое сообщество (сохранение особенности страны)*	*0*
25.	*Эта партия скорее ориентирована на поддержку бизнеса (защиту населения)*	*0*
26.	*Критичность (Расслабленность)*	*0*
27.	*Эта партия скорее ориентирована на усиление (уменьшение) контроля государства над бизнесом*	*0*
28.	*Сытость (Голод)*	*0*
29.	*Терпимость (Принципиальность)*	*0*
30.	*Эта партия скорее ориентирована на сильную власть (увеличение свобод)*	*0*
31.	*Фанатичность (Конформность)*	*0*
32.	*Эта партия скорее ориентирована на сохранение того хорошего, что есть (создание нового)*	*0*

Приложение 6. Центроиды электоральных групп в пространстве канонических функций

Если бы выборы в Законодательное собрание Санкт-Петербурга состоялись в ближайшее воскресенье, за какую партию Вы бы проголосовали?	Каноническая функция				
	1	2	3	4	5
Единая Россия	-0,284	0,134	-0,027	0,049	0,001
КПРФ	-0,104	-0,058	0,017	-0,168	0,035
ЛДПР	-0,440	-0,234	0,194	0,105	0,000
Родина-РПЖ	0,110	-0,310	-0,384	0,062	-0,016
Яблоко	0,060	-0,062	-0,201	0,044	0,020
Не пойду голосовать	0,522	0,014	0,050	0,006	-0,004
Затрудняюсь ответить	-0,362	-0,019	-0,007	-0,190	-0,036